

А. А. Силкин

Королевство
сербов,
хорватов
и словенцев:
на пути
к диктатуре

1918 - 1929

Серия
«BIBLIOTHECA SERBICA»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

**Редколлегия серии
«Bibliotheca Serbica»**

директор Института славяноведения РАН,
д. и. н. *К. В. Никифоров* (председатель)

д. и. н. *М. В. Белов*

к. и. н. *П. А. Искендеров*

к. и. н. *Л. В. Кузьмичева*

д. и. н. *А. Л. Шемякин*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Силкин

**Королевство
сербов,
хорватов
и словенцев:
на пути
к диктатуре**

1918 - 1929

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Л. Шемякин

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2008

УДК 323.1:94
ББК 66.2(4Юго)+63.3(4)
С36

*Работа выполнена при поддержке
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук РАН
«Власть и общество в истории» (2006–2008)*

Силкин А. А.

С36 Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. / А. А. Силкин ; отв. ред. А. Л. Шемякин. — СПб.: Алетейя, 2008. — 200 с. — (Серия «Bibliotheca Serbica»).

ISBN 978-5-91419-100-6

Монография посвящена первому десятилетию существования югославского государства, его внутривластному развитию, приведшему к установлению режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. Выбор темы и хронологических рамок исследования предопределен важностью 20-х гг. для всей истории Югославии. Автор описывает обстоятельства создания Королевства СХС, роль в этом процессе государственных деятелей Королевства Сербия и югославян Австро-Венгрии. Значительное внимание посвящено проблеме выработки первой конституции нового государства — его административно-территориальному и национальному устройству. Политическую жизнь Королевства СХС автор рассматривает через призму десятилетнего противостояния так называемых «сербиянских» (из довоенной Сербии) и хорватских политиков. Их борьба предопределила кризисный характер развития страны. Немаловажное место в работе занимает анализ особых черт югославского парламентаризма, отличавших его от западноевропейского «оригинала».

Книга адресована интересующимся историей и культурой Югославии и Балкан.

УДК 323.1:94
ББК 66.2(4Юго)+63.3(4)

ISBN 978-5-91419-100-6

9 785914 191006

© А. А. Силкин, 2008
© Институт славяноведения РАН, 2008
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2008
© «Алетейя. Историческая книга», 2008

ВВЕДЕНИЕ

С момента появления на карте Европы Королевство сербов, хорватов и словенцев было неоднородным территориально-государственным образованием. Излишне перечисление всех исторических, религиозных, национальных и экономических признаков, разделявших югославян. Достаточно сказать, что они платили налоги в соответствии с пятью разными фискальными системами¹. И после 1918 г. в стране продолжали действовать правовые нормы довоенных Сербии, Черногории и Австро-Венгрии. Территория Югославии была разделена на шесть так называемых «правовых областей»: Сербия, Черногория, Банская Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и частью Срема, Воеводина с Меджимурьем и Преко-мурьем, Словения с Далмацией и частью Истрии, Босния и Герцеговина². Объединяло сербов, хорватов и словенцев избирательное право Сербского королевства, приобретшее общеегославский характер в 1919 г.

Однако согласно официально продекларированному мнению сербского руководства все прежние различия компенсировались единственным обстоятельством, неумолимо побуждавшим к созданию Югославии, — «народным единством сербов, хорватов и словенцев». Национальный унитаризм стал играть в политике Сербии роль «категорического императива» во время Первой мировой войны. Известная «Нишская декларация» королевского сербского правительства от 7 декабря 1914 г. «целью священной борьбы сербского народа» определяла «освобождение

¹ *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. I. Beograd, 1988. S. 62.

² *Janković D., Mirković M.* Državnopravna istorija Jugoslavije. Beograd, 1982. S. 385.

и объединение всех наших несвободных братьев — сербов, хорватов и словенцев»¹.

Будущее показало слабое укоренение идеи существования «трехименного народа» в умах югославских политиков, однако в военное время она сослужила сербам, провозгласившим себя представителями интересов «всех трех частей одного народа», добрую службу в деле аргументации собственных территориальных притязаний. Как известно, на протяжении войны сербское правительство предусматривало два варианта их реализации — «малое» и «большое» решение. Первое предполагало присоединение к Сербии традиционно считавшихся сербскими территориями: Боснии и Герцеговины, большей части Воеводины, Славонии, южной Далмации². Второе, предпочтительное, состояло в объединении вокруг Сербии всех земель, населенных югославянами. По словам Слободана Йовановича, крупнейшего сербского историка и юриста, официальный Белград полагал, что выполнения главной задачи — объединения всех сербов — «невозможно добиться ни в какой иной форме, кроме Югославии»³.

В течение четырех военных лет перспективы реализации заявленной амбициозной программы ставились под сомнение как неблагоприятным ходом боевых действий, так и непостоянной позицией союзников Сербии, для которых интересы южных славян были разменной картой в большой дипломатической игре, где на кону было соотношение сил в послевоенной Европе. Только незадолго до окончания войны в Лондоне, Париже и Вашингтоне склонились к решению о расчленении Австро-Венгрии. В этих условиях сербскому руководству неоднократно приходилось задумываться о пересмотре приоритетов своего военного и дипломатического курса и возвращении к «малому решению»⁴. Таким образом, публичный югославизм сербов не столько демонстрировал их верность «родственным обязательствам» при определении целей собственной деятельности, сколько

¹ Izjava kr. Srpske vlade u Narodnoj Skupštini // Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 10.

² Janković D. Srbija i stvaranje Jugoslavije // Politički život Jugoslavije. 1914–1945. Zb. Radova. Beograd, 1973. S. 55.

³ Цит. по: Шемякин А. Л. Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1997. С. 375.

⁴ В частности, в начале 1918 г., когда в Лондоне и Вашингтоне склонялись к сохранению Дунайской монархии, Н. Пашич, оставив в стороне свой «долг» перед «братьями» хорватами и словенцами, заявлял о необходимости обеспечить Сербии присоединение хотя бы Боснии и Герцеговины. (См.: Шемякин А. Л. Указ. соч. С. 373.)

служил обоснованию не изменившейся со времен Балканских войн стратегии сербского государства.

В целях пропаганды своей политики в Англии, Франции и Северной Америке руководство Сербии искало сотрудничества с теми общественно-политическими деятелями — подданными Дунайской империи, которых оно считало подходящими для исполнения роли представителей интересов южных славян Австро-Венгрии. Таким «младшим партнером» сербского правительства на протяжении всей войны был Югославянский комитет, созданный 30 апреля 1915 г. в Лондоне (в конце 1918 г. к нему присоединилось и Народное Вече государства словенцев, хорватов и сербов, возникшего на обломках Австро-Венгрии¹).

Лазар Маркович, идеолог сербской Народной радикальной партии, следующим образом охарактеризовал роль комитета в политике Сербии: «Существовала политическая необходимость в том, чтобы Югославянский комитет как представитель устремлений нашего народа в австро-венгерских областях действовал в роли не зависимого от сербского правительства фактора. Внешнеполитические обстоятельства требовали предоставления Европе... доказательств, что при решении вопроса о югославянском объединении не идет речь об исключительно сербской политике, целью которой было бы... создание Великой Сербии с возможным включением в ее состав и хорватских земель»².

Идеологическому обоснованию югославянского «Рисорджименто» служила Корфская декларация от 20 (7) июля 1917 г., подписанная с одной стороны Николой Пашичем, председателем совета министров и министром иностранных дел Королевства Сербия, и с другой стороны Анте Трумбичем, председателем Югославянского комитета. Декларация провозглашала единство сербско-хорватско-словенского народа «по крови, по языку — устному и письменному, по ощущению своего единства, по неделимости и целостности территории, на которой он совместно проживает, по общим жизненным интересам своего национального бытия и всестороннего развития своей духовной и материальной жизни». И далее: «Идея национального единства никогда не угасала» несмотря на то, что народ «жил обособленно в составе нескольких государств, а в самой Австро-Венгрии его

¹ 14 октября 1918 г. Народное Вече словенцев, хорватов и сербов объявило себя законным представителем югославянских областей Австро-Венгрии, а 29 октября провозгласило их отделение и образование Государства СХС, не получившего международного признания.

² *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929) Beograd, 1991. S. 29.

поделили не три имени племен, а одиннадцать областных администраций и тринадцать законодательств. Благодаря чувству национального единства и свободолюбивому духу народ перенес непрерывную многовековую борьбу, на востоке — с турками, на западе — с немцами и венграми. Исходя из вышесказанного, «полномочные представители сербов, хорватов и словенцев», «известных под именем южных славян, или югославян», налагали на себя обязательство выполнить их «основывающееся на принципе свободного самоопределения народов требование» «полного освобождения от чужестранного рабства и объединения в одном свободном, национальном и независимом государстве, основанном на современных демократических принципах», гарантирующих «конфессиональный мир, присущий духу и истории нашего народа». «Народная энергия будет реализовываться в самоуправляющихся территориальных единицах, чьи границы будут очерчены в соответствии с природными, социальными и экономическими обстоятельствами»¹.

Выполнение поставленной задачи символизировал «Перводекабрьский акт объединения» 1918 г., состоявший во вручении принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу² адреса делегации Народного Вече государства словенцев, хорватов и сербов, в котором выражалась решимость южных славян Австро-Венгрии «объединиться с Сербией и Черногорией в единое народное государство». В ответ принц-регент Александр провозгласил образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, ставшего плодом усилий «лучших сынов нашей крови с обеих сторон Дуная, Савы и Дрины, исповедовавших все три веры, носивших все три имени»³.

Сербскому руководству создание югославянского государства представлялось успешным завершением политики, проводимой с начала Мировой войны. Абсолютной была убежденность в том, что достигнутые результаты гарантируют реализацию сербской национальной программы. Так, принц-регент Александр полагал, что своими достижениями превзошел Стефана Неманю и Стефана Душана и завершил «кровавую освободительную борьбу, начало которой положил своими подвигами

¹ Krfiska deklaracija od 20. (7.) jula 1917 // Šišić F. Op. cit. S. 96–99.

² Регентство принца Александра Карагеоргиевича продолжалось с 1914 г. по 1921 г., когда умер его отец — король Петр Карагеоргиевич.

³ Obrazovanje Kraljevine SHS // Šišić F. Op. cit. S. 280–283. (Международный статус и границы Королевства СХС зафиксированы Версальским, Сен-Жерменским, Нейским мирными договорами 1919 г. и Трианонским и Рапалльским мирными договорами 1920 г.)

Карагеоргий»¹. Престолонаследнику вторил и радикал Люба Йованович, сравнивший итог войны с несостоявшейся победой над средневековыми турецкими завоевателями: «На Косовом поле мы спасли честь нашего племени, а сегодня и честь, и справедливость». По мнению Стояна Протича — председателя первого югославского кабинета министров, — Королевство СХС ожидало «величественное будущее», перед ним открывались «наилучшие перспективы»².

Оптимистичные ожидания «сербских»³ государственных деятелей не оправдались. На протяжении всего межвоенного периода словосочетание «государственный кризис» не сходило со страниц аналитической прессы и с уст политиков Королевства сербов, хорватов и словенцев (с октября 1929 г. — Королевства Югославия). Однако, по здравому размышлению, кризис не может длиться два с лишним десятилетия. Попытки достоверно локализовать его во времени приводят исследователя к нескольким событиям, среди которых и установление авторитарного режима короля Александра (6 января 1929 г.), и фактический распад страны, произошедший после подписания 26 августа 1939 г. «Соглашения Цветкович–Мачек»⁴.

Поверхностная ретроспекция указывает на то, что непосредственной предпосылкой образования Бановины Хорватия была неудача «интегрально-югославистского «эксперимента»⁵ — без малого пятилетнего авторитарного режима короля Александра Карагеоргиевича, установленного 6 января 1929 г. в результате упразднения принятой в 1921 г. так называемой Видовданской конституции. Осенью 1934 г., накануне рокового визита в Марсель король, согласно некоторым свидетельствам, признал «ошибочность своего личного правления... а также государственного устройства, основанного на интегральном югославизме и игнорировании национальных индивидуальностей отдельных народов»⁶.

¹ Regent Aleksandar srpskoj vojsci // Šišić F. Op. cit. S. 300.

² Srpska narodna skupština // Šišić F. Op. cit. S. 296, 294.

³ Сербинац — серб из Сербии южнее Дуная. «Сербинский» политик — политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

⁴ Драгиша Цветкович — премьер-министр югославского правительства. Владимир Мачек — председатель Хорватской крестьянской партии.

⁵ Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Пета глава «Дезинтеграција Југословенске државе и идеје о државно-правној посебности Србије». Нови Сад, 2001. С. 154.

⁶ Глигоријевић Б. Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1, 1995. С. 45; Међтровић И. Успомене на политичке ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 237; Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 77, 81–89.

Несомненна взаимосвязь краха «эксперимента» с актом разделения Югославии. Однако позволим себе предположить более глубокое происхождение приведших к последнему тенденций. На это указывает хотя бы тот факт, что «Соглашение Цветкович–Мачек» удовлетворило хорватские запросы, сформулированные еще покойным Степаном Радичем¹. Победу хорватского сепаратизма можно назвать развязкой дезинтеграционных процессов, начавшихся в период югославского парламентаризма (1918–1929 гг.). Кульминация приходится на конец 1920-х гг. Период так называемой «монархо-диктатуры» — интермедия. Отмену Александром Карагеоргиевичем конституции и запрещение политических партий «религиозного или племенного характера»² следует в первую очередь рассматривать как попытку остановить общественно-политическое и национально-территориальное разрушение Королевства СХС.

«В первое воскресенье января 1929 г. рано утром король Александр привел в замешательство свою страну и дал повод европейской печати посвятить заголовки газет прокламации о роспуске парламента и упразднении конституции. В тот же день он доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен напрямую королю... *Королевский манифест «моему дорогому народу — всем сербам, хорватам и словенцам»* (курсив мой. — А. Силкин) был опубликован в газете «Службене новине»...

«Пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность... Мой святой долг любой ценой сохранить народное единство государства... Этот идеал должен стать самым важным законом не только для меня, но и для каждого человека. Такое обязательство на меня налагает моя ответственность перед народом и историей, моя любовь к родине и святая память о бесчисленных

¹ Степан Радич — лидер Хорватской народной крестьянской народной партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию.

² Службене новине Краљевине СХС, бр. 6, 6. 1. 1929.

и бесценных жертвах, павших за этот идеал. Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути».

Чем руководствовался король, так смело взяв инициативу в свои руки? Ситуация впрямь, должна была казаться критической, иначе он не стал бы так рисковать и брать на себя такую ответственность¹.

Ответ на вопрос, поставленный неизвестным автором статьи «Королевская диктатура в Югославии», — определение внутренних политических предпосылок установления режима личной власти короля Александра, — цель данного исследования.

КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ (1918–1929) В ТРУДАХ СЕРБСКИХ И ХОРВАТСКИХ УЧЕНЫХ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

В социалистической Югославии в первые послевоенные десятилетия изучение межвоенного периода имело вид идеологического суда над буржуазной политической системой, над «классом, свергнутым с власти» в ходе недавней «народной революции». Оценки деятельности большей части политических персонажей были догматически предопределены. Для их изложения не требовалось ни четкой аргументации, ни добросовестного использования источников, ни даже научного аппарата². В связи с этим до 1960-х годов уровень работ, посвященных истории Королевства СХС, был весьма невысок.

Примером служит коллективная монография «Из истории Югославии 1918–1945» (Белград, 1958 г.) — результат совместных усилий историков Белграда и Загреба. По их мнению, смысл событий 1920-х гг., приведших к установлению королевской диктатуры, сводился к борьбе представителей буржуазии различных областей. В. Чубрилович писал: «Буржуазии отдельных югославских народов, за исключением части крупного финансового и промышленного капитала, не сразу удавалось наладить экономические взаимоотношения и организовать совместную эксплуатацию богатств но-

¹ Архив Југославије (далее — АЈ), ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

² Показатељна «Istorija građanskih stranaka u Jugoslaviji» (2 т. Beograd, 1952), по неподтвержденной информации написанная в титовской «шарашке» «буржуазными» сербскими историками и предназначенная «для внутреннего пользования».

вого государства»¹. Формально работа дает однотипную классовую, наднациональную оценку всему югославскому капиталу, занимавшему «контрреволюционные» позиции. Однако основные усилия направлены на вынесение приговора сербской политической и военной элите, которая, по словам М. Марьяновича, с позиций «великосербского централизма» осуществляла «национальное угнетение всех несербских народов»².

Добиваясь низвержения противника, проводники официальной идеологии не гнушались и самыми абсурдными заявлениями. Одно из наиболее заметных — «разоблачение» роли сербской армии в разжигании межнациональных противоречий в 1918–1920 гг.: «В результате захвата Хорватии... сербское войско понесло одно из своих наиболее значительных поражений, унижений и падений. Из освободительной и победоносной армии оно превратилось в обычную насильническую жандармерию... которая палками и оружием борется против своих братьев»³.

Характеристики деятелей «федералистского блока» и в первую очередь Степана Радича в официозных коллективных трудах определялись тем, что всякий враг централистов, то есть фактически сербов, заслуживает благосклонности⁴. С. Радичу отдавалось должное за «антиклерикализм», за то, как и югославские коммунисты, он был сторонником «федеративного» устройства страны. Реакционность же его состояла в том, что, возглавив движение масс против централизма, он тормозил их революционный порыв и вскоре стал марионеткой в руках крупной буржуазии⁵.

¹ *Čubrilović V. Uvod u istoriju Jugoslavije od 1918 do 1945 // Iz istorije Jugoslavije 1918–1945. Zbornik predavanja. Beograd, 1958. S. 12.*

² *Marjanović J. Karakter, forme i specifičnosti Narodne revolucije // Iz istorije Jugoslavije... S. 419.*

³ *Janković D. Društveni i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca uoči stvaranja Socijalističke radničke partije Jugoslavije (komunista) // Istorija XX veka, Zb. Radova. I. Beograd, 1959. S. 86–93.*

⁴ Об этом свидетельствует и тот факт, что в титовское время было опубликовано несколько сборников выступлений межвоенных хорватских «федералистов», в которых они, по мнению составителей, представлены с лучшей стороны: *Radić Stjepan. Politički spisi. Zagreb, 1971; Korespondencija Stjepana Radića. Zagreb, 1972–73; Trumbić Ante. Izabrani spisi. Split, 1986.* и др. В то же время не было издано ни единого сборника, иллюстрирующего идеологию сербских партий — Радикальной или хотя бы менее «великосербской» Демократической.

⁵ *Hasanagić E. O nacionalnom pitanju u Jugoslaviji; Marjanović J. Političke partije Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca (1921–1929) // Iz istorije Jugoslavije... S. 233, 237, 218; См. также: Dedijer V. Jugoslavija između centralizma i federalizma // Istorija Jugoslavije. Beograd, 1973.*

С 1960-х гг. начинается активное изучение межвоенного периода, основанное на использовании значительной источниковой базы. Это дает исследователям возможность самостоятельной подходить к анализу истории Королевства СХС, привлекая материалы по своему усмотрению и акцентируя внимание на тех или иных эпизодах недавнего прошлого. Отметим, что одним из главных факторов, определявших направления развития исторической мысли, явилась растущая самостоятельность отдельных республик и не спадающая актуальность национальных противоречий. В результате, целью большей части исследований становится трактовка политических и национальных конфликтов не в свете учения об их вторичности по отношению к экономическим отношениям, а в контексте развития идеологии национальной эмансипации.

В первую очередь это касается хорватской литературы, проделавшей с 1960-х гг. до нашего времени недолгий путь от титовского югославизма до откровенного национализма и апологетики хорватских «апостолов» (С. Радича, А. Трумбича, В. Мачека и др.), а также в значительной степени мифологизировавшей историю межвоенного времени.

Зачинателем традиции следует считать Ф. Чулиновича, в первом томе дилогии «Югославия между двумя войнами» (Загреб, 1961) создавшего картину мучительной борьбы своих единоплеменников за собственные «права» на фоне междоусобицы членов «белградской клики» по поводу первенства в эксплуатации народных масс «пречан»¹. Более поздние историки лишь дополнили полотно своими деталями и значительно приутишили «красные» и югославистские тона.

Мифологизации подвергся и политический процесс, предшествовавший созданию Королевства СХС. Согласно Ф. Чулиновичу его суть состояла в борьбе Югославянского комитета с «великосербским сепаратизмом» Н. Пашича, «препятствовавшего работе по освобождению и объединению югославянских земель»². Позднее американо-хорватский

¹ Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

² *Čulinović F. Jugoslavija između dva rata*. I. Zagreb, 1961. S. 32, 35. Все этапы объединения трактуются как победы югославянской идеи и, соответственно, поражения лидера радикалов. Подписание Корфской декларации — первое «отступление» Пашича. Манифест 1 декабря 1918 г. — второе. Нишскую декларацию, появившуюся еще до создания Югославянского комитета, автор не упоминает.

историк И. Банац («Национальный вопрос в Югославии», 1984 г.)¹, описывая объединение югославын, придерживался той же линии, что и его старший коллега. Политика Белграда характеризовалась словосочетанием «великосербский экспансионизм»².

В наследство от межвоенных хорватских политиков историкам — Ф. Чулиновичу, Л. Бобану, И. Петриновичу — достался тезис о «продаже» сербами на Парижской мирной конференции хорватских территорий³: «Все время, имея перед глазами интересы Сербии, он (Пашич) отдавал предпочтение решению проблемы границы с Албанией... а не решению проблемы границы с Италией»⁴.

Проявившаяся во время войны враждебность официального Белграда к хорватам нашла свое выражение в якобы насильническом характере политики, проводимой сербскими властями после объединения. Речь идет, во-первых, о «преступлениях» сербской армии, совершенных в «пречанских» областях после войны. Во-вторых — об экономической «эксплуатации» Хорватии. Ф. Чулинович, И. Банац и И. Мужич (Степан Радич в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Любляна, 1987)⁵ в первом случае говорят о массовых избиениях сербскими военными хорватских крестьян⁶. В качестве примера нанесения экономического ущерба приводится «дискриминационный» обмен австро-венгерских крон на динары,

¹ *Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995; См. также: Banac I. Bosnian Muslims: From Religious Community to Socialist Nationhood and Post-communist Statehood,* in Mark Pinson, ed. *The Muslims of Bosnia-Herzegovina: Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia. Cambridge, Massachusetts, 1993; Его же. Zašto liberalna Hrvatska kasni: glavni pravci hrvatske povijesti u dvadesetom stoleću // Liberalna misao u Hrvatskoj. Prilozi povijesti liberalizma od kraja 18. do sredine 20. stoleća. Zagreb, 2000.*

² *Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 91.*

³ *Čulinović F. Op. cit. S. 302. Boban Lj. Ante Trumbić: Život i djelo // Život i djelo Ante Trumbića. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991. S. 10–11.*

⁴ *Petrinović I. Ante Trumbić. Politička shvaćanja i djelovanje. Zagreb, 1986. S. 202.*

⁵ *Mužić I. Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Ljubljana, 1987.*

⁶ Чулинович в качестве единственного доказательства насилия приводит некий документ, относящийся к 1919 г., в котором сербский полковник на вверенной ему территории в качестве наказания назначает палочные удары. Автор, по собственному признанию, не имея доказательства практического применения данного приказа, тем не менее называет его одной из главных причин революционизирования обстановки в Хорватии. Банац, описывая избиение палками — «batinanje», — ссылается на Чулиновича.

инвентаризация скота на случай военной реквизиции, а также неравномерное налогообложение Сербии и «пречанских» регионов¹.

Резюмирует описание хорватских несчастий Босилька Янятович: «В период между 1918 г. и 1928 г. Хорватия утратила автономность, территориальную целостность (!? — А.С.), а также право демонстрировать собственную национальную идентичность. Политическая, национальная и экономическая целостность Хорватии была разрушена. Результатом этого стало неравноправное положение Хорватии и хорватов по отношению к Сербии и сербам»².

В еще большей степени, чем разоблачения политики Белграда, о политизированности хорватской историографии свидетельствуют оценки деятельности С. Радича. С годами они становились все более хвалебными, что привело к его фактической канонизации. Ф. Чулинович разрывался между желанием выставить Радича в лучшем свете и необходимостью критики его «мелкобуржуазной» сущности. К жалости автора, в биографии лидера ХРКП было слишком много эпизодов, которым при всем желании «тяжело найти оправдание». К ним относится сотрудничество в 1919 г. с итальянскими оккупантами (ради «освобождения Хорватии от сербского ярма»). Дурные средства дискредитировали вполне достойную цель. За «капитуляцию» ХРКП в 1925 г. и вхождение в правительство радикалов Ф. Чулинович называет лидеров партии «оппортунистами», но тут же отмечает, что на этот шаг они пошли «под давлением силы, вопреки репрессиям централистского правительства»³. В остальном же на сотнях страниц читатель подводится к мысли, что Радич, возглавив национально-освободительное движение хорватского народа, сыграл прогрессивную роль. В отличие от Пашича Радич был чуть ли не главным защитником Югославии. Однако многократно повторяющееся как заклинание утверждение, что Радич был не сепаратистом, а «сторонником федерализма», опровергаются словами самого Ф. Чулиновича, что лидер ХРКП боролся за «государственный суверенитет Хорватии», ее «полную государственность»⁴.

Третья часть книги Банаца, посвященная деятельности ХРКП и почему-то называющаяся «Твердая оппозиция», больше напоминает агио-

¹ Banac I. Op. cit. S. 181–182. От неравного налогообложения больше других страдала Воеводина, в которой наиболее многочисленную этническую группу составляли сербы.

² Janjatović B. Karadžorđevićevska centralizacija i položaj Hrvatske u Kraljevstvu (Kraljevini) SHS // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1995. № 1. S. 55.

³ Čulinović F. Op. cit. S. 291.

⁴ Ibid. S. 159, 290.

графическое, чем научное, творчество¹: «В хорватской истории не было никого, похожего на него... Романтик и все-таки прагматик, С. Радич за-сверкал в хорватском небе подобно великолепному сиянию кометы». Как и Чулиновича, неординарность Радича-политика сподвигла Банаца на новые откровения в искусстве апологетики. «Враги называли его сепаратистом, а он целые письма своей жене писал кириллицей... Хорватские чистоплюи считали его ненадежным союзником... а он однажды сказал: „Я горячо желаю только того, чтобы меня как можно больше хорватов любили так, как я люблю весь хорватский народ“. И, наконец, называли его демагогом, а он свои речи произносил почти шепотом».

Ф. Чулиновичу, И. Банацу и прочим хорватским авторам присущи тщетные усилия обнаружить в словесном потоке, извергнутом Радичем, элементы какой-либо рациональной идеологии. Бесперспективной кажется попытка выявить общность квазиреспубликанства ХРКП и современных западных политических идеологий. «Он всегда подчеркивал, — пишет Банац, — что республиканский строй тождествен устроению традиционной хорватской задруги. Республиканская модель, предлагаемая им, имела много общего с западными парламентскими системами. Эти системы отличает противодействие милитаризму, приверженность правам человека и применение федерального принципа...»²

Все хорватские исследователи истории Королевства СХС предпочитают не писать о сотрудничестве Радича с сербской Народной радикальной партией (НРП) и его отношениях с королем Александром. Мало внимания уделяет этому Ф. Чулинович. И. Банац вообще заканчивает свое повествование на 1921 г., будто после этого «национальный вопрос в Югославии» перестал существовать. Превращение пламенного республиканца в монархиста — неподходящий сюжет для повести о «твердом оппозиционере». В сборнике речей Радича, подготовленном Звонимиром Кулунджичем, нет выступлений периода существования коалиции ХРКП-НРП³.

Тем же путем пошел И. Мужич — автор наиболее объемистой монографии, посвященной лидеру ХРКП⁴. За главой «Арест и капитуляция как единственный выход» сразу следует «Продолжение борьбы на старых позициях». Под топор самоцензуры попали полтора содержательных в политическом отношении года. Книга Мужича знаменует новый этап эволюции образа Ра-

¹ См. также: *Janjatović B. Državne uze, post i samica: suđenje Stjepanu Radiću 1920 // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1997. № 1.*

² *Banać I. Op. cit. S. 186, 194.*

³ *Radić Stjepan. Politički spisi. Zagreb, 1971.*

⁴ *Mužić I. Op. cit.*

дича в исторической литературе. Политик предстает в роли хорватского праотца Авраама и пророка Моисея в одном лице: «...Радич окончательно завершил формирование хорватской нации... и спас хорватскую идентичность». И в заключение: «Вся культурная и политическая деятельность С. Радича, а также вся его жизнь, была проникнута только христианскими принципами... чувство ненависти было ему незнакомо... такова была его натура»¹.

Монография И. Мужича представляет особый интерес, так как написана с откровенно националистических позиций. Автор не маскирует их ни коммуно-югославистской (как Ф. Чулинович), ни псевдолиберальной (как И. Банац) риторикой. По И. Мужичу, главными заслугами Радича были прозорливость в определении враждебности сербов по отношению к хорватам и последовательность усилий по разрушению Югославии во имя создания независимого хорватского государства.

* * *

Таким образом, в своем творчестве вышеперечисленные авторы, как правило, руководствовались соображениями, далекими от науки². Не столько критический анализ своего прошлого, сколько идейное обслуживание националистической политики являлось целевой функцией исторической литературы социалистического и постсоциалистического времени³. Ключ к

¹ Ibid. S. 7, 299, 62.

² Из хорватских исследователей, которые не ставили перед собой задачу разоблачения «великосербского шовинизма», следует в первую очередь упомянуть Х. Матковича — автора двух трудов, один из которых посвящен деятельности партии Хорватское объединение (Хорватское объединение. К проблеме изучения политических партий в старой Югославии. 1963), а другой — С. Прибичевичу, лидеру проживавших в Хорватии сербов (Светозар Прибичевич и Самостоятельная демократическая партия до Шестоянварской диктатуры. Загреб, 1972). Заслуживает упоминания «Экономическая история Югославии», вышедшая из-под пера М. Мирковича.

³ *Jezić M.* Problems of understanding XX-th century history of Croatia. University of Zagreb. (<http://www.dalmatia.net/croatia/history/jezic.htm>); *Stipetić Z.* Obmane i samoobmane: jugoslavenska integralistička inteligencija u Hrvatskoj 1918–1941 // *Spomenica Ljube Bobana (1933–1944)*. Zagreb, 1996; *Janjatić B.* Izborni teror u Hrvatskoj 1923–1927 // *Časopis za suvremenu povijest*. Zagreb, 1996. № 1–2; *Ее же.* Politički teror u Hrvatskoj 1918–1935. Zagreb, 2002; *Ее же.* Stjepan Radić — progoni, zatvori, suđenja, ubojstvo — 1889–1928. Zagreb, 2003; *Macan T.* Hrvatska povijest. Zagreb, 2004; *Pavlicević D.* Kratka politička i kulturna povijest Hrvatske. (<http://www.hic.hr/books/pavlicev/>)

эффективности не в убедительности доводов, а в многократном повторении общих для «аграриста» и коммуниста, сегодняшних «либерала» и ультра-националиста прямолинейных тезисов, первым из которых был радичевский «догмат»: «Сербские правители — тираны и убийцы, занятые истреблением всех других несербских народов и национальных групп»¹.

Непрерывность пропаганды, ее преемственность из поколения в поколение, обеспечивалась изначальной близостью взглядов хорватских сепаратистов и коммунистов на общего врага — сербское государство. Свет на происхождение консенсуса проливает белградский историк Мира Радоевич: «Хорватскому движению были близки лозунги КПЮ, называвшие Югославию искусственным творением и тюрьмой народов, призывавшие к «освобождению» Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины от сербской гегемонии... Коммунистическая партия Югославии, сочувствующая ХКП, стремящаяся к союзу с ней... стремилась навязать хорватскому движению свою программу. Однако... случилась обратное. Коммунисты не увеличили свое влияние в ХКП, а растворились в ней»².

В то же время Чулиновичу, Банцу и прочим следует отдать должное — к выполнению своей задачи они подходили со всей основательностью. Авторская политизированность в большей части описанных работ завуалирована их источниковой фундированностью, высокой эрудицией, стоящей за сделанными выводами. Со всей ясностью научная ущербность аргументации хорватской историографии периода СФРЮ проявилась в «аскетичных» работах некоторых послевоенных и современных отечественных исследователей, которые механистически воспроизвели коминтерновские и хорватские националистические идеологические клише.

Через призму роста «революционного движения народных масс» смотрели на события межвоенного периода авторы второго тома «Истории Югославии»³ Ю. А. Писарев и В. Н. Белановский. Все действия политиков трактовались как попытки воспрепятствовать «движению». Смысл повествования свелся к отделению агнцев от козлиц — деятелей, игравших «прогрессивную роль», от реакционеров и «эксплуататоров». Кроме

¹ Самоуправа. 30 сентября 1924.

² Радоевић М. Удружена опозиција 1935–1939. Београд, 1994. С. 132. Иллюстрацией тезиса М. Радоевич является «История хорватов» вышедшая изпод пера Отокара Кершовани (Keršovani, Otokar. Povijest Hrvata. Rijeka, 1971). Если не знать о коммунистической партийной принадлежности автора, его произведение можно причислить к списку пропагандистских материалов возглавляемой Радичем партии.

³ История Югославии. Т. II. М., 1963.

коммунистов к первым с большими оговорками относили С. Радича: «Не понимал роли рабочего класса... однако остался в памяти югославского народа как прогрессивный деятель». Ко вторым — «великосербскую буржуазию», принятием Видовданской конституции «узаконившую собственную диктатуру». В результате «права несербских народов и национальных меньшинств полностью игнорировались»¹.

На рубеже тысячелетия «свежая» мысль была подхвачена С. А. Романенко (Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 1999) и В. И. Фрейдзоном (История Хорватии. СПб, 2001). Первый почти дословно повторяет писаревские характеристики тридцатилетней давности: хорваты и словенцы в результате принятия Видовданской конституции стали «неполноправными народами», так как «никаких особых прав несербским народам и национальным меньшинствам не предоставлялось»². «Пашич и его последователи полагали, что Сербия справится с нелегкой задачей... подчинения югославян, не признавая их равноправия»³, — соглашается с младшим коллегой Фрейдзон.

В 2006 г. судьбе «лиц несербской национальности» посочувствовал Е. Т. Гайдар. Его исследовательской заслугой можно считать определение конечной, непреходящей цели сербов, которые в ранее перечисленных работах отечественных авторов представляли, пользуясь лексиконом Радича, примитивными «тиранами и убийцами», лишенными какого-либо стратегического замысла. Таковым и в межвоенное, и в послевоенное титовское время, по мнению известного экономиста, была «трансформация страны в сербскую микроимперию»⁴.

В целом в советское и постсоветское время история Королевства СХС, строго говоря, не была предметом научного изучения. Как уже было отмечено, перед Писаревым и Белановским стояла совершенно иная цель. При этом идеологические построения полностью заслонили от авторов задачу доступного изложения событий десятилетия. Проще говоря, в Югославии было слишком много политиков и созданных ими партий, чтобы их можно было перечислить понятным для читателя образом.

Следует отметить, что в фактологическом отношении политическая жизнь Королевства СХС до сих пор во многом остается *terra incognita*

¹ Там же. 1963. С. 67.

² Романенко С. А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 1999. С. 60–61.

³ Фрейдзон В. И. История Хорватии. Санкт-Петербург, 2001. С. 247.

⁴ Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 50.

для отечественных историков. Попытки ее исследования предпринимали М. М. Сумарокова и В. В. Зеленин¹. В важном деле установления хронологии событий и состава их участников М. М. Сумарокова преуспела гораздо больше своего коллеги

К информативным и идеологически нейтральным можно отнести работы А. В. Городнянского «Степан Радич. 1871–1928» (Пленники национальной идеи. Сб. статей. М., 1993) и «Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта» («Славяноведение», 1997, № 3).

Первые, относительно деидеологизированные, исследования сербских авторов, посвященные Королевству СХС, увидели свет в 1970-е гг. Длительное время занял процесс накопления знаний о недавнем прошлом. В первую очередь заслуживают рассмотрения две монографии Бранислава Глигориевича, крупнейшего специалиста по истории межвоенного югославского парламентаризма². Глигориевич, как, впрочем, и его белградские коллеги, видел одной из главных своих задач подробное, детальное описание политической жизни первых десяти лет существования Югославии. В результате читатель на основе обширной фактологической базы (редкая книга, напечатанная в Белграде, имеет менее четырехсот страниц) получает возможность создать собственное представление об изучаемом предмете.

Основными объектами исследования сербской историографии были публичная политика, межпартийная борьба³. По-видимому, авторам пред-

¹ Зеленин В. В. Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984; *Его же*. Король Александр Карагеоргиевич 1888–1934 // Пленники национальной идеи. Сб. статей. М., 1993; Сумарокова М. М. Становление единого югославянского государства; Формирование политической системы Королевства СХС; Политические отношения в Королевстве СХС 1921–1928 // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1917–1929. М., 1988.

² Gligorijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970; *Его же*. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979.

³ Gligorijević B. *Op. cit.*; Јовановић Н. Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974; Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд, 1995.

ставлялось, что суть общественного и государственного кризиса Югославии может быть адекватно представлена в свете рутинных взаимоотношений политических партий, имевших фракции в Скупщине.

В этом отношении показательна книга Б. Глигориевича «Демократическая партия и политические отношения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» (Белград, 1970). Автор подводит читателя к мысли о том, что изучаемая партия является моделью первого югославского государства. Выявленные автором причины упадка одной из крупнейших политических организаций были определяющими и для кризиса Королевства СХС в целом. «По своей политической структуре Демократическая партия была искусственным творением, созданным из гетерогенных политических групп». «Созданная на основании унитаристской концепции, которая отрицает существование какой-либо другой нации, кроме так называемой югославянской, Демократическая партия первой была подвержена национальным противоречиям и первой перенесла потрясения в своей структуре»¹. Пороки политической практики руководства демократов были присущи всей югославской политической элите, и хорватской, и в первую очередь сербской. Речь идет о неуважении «принципов парламентаризма и институтов гражданской демократии», политике непопулярных уступок королевскому двору и, главное, непонимании невозможности решения глубинных противоречий югославского общества приемами политической комбинаторики.

Основным сюжетом второй книги Б. Глигориевича, посвященной кризису парламентаризма, является «уменьшение роли и функций Скупщины и рост влияния внепарламентских факторов». Основное внимание автор уделяет объективным причинам кризиса и лишь мельком касается субъективных. К первым относятся монархический строй и династия Карагеоргиевичей, унаследованные Югославией от Королевства Сербия, соперничество различных ветвей власти, чрезмерное влияние двора на работу парламента, слабость республиканского движения, противоречивость «национальных концепций государственного устройства». Меньше внимания автор уделяет тому обстоятельству, что югославский парламентаризм как система, составными элементами которой были политические партии, показал свою полную неэффективность, то есть неспособность поддерживать государственные механизмы в рабочем состоянии. Это заключение вытекает из описания Б. Глигориевичем хода работы Скупщины на протяжении десяти лет.

¹ *Gligrorijević B. Demokratska stranka... S. 78, 344.*

При всей значимости работ Б. Глигориевича нельзя сказать, что они создают безоговорочно полную картину развития парламентской системы Королевства СХС. Недостаточно отчетливо показаны степень и характер влияния деятельности скупщины и партий на отдельные стороны жизни страны. В то время как работу народного представительства в первую очередь характеризуют состояние экономики и наличие (отсутствие) общегосударственного правового пространства.

Слабым местом вышеупомянутых исследований, как, впрочем, и всей историографии, посвященной Королевству СХС, является слабая изученность роли короля Александра Карагеоргиевича в политической жизни 20-х годов (особенно первой половины). И это притом, что все исследователи называют его главным, наиболее активным игроком на политической сцене. По словам Б. Глигориевича, все важнейшие перипетии межпартийных отношений носили отпечаток «закулисной акции двора». Однако, несмотря на выдвижение различных версий, объясняющих смысл «акции», пока не удалось вывести Александра Карагеоргиевича из-за кулис, прояснить истинную мотивацию его действий. Сложность этой задачи состоит в том, что только с 1929 г. король стал играть роль публичного политика, объявив, что не нуждается более в «посредниках» между собой и народом. Вероятно, руководствуясь желанием заполнить информационную лакуну, Б. Глигориевич в последние годы уделяет значительное внимание фигуре Александра¹.

Сербских ученых можно упрекнуть и в том, что в их изложении парламентская жизнь проходит в отрыве от интересов югославского капитала. Ссылаясь на абстрактную «буржуазию» как на фактор, во многом определяющий развитие публичной политики, большая часть исследователей не в состоянии определить, какие конкретно финансово-промышленные группировки оказывали влияние на деятельность тех или иных политических организаций. Уже в 1990-е годы Джордже Станкович был вынужден констатировать: «Для нас все еще остается неизвестным, до какой степени... политические элиты были связаны с центрами экономического влияния, особенно с финансовыми кругами...»².

¹ Глигориевић Б. Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1, 1995; *Его же*. King Aleksandar I Karadorđević // The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Hampshire, England. 1997; *Его же*. Краљ Александар Карађорђевић и Никола Пашић // Никола Пашић. Живот и дело. Зборник радова са научног скупа. Београд, 1997; *Его же*. Краљ Александар Карађорђевић. Српско-Хрватски спор. Београд, 2002.

² Станковић Ђ. Изазов нове историје. Београд, 1992. С. 120–121.

Свой анализ причин падения югославского парламентаризма предлагает известный историк Бранко Петранович. По его мнению, в Югославии имел место не истинный, а «псевдопарламентаризм», основанный не на демократической традиции, а на непрочном союзе буржуазий Сербии, Хорватии и Словении¹. По словам автора, «разрыв сотрудничества радикалов и радичевцев в первую очередь означал, что отношения между сербской и хорватской буржуазией по-прежнему находились в глубоком кризисе, и что дни парламентаризма были сочтены»². В Королевстве СХС отсутствовали главные предпосылки «парламентской жизни»: «демократический строй, стабильная многопартийная система, зрелость коллективных и индивидуальных политических субъектов, традиция свободы слова».

К 1980-м гг. закончилась монополия трактовки межвоенной истории в духе коммунистической идеологии, оставлявшей простор для развития хорватской националистической пропаганды. В этих условиях одним из главных мотивов творчества сербских исследователей становится опровержение сложившихся стереотипов о «мнимой», по словам правоведа Воислава Коштуницы, «предрасположенности сербов к гегемонизму». Вышедшая из-под пера будущего сербского премьер-министра рецензия «История на службе у политики» на книгу И. Банаца иллюстрирует полемический пафос сербской науки.

«Не всякое лыко в строку» — такой методологический упрек адресует автору «Национального вопроса в Югославии» рецензент: «Для обоснования своей позиции он (Банац) последовательно пользуется откровенно избирательный методом, обращая внимание только на те факты и обстоятельства, которые говорят в его пользу... То же касается и выбора источников, произвольность которого очевидна и неспециалисту. При этом достоверные источники данных обходятся стороной, если они не подтверждают его положения»³.

Б. Петрановичу и Б. Глигориевичу принадлежит заслуга разоблачения мифа о «сербском экономическом империализме», получившем рас-

¹ *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. I. Beograd, 1988. S. 132.

² *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. I. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 259.

³ *Koštica V.* Istorija u službi politike // *Theoria*, časopis Filozofskog društva Srbije. Beograd, 1988, № 3–4. S. 66.

пространение еще до войны в качестве пропагандистского оружия в руках хорватских националистов¹.

Особый интерес представляют изыскания Смиляны Джурович — ведущего специалиста по экономическим проблемам королевской Югославии последних лет, — посвященные экономической интеграции регионов, впервые объединившихся в 1918 г. Основной помехой этому процессу был сепаратизм национальных «элит, обремененных историцизмом», то есть заинтересованных в искусственной консервации исторически сформировавшихся областей, на монопольное политическое представительство которых эти элиты претендовали².

Работы Миле Белаяца впервые затрагивают такие темы, как «военная ситуация накануне создания Королевства сербов, хорватов и словенцев», «место и роль армии во внутренней политической жизни Королевства СХС в 1918–1921 гг.», «отношения армии с другими политическими силами страны». Авторская аргументация демонстрирует несостоятельность утверждений о «преступлениях» сербских вооруженных сил в Хорватии и всеобщем «народном сопротивлении оккупантам», о нежелании сербов защищать югославские земли от итальянских притязаний, о политике дискриминации в армии Королевства СХС бывших австро-венгерских военнослужащих³.

Реакцией на усиление межнациональных противоречий можно считать появление в конце 1980–90-х гг. работ, в которых деятельность сербского политического руководства в межвоенный период рассматривается через призму ее несоответствия интересам сербского народа. В вину радикалам, демократам и двору ставилась неспособность достижения внутривнутриполитической стабильности, то есть согласия с хорватскими и словенскими политическими элитами по наиболее болезненным для молодой страны вопросам.

¹ *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. I. Beograd, 1988; *Gligorijević B.* Jugoslovenstvo između dva rata // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1986. Broj 1–4.

² *Ђуровић С.* Основне тенденције привредног развоја Југославије // Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999. С. 269–276; *Ее же.* Са Теслом у Нови век. Нова синтеза историје. Изабрани чланци из економске историје Србије и Југославије 1918–1941. Београд, 1997.

³ *Ђелатац М.* Војска Краљевине СХС 1918–1921. Београд, 1988; *Его же.* Војска Краљевине СХС/Југославије 1922–1935. Београд, 1994; *Его же.* Војни чиниоци као дио околности у вријеме министровања Др. Анте Трумбића 1918–1920 // *Живот и дјело Анте Трумбића.* Прилози са знанственог скупа. Загреб, 1991. С. 108; *Его же.* Војска као чинилац интеграције и дезинтеграције југословенске државе 1918–1998 // Југословенска држава. 1918–1998... С. 399; *Его же.* Југословенско искуство са мултиетничком армијом 1918–1991. Београд, 1999.

Миодраг Зечевић полагает, что сербские национальные интересы стали заложниками «осуществления интересов узкодинастических»¹.

По мнению Б. Петрановича, высказанному в книге «Югославский опыт сербской национальной интеграции» (Белград, 1993), первопричиной неэффективности «сербской политики», «выдохшейся в ходе столкновений по вопросам внутреннего устройства государства», был общий упадок народных сил после изнурительной Первой мировой войны. «Новые проблемы перерастали узкие рамки кругозора» сербских государственных деятелей. По словам автора, «очевидной была тенденция вырождения политического и военного сословий. В сфере политики и государственного управления Сербия осталась без значительных личностей, способных в качественно новой исторической ситуации взять на себя решение проблем нового государства»².

Идеи Б. Петрановича получили свое развитие в работах младших исследователей — Ольги Попович, Любодрага Димича, Миры Радоевич, Николы Жутича, — пришедших к выводу, что сербской политической элите 20-х гг. была присуща переоценка собственных способностей к государственному строительству. «Низкий уровень политико-правовой образованности» сочетался с претензиями на принадлежность к «европейской цивилизации», «западной культуре»³. «Ситуацию усугублял стереотип выпячивания сербского опыта существования многопартийной системы. Будто десяти лет перед Первой мировой войной достаточно для приобретения навыков жизни в новых условиях».

По мнению О. Попович, одним из событий, во многом определивших развитие Королевства СХС, был вынужденный, под давлением Н. Пашича, уход с политической арены Стояна Протича, символизировавший отказ общества от компромиссного пути решения межнациональных противоречий.

Любомир Петровић приводит мнение межвоенного общественного и культурного деятеля Федора Никича, утверждавшего, что «мы находимся

¹ *Зечевић М.* Југославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994.

² *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С. 27; *Его же.* Modernizacija u uslovima nacionalno nestabilnog društva // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka.* Београд, 1994.

³ *Поповић О.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Београд, 1988 С. 76; *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије. 1918–1941 Београд, 1996. С. 198; См. также: *Радоевић М.* Politička opozicija u Kraljevini (SHS) Jugoslaviji // *Istorija XX veka.* 1997. Br. 2; *Žutić N.* Ministar-ski savet Kraljevine Jugoslavije // *Istorija XX veka.* 1998. Br. 1.

в плену у одной фантазии, которая приведет нас ко многим разочарованиям, фантазии, будто мы имели парламентаризм и самоуправление. Однако это самообман. Мы никогда не имели ни настоящего парламентаризма, ни настоящего самоуправления»¹.

Джордже Станковић, перу которого принадлежат наиболее значительные исследования, посвященные деятельности Н. Пашича, в книге «Никола Пашич и хорваты. 1918–1923» (Белград, 1995) пишет, что и лидер радикалов, и его соратники недальновидно использовали межнациональную напряженность «в качестве инструмента своей политики», рассматривали ее через призму «тактической межпартийной борьбы за власть», не осознавая «серьезности национальных и политических проблем нового югославского государства». В ходе длительного противостояния с сепаратистом Радичем и «демократами» Давидовича, конкурировавшими с радикалами на сербском политическом поле, Пашич, добиваясь кратковременных успехов, на обоих направлениях понес стратегические поражения. Прямым следствием политики радикалов в отношении Хорватии стало углубление пропасти между двумя наиболее многочисленными югославскими народами. Свергнув с политического Олимпа Демократическую партию, Пашич не только не обеспечил себе стабильного могущества, но и «значительно ослабил централистский фронт», что в конечном счете привело к «национальной демобилизации» сербов².

Л. Димич в своих книгах «Сербы и Югославия» (Белград, 1998) и «История сербской государственности. Книга 3. Сербия в Югославии» (Нови Сад, 2001) акцентирует внимание на неспособности межвоенного общества к восприятию «интеграционной, современной политической югославянской идеи», которая «стремится к преодолению раздробленности, барьеров, возникших в предыдущие века». Внутренняя культурная, экономическая интеграция Югославии была невозможной из-за противодействия «партикуляристского сознания аграрного общества с укоренившимися в нем национальными идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными». Осуществлялась лишь интеграция в «политико-идеологическом плане» путем навязывания «философии «трехименного народа». Хотя ее главными проводниками были сербские политики, она в первую очередь «давала импульс национальной демобилизации сербов (небрежение к национальной, духовной, экономической,

¹ *Петровић Љ.* Југословенска држава и друштво у периодици 1920-1941. Београд, 2000. С. 120.

² *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. 1918-1923. Београд, 1995. С. 135, 275, 323.

культурной интеграции)». Историк делает неутешительный вывод о значении для судьбы сербов югославского опыта. Трата жизненной энергии на «ревностное охранение» государства и идеологии, чуждых «традиции, политическому опыту» и целям сербского народа, привели к «выраженному демографическому ослаблению сербства»¹.

Государственный переворот, совершенный Александром Карагеоргиевичем, автор расценивает как силовую и, как показало время, тщетную попытку осуществления «ревизии государственного управления, общей социальной реформы, направленной на спасение государства от распада»².

Работы сербских авторов, посвященные Королевству СХС, не ограничиваются политическими сюжетами. Нами затронуты лишь некоторые тенденции развития сербской историографии, живого научного процесса, направленного на создание непредвзятой картины исторического прошлого. Не имея возможности совершенно абстрагироваться от современных политических катаклизмов, вышеуказанные сербские исследователи, тем не менее, не превращали свой труд в элемент идеологической борьбы и националистической пропаганды. Поэтому, в отличие от произведений хорватских авторов, рассмотренные работы с гораздо большими основаниями могут считаться научным явлением. Характерной чертой хорватской литературы, как коммунистической, так и современной, является чуждый науке догматизм, препятствующий свободному творческому развитию исторической мысли. В связи с этим сербская историография, по сравнению с хорватской, более значительна не только в идейно-сюжетном³, но и в количественном плане. Ее определяющей чертой является плюрализм оценок. С течением времени расширяется тематика исследований, более полно и разносторонне анализирующих столь неоднозначное межвоенное время.

¹ Димић Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 36, 37, 114, 63–64.

² Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 135.

³ *Vesic. I. Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923.* (магистерска дисертација, заштитена на Филозофском факултету Белградског универзитета у 2002 г.); *Кривокапић-Јовић Г. С. Оклоп без витеза: о социјалним основама и организационој структури Народне радикалне странке у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца.* Београд, 2002; *Поповић Н. А. Слободан Јовановић и југословенска држава.* Београд, 2003; *Janjetović Z. Deca careva, pastorčad kraljeva: Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941.* Београд, 2005.

АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОРОЛЕВСТВА СХС

Большая часть попавших в наше распоряжение послевоенных англоязычных работ, в той или иной степени посвященных Королевству СХС, лишена научного аппарата и в стилистическом отношении находится на газетно-публицистическом уровне. Последний был в значительной мере обусловлен авторским стремлением «объять необъятное». Одни книги написаны по известному принципу «от Адама до Потсдама», т. е. от Великого переселения народов. Другие являют собой неблестящий результат усилий историков в одиночку обозреть межвоенную историю всей Центральной и Юго-Восточной Европы. Третьи совмещают оба подхода.

Зачинателем традиции следует, по-видимому, считать Хью Сетон-Уотсона, перу которого принадлежит впервые изданный в 1945 г. труд «Восточная Европа¹ между войнами 1918–1941». Содержанием политической жизни Королевства СХС автор считает «достойные сожаления политические препирательства», которые были прерваны королем Александром из «патриотических побуждений». Главными участниками «препирательств» Х. Сетон-Уотсон называет Пашича, считавшего Югославию Великой Сербией, и Радича, «невзлюбившего югославянское государство за то, что оно принесло мало добра и ему, и хорватскому народу»².

Следует отметить, что негативная оценка Н. Пашича характерна для английских «экспертов» в югославских вопросах. Столь же типично пренебрежительное отношение англичан к С. Радичу, который традиционно считался неуравновешенным политиком, неспособным к государственной деятельности³. «Если бы только Хорватия могла пойти за нормальным лидером!» — восклицал Р. У. Сетон-Уотсон⁴. «Он никогда не знал, чего он хотел», — вторил сын отцу⁵.

Более основательно фигурой Радича занялся Йозо Томашевич (Крестьяне, политика и экономические перемены в Югославии. Стэнфорд, Лондон, 1955). Автор анализирует деятельность политика в контексте общей популярности в межвоенное время идей аграризма и партий, их испо-

¹ Чехословакию автор также относит к Восточной Европе.

² *Seton-Watson, Hugh. Eastern Europe Between the Wars 1918–1941. New York, 1967. P. 222–224.*

³ См. также: *Djilas A. The Contested Country. Yugoslav Unity and Communist Revolution 1919–1953. London, 1991.*

⁴ *R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London; Zagreb, 1976. P. 120.*

⁵ *Seton-Watson, Hugh. Op. cit. P. 221.*

ведовавших. «Идеология партии (ХРКП. — А. С.) противостояла теории и практике капитализма, социализма и коммунизма». Анализируя деятельность Радича в 1920-е гг., Й. Томашевич делает неутешительный вывод о ее итогах: «Крестьянство и крестьянская собственность превозносятся, рождается крестьянская идеология. При этом отсутствует какая-либо конструктивная программа деятельности во благо крестьянства».

Касааясь оценки того, что Югославия «принесла» народам, автор, в отличие от Х. Сетон-Уотсона, полагает, что она стала «значительным улучшением по сравнению с политическими условиями, при которых южные славяне жили до 1918 г.». Кризис государства был предопределен тем обстоятельством, что «не общность и единообразие, а противоречия и контрасты характеризовали все аспекты политической, экономической и социальной жизни». «Такой фон существования нового государства делал крайне сложной задачу правящего класса, даже если бы он состоял не из политиков, а из философов и святых»¹.

Объективные и субъективные предпосылки кризиса конца 1920-х гг. — объект внимания Джозефа Ротшильда, автора наиболее основательной и глубокой англоязычной работы, представленной в нашем обзоре². «Сложные проблемы этнического партикуляризма, политико-административная близорукость и экономическая уязвимость положили конец парламентскому эксперименту. Способности сербской политической элиты не соответствовали слишком большим размерам и разобщенности Югославии, появившейся на свет слишком „внезапно“». В свою очередь, хорваты были не в меру привередливыми, ненадежными и враждебными, чтобы действовать конструктивно».

Десятилетие Королевства СХС историк делит на четыре периода:

1. 1918–1921 — «конституционные и организационные конфликты».
2. 1921–1925 — «поляризация сербов и хорватов».
3. 1925–1927 — «дезинтеграция сербских партий».
4. 1927–1928 — «новая поляризация: хорваты плюс „сербы-пречане“ против остальных».

Точны выводы автора о деструктивной роли загребских политиков, Степана Радича и Светозара Прибичевича, «с самого начала отравившего сербскохорватские отношения»: «Умеренные были вытеснены с политической арены. С обеих сторон силу набирали экстремисты»³.

¹ *Tomasevich J. Peasants, Politics and Economic Change in Yugoslavia*. Stanford, London. 1955. P. 258–261, 233.

² *Rothschild J. East Central Europe Between the Two World Wars*. Seattle & London, 1974.

³ *Rothschild J. Op. cit.* P. 235, 212.

От вышеупомянутых коллег Д. Ротшильда выгодно отличает то, что политическую жизнь Королевства СХС он рассматривает, не находясь в плену у стереотипных представлений о борьбе «сербского колониализма» с хорватским «федерализмом». Аналогичное положительное качество характеризует Джона Р. Лампе¹, в своей работе опровергающего миф об экономической «эксплуатации» Сербией-Хорватии. Близки ротшильдовским оценки Лампе Прибичевича. Касаясь участи югославского парламентаризма, автор отмечает, что в течение судьбоносного периода пребывания у власти Н. Пашича (1921–1926) его правительство не создало «ничего, что бы можно было назвать разносторонней программой законотворчества».

Свой вклад в изучение «способностей» югославских политиков делает Фред Синглтон. По его мнению, ни верхи, ни низы не были готовы к восприятию «концепции западного парламентского либерализма», формально лежавшего в основании конституционного строя Королевства СХС².

Заканчивая обзор историографии, можно сделать вывод о высокой степени изученности истории Королевства СХС. В первую очередь это заслуга югославских исследователей, после Второй мировой войны сумевших воссоздать канву событий межвоенного времени на основе введенного в научный оборот массива источников. В то же время политическая идеологизация, которой подверглось изучение рассматриваемой проблематики в Югославии, СССР и на Западе, стала фактором, снижающим научный уровень многих из описанных нами работ. Это обстоятельство делает научно актуальной переоценку исторического наследия Королевства СХС, которое при всей его фактологической изученности во многом остается *terra incognita* в плане определения закономерностей развития судьбоносных для страны процессов. В нашем исследовании мы постараемся сделать шаг в данном направлении.

¹ *Lampe, John R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge, 1997.

² *Singleton, Fred.* Twentieth — Century Yugoslavia. New York. 1976. P. 75.

ИСТОЧНИКИ

При написании работы использовались материалы московских и белградских архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА — бывший Особый архив), Архива Югославии (Архив Југославије), Архива Сербской Академии наук и искусств (Архив Српске Академије наука и уметности).

В первых двух архивах удалось обнаружить только по одному документу, которые бы представляли для нас интерес. В ГАРФ — датированное 1920 г. донесение белоэмигрантского Военно-морского агента в Королевстве СХС, озаглавленное «Политические партии в Королевстве СХС, их борьба, роль коммунистов, влияние событий в России»¹. В АВПРФ — «Характеристика новых министров. Белград 15.1.1929»².

РГАСПИ располагает богатыми материалами по внутривосточной ситуации в Югославии в 1920-е гг. Особый интерес представляют документы Информационного отдела Исполкома Коминтерна (ИККИ), Балканского лендерсекретариата ИККИ, Компартии Югославии, Международного крестьянского совета и Исполнительного бюро Балканской коммунистической федерации.

Из коллекций РГВА интерес представляет трофейный фонд редакции межвоенного загребского журнала «Нова Европа», писавшего по культурной и общественно-политической проблематике³. В нашем распоряжении и редакционные материалы, и полная подборка номеров «Новой Европы».

Хранящиеся в белградских архивах фонды межвоенных документов сильно пострадали во время Второй мировой войны. В Архиве Югославии разрозненные документы о политической жизни (донесения, аналитические записки, партийные программы и т. д.) хранятся в фондах Народной скупщины Королевства Югославия, Совета министров, двора⁴, Министерства внутренних дел.

¹ ГАРФ, ф.6817 (Русский военно-морской агент в Королевстве СХС 1920–1923), оп. 1, д. 89.

² АВПРФ, ф. 144, год 1929, оп. 1, папка 2, д. 39.

³ РГВА, ф. 579/К.

⁴ Важный источник — Дневник дежурного адъютанта короля, в котором прослеживался распорядок дня монарха и регистрировались посетители Александра Карагеоргиевича.

Личные фонды гораздо богаче ведомственных. Выделяется фонд Воислава Йовановича Марамбо, в котором хранятся письма частных лиц Александру Карагеоргиевичу и министру двора. Среди корреспондентов короля: газетный магнат Тони Шлегел, хорватский политик Мате Дринкович, коммерсант Милан Прпич, Мита Димитриевич и др. Все вышеперечисленные выполняли личные королевские поручения. Их письма проливают свет на такие судьбоносные для истории Королевства СХС события, как «капитуляция» ХРКП, создание «Пречанского фронта», установление «диктатуры 6 января» и т. д.

Фонд Джуры Поповича — сотрудника информационной секции главного секретариата Лиги наций — содержит тематические подборки материалов югославской прессы (в том числе и партийной). В его обязанность входило следить за югославской политикой по материалам печати. Попович собирал статьи об отдельных политиках и партиях, о «соглашении радикалов и радичевцев», о «Степане Радиче и хорватском вопросе» и т. д.

Заслуживают упоминания фонды Милана Стоядиновича — деятеля Радикальной партии, многолетнего министра финансов, Йована Йовановича-Пиждона — главы Земледельческого союза, Любомира Давидовича — главы Демократической партии, Николы Пашича — председателя Народной радикальной партии.

В библиотеке Архива Югославии хранятся многотомные стенографические отчеты Уставотворной (Конституционного собрания) и Народной скупщины за интересующие нас годы¹.

Современными югославскими историками проделана большая работа по опубликованию архивных материалов. Как правило, авторы щедро разбавляли свой текст большими фрагментами газетных статей, партийных программ, выступлений политиков, законодательных актов. Таким путем пошли Ф. Чулинович, особое внимание уделявший выступлениям Радича, Х. Маткович, писавший о С. Прибичевиче, И. Мужич, Б. Глигориевич, В. Казимирович² и Д. Станкович³.

В 1998 г. под редакцией последнего вышел сборник выступлений «Никола Пашич в Народной скупщине»⁴. В Загребе до распада СФРЮ

¹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1921; Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1922–1928.

² Казимировић В. Србија и Југославија: 1914–1945. Крагујевац, 1995; *Его же*. Никола Пашић и његово доба. Београд, 1990.

³ См. «Прилози» в книге Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати. 1918–1923. Београд, 1995.

⁴ Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998.

выходили аналогичные сборники речей и статей оппонентов «сербского патриарха» — С. Радича и А. Трумбича¹. Отметим сборник статей Лазара Марковича — «верного пашичевца», — на протяжении всего десятилетия озвучивавшего позицию собственной партии по каждодневным проблемам сербскохорватских отношений².

Широкий круг документов, прослеживающих ретроспективу эволюции национальных противоречий в Югославии, представлен в сборнике «Югославский федерализм. Идеи и реальность» (1987), подготовленном Б. Петрановичем и М. Зечевичем³.

Ж. Аврамовским обработаны и изданы ежегодные отчеты британского посольства в Белграде руководству Foreign Office (Британцы о Королевстве Югославия, 1986)⁴. Мнение английских дипломатов о внутривнутриполитической жизни Королевства СХС характеризует поверхностность и высокомерие.

Из отечественных специалистов поиском архивных материалов, относящихся к межвоенной истории Балканских стран, занимается Р. П. Гришина. Результатом ее усилий стали два сборника документов АВПРФ и РГАСПИ: «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов (ответственный редактор Гришина Р. П.). Часть 1. М., 2000; Часть 2 (июнь 1924 г. — декабрь 1926 г.). М., 2003». Из опубликованного высокую ценность имеют сведения о контактах С. Радича с агентами Коминтерна и советским руководством. Например, интересны впечатления Г. В. Чичерина о лидере ХРКП.

Значительное место среди источников по теме работы занимают свидетельства современников в виде мемуаров, дневников, заметок и т. д. Среди неопубликованных материалов такого рода следует отметить проясняющие роль монарха в политической жизни второй половины 1920-х гг. воспоминания Милана Антича, дипломата и многолетнего министра двора, Светислава Милосавлевича, генерала и министра транс-

¹ *Radić Stjepan. Politički spisi. Zagreb, 1971; Korespondencija Stjepana Radića, izabrao Bogdan Krizman, Zagreb, 1972–1973; Trumbić Ante. Izabrani spisi. Split, 1986.*

² *Marković L. Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929) Beograd, 1991.*

³ *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Beograd, 1987.*

⁴ *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 1. Zagreb, 1986.*

порта¹. Из опубликованных большой интерес вызывают воспоминания Й. Хорвата, И. Мештровича, Й. Смодлаки, И. Рибара, В. Мачека, Л. Марковича, М. Стоядиновича, С. Прибичевича, Д. Йовановича².

Непременным источником исследования событий новейшей истории является периодическая печать, которую можно разделить на три группы по уровню политической ангажированности. В первую входят «Нова Европа» и «Српски књижевни гласник» («Сербский литературный вестник»). Оба журнала стремились в своих политических оценках не принимать сторону конкретных политических организаций и предоставляли свои страницы приверженцам самых разных течений. В «Новой Европе» главной темой открытой дискуссии был «сербский вопрос» в Королевстве СХС (в 1924–1925 гг.), в «Сербском литературном вестнике» — сербскохорватские отношения (1922 г.) и постоянный «кризис парламентаризма». В загребском издании политические обзоры делал его редактор Милан Чурчин, а экономические — Иво Белин. В белградском в роли главного обозревателя выступал Божидар Влаич.

Во вторую группу входят ежедневные «независимые» газеты: белградские «Политика», «Време», загребский «Обзор».

В третью — партийная пресса. Органы Радикальной партии: газета «Самоуправа» (Белград, 1918–1929) и журнал «Нови живот» (Белград, 1920–1928). Рупором С. Радича был «Slobodni dom». С. Прибичевича — загребская «Riječ Srba-Hrvata-Slovenaca» и белградская «Реч». С. Протич издавал газету «Радикал» (Белград, 1921–1923), Хорватское объединение (Hrvatska zajednica) — «Hrvat» (Загреб, 1919–1923) и т. д.

Помимо периодики отдельные политики и политические организации издавали книги и брошюры. Из-под пера пока еще члена Радикаль-

¹ Архив Српске Академије Наука и Уметности. (Далее — АСАНУ) Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. Бр. 13607; Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447, 14387/9436.

² *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata)*. Zagreb, 1984; *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje*. Zagreb, 1969; *Smolaka J. Zapisi Dra Josipa Smolake*. Zagreb, 1972; *Ribar I. Politički spisi*. Beograd, 1948; Он же. *Iz moje političke suradnje (1901–1963)*. Zagreb, 1965; *Maček V. In the struggle for freedom*. New York, 1957; *Марковић Л. Срби и Хрвати. 1914–1944*. Београд, 1993; *Его же. Одломци из «успомена» (1925–1926)* // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998; *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata*. Rijeka, 1970; *Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra*. Beograd, 1952; *Јовановић Д. Људи, људи... Медальони 94 политичких, јавних и других савременика*. (Приредила др. Надежда Јовановић) Београд, 2002. (в производстве)

ной партии С. Проти́ча вышла «Наша внешняя и внутренняя ситуация». Идеолог ХРКП Р. Херцег живописал «Крестьянское движение в Хорватии». Бывший лидер Хорватского объединения М. Дринкович стал автором книги «Хорватия и государственная политика». Фаворит короля М. Димитриеви́ч написал «Мы и хорваты. Хорватский вопрос. Согласие с хорватами»¹.

В завершение перечислим некоторые политические и экономико-статистические справочники: «Юбиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928» (Београд, 1928); «Зако́ни, уредбе и остали прописи Краљевине Југославије издани од 1. децембра 1918. до 31. децембра 1936» (Београд, 1936); «Зборник Југославије, њених бановина, градова, срезова и општина» (Београд, 1931.); Митриновић Ч., Брашић М.Н. Југословенске Народне скупштине и сабори (Београд, 1937).

Автор выражает искреннюю признательность А. Л. Шемякину, Р. П. Гришиной, М. И. Леньшиной, коллективу Архива Југославије и лично его директору Миладину Милошеви́чу, сотрудникам Архива Сербской Академии наук и искусств (АСАНУ), др. Надежде Йованович, проф. др. Николе Б. Поповичу и А. Б. Арсеньеву.

¹ Протић Ст. М. Наша спољна и унутрашња ситуација. (конференција одржана у клубу београдских радикала 2-X-1919.) Београд, 1920; *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj.* Zagreb, 1923; *Drinković M. Hrvatska i državna politika.* Zagreb, 1928; *Димитријевић М. Ми и хрвати. Хрватско питање. Споразум са хрватима 1914–1939.* Београд, 1939.

Глава I

«ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»: ПОРАЖЕНИЕ УМЕРЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Королевство сербов, хорватов и словенцев не было государством обретших друг друга после долгой разлуки братьев. Условия его образования служили предпосылкой тяжелых общественных противоречий. В то же время нельзя дать однозначный ответ на вопрос, были ли они непреодолимыми и был ли неизбежен государственный кризис, постигший страну в конце двадцатых годов. Так или иначе, Королевство СХС стало не «государством примирения»¹, а государством жестокой политической конфронтации.

Общие контуры будущих катаклизмов проявились уже в первые два с половиной года, предшествовавшие принятию Видовданской конституции. Свидетельством экстремизации общественных настроений является изменение отношения к новосозданному государству политических деятелей, принимавших участие в процессе Объединения. Если в конце 1918 г. по обе стороны Савы, Дрины и Дуная Югославия провозглашалась «землей обетованной» для всего «трехименного народа», то в июне 1921 г. решение о судьбе основного закона страны принимали исключительно сербские политические партии².

Бойкот представителями католического населения страны голосования по вопросу о принятии конституции, а также совместное заявление

¹ Димић Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 29.

² Голоса поддержавших конституционный проект мусульман были оплачены.

всех хорватских партий, включая и слывших приверженцами югославянской идеи, и ультранационалистов франковцев, что принятая конституция не будет иметь никакой «юридической силы»¹ на территории Хорватии, отражает как остроту межнационального антагонизма, так и тот факт, что с момента образования Королевства СХС сербскими, хорватскими и словенскими политиками не было найдено механизмов его сглаживания, как, впрочем, и путей решения прочих многочисленных проблем, обременявших существование страны. В связи с этим очевидна необходимость анализа переходного периода, в течение которого отчетливо проявились и кризисные тенденции развития политической системы, и разнонаправленность устремлений югославянских народов.

Публичную политическую жизнь Королевства СХС в период до принятия Видовданской конституции характеризует борьба двух тенденций, которые с известной долей условности можно назвать, с одной стороны, «умеренной», «компромиссной» и, с другой, «конфликтной», «экстремистской». Принадлежность конкретных политических партий к первому течению определялась готовностью в процессе формирования облика нового государства, раздела властных полномочий в центре страны и на местах учитывать особые интересы других организаций, особенно представляющих иные югославянские народы. Пути решения сложных государственных проблем «умеренные» видели в соблюдении писаных и неписаных правил взаимоотношений ветвей власти и норм парламентской жизни.

Главной же чертой политиков, относившихся ко второму лагерю, можно считать стремление увеличить свой политический вес путем жесткой конфронтации со своими политическими оппонентами. Во взаимоотношениях с ними «экстремисты» не считали себя ограниченными какими-либо парламентскими нормами. Их несоблюдение оправдывалось ссылками на собственное предназначение защищать, часто от всех остальных участников политической жизни, некие высшие интересы. Если «умеренные» стремились к нейтрализации взаимного отчуждения бывших военных противников, то для «экстремистов» оно было предметом политических спекуляций.

В идеологическом плане приверженцев двух соперничавших течений разделяло различное отношение к идее национального унитаризма. «Экстремистов» отличал бескомпромиссный подход — одни видели в ней категорический императив, другие полностью ее отвергали. Приверженцы «компромиссной» линии, признавая, по крайней мере официально,

¹ Цит. по: *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. S. 112.

верность учения о существовании «трехименного сербско-хорватско-словенского народа», не считали его догмой или побуждением к насильственной политической и государственной унификации.

Члены Народной радикальной партии, в политике которой прослеживались черты «умеренности», не желали лишать свою программу национальной сербской окраски и, соответственно, вопреки мнению своих оппонентов, не считали пережитком прошлого «племенные» национальные особенности югославянских народов. Их сохранение, по мнению Стояна Протича, осуществлявшего руководство партией во время отъезда ее бессменного лидера Николы Пашича на Парижскую мирную конференцию, «было основной предпосылкой стабильности государственного объединения»¹. Эта позиция крупнейшей сербской партии сделала возможным ее партнерство с политическими представителями интересов католического населения. Союзниками радикалов были бывшие деятели Народного Вече Государства СХС — Словенская народная партия (СНП) во главе с Антоном Корошцем и Хорватское объединение (ХО), образованное из Старчевичанской партии права, Прогрессивной демократической партии, Хорватского народного объединения из Боснии и Герцеговины². Лидеры СНП и ХО приняли на вооружение идеологию Объединения, руководствуясь не столько убежденностью в ее бесспорной верности, сколько практическими соображениями: ее постулаты лежали в основе «Перводекабрьского акта», гарантировавшего сохранение автономного положения «пречанских»³ областей вплоть до принятия конституции⁴. В октябре 1919 г. фракции НРП, ХО (Народный клуб) и СНП (Югославянский клуб) сформировали во Временном народном представительстве Парламентское объединение (ПО).

Представителями «экстремистского» лагеря следует считать Демократическую партию (ДП) и Хорватскую народную крестьянскую партию (ХНКП) Степана Радича, не признававшую легитимность Объединения и стремившуюся добиться привлекательности в глазах народных масс путем жесткого противостояния с официальным Белградом — «виновни-

¹ *Glorigijević B. Parlament i političke stranke... S. 39.*

² Фракция Хорватского объединения во Временном народном представительстве называлась Народный клуб, фракция Словенской народной партии — Югославянский клуб.

³ Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком для обозначения югославян новоприобретенных территорий в целом.

⁴ *Obrazovanje Kraljevine SHS // Šišić F. Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 280–283.*

ком» всех социальных и экономических неурядиц послевоенной Хорватии. В рассматриваемый период ХНКП, официально не запрещенная, находилась на полуподпольном положении.

§ 1. «ЭКСТРЕМИСТСКОЕ» ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

Конфликтность ДП была предопределена интересами ее создателей. Инициатива образования партии исходила от Александра Карагеоргиевича, не имевшего возможности активно действовать на публичной политической арене. По словам Лазара Марковича, «импульс к созданию Демократической партии придал сам регент...»¹. Новая партия была необходима ему в качестве инструмента реализации властных амбиций, выходявших далеко за рамки, определенные законом и политическими традициями довоенной Сербии. ДП должна была способствовать ослаблению традиционных политических представителей сербов, хорватов, словенцев и мусульман, чьим интересам противоречило усиление власти монарха. «Демократическая партия, — продолжал Л. Маркович, — возникла под лозунгом борьбы против Радикальной партии. Создатели ДП считали, что ее предназначение в том, чтобы заменить радикалов у кормила власти в новом королевстве»².

Организаторский талант Светозара Прибичевича должен был позволить ему сплотить вокруг себя и разрозненных оппонентов Н. Пашича из числа сербской оппозиции, и югославянски ориентированные группировки из новоприсоединенных областей. Особые надежды возлагались на способности лидера демократов противодействовать центробежным тенденциям, набиравшим силу в «пречанских» регионах. Как писал в своих мемуарах Слободан Йованович, «Прибичевич после объединения был „героем дня“. Ему в заслугу приписывалось то, что 1 декабря 1918 года хорваты согласились объединиться с сербами»³.

С Александром Карагеоргиевичем сербскую оппозицию времен Первой мировой войны⁴ объединяли общие антипатии. Как показал опыт

¹ Цит. по: *Glorigjević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 64.*

² *Марковић Л. Из Уставотворне у законодавну скупштину // Нови живот. VI књига. Београд, 1921. С. 4.*

³ Цит. по: *Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S.115.*

⁴ Сербскую оппозицию составляли Самостоятельная радикальная, Прогрессивная и Либеральная партии.

Женевской конференции ноября 1918 г., в целях борьбы с НРП она была готова к созданию самых неожиданных альянсов. Тогда она поддержала «конфедералистскую» позицию Югославянского комитета¹, а, вступив в союз с двором и С. Прибичевичем, перешла на сторону ультрацентралистов. Как справедливо заметил хорватский историк Х. Маткович, «сербианские политики в Демократической партии были больше антирадикалы, чем демократы. Для них тактика значила больше, чем программа»².

Для С. Прибичевича и возглавляемой им части бывшей хорватско-сербской коалиции ДП предоставляла возможность с позиции силы диктовать свою волю многолетним политическим конкурентам в Хорватии. Сотрудничество с Любомиром Давидовичем и его соратниками открывало перспективу распространения своей деятельности на Сербию. Кроме того, С. Прибичевич, как и его новые партнеры, «имел зуб» на радикалов. Те не только «противодействовали распространению его влияния на области, которые Радикальная партия считала своей сферой интересов»³, но и жаждали «освоить» «пречанские» территории, привлечь на свою сторону тамошнее сербское население и, таким образом, покушались на традиционный прибичевичевский электорат. Так, особое недовольство лидера ДП⁴ вызвало присоединение радикалов из Воеводины во главе с Яшей Томичем к НРП.

С. Прибичевичу принадлежала заслуга создания идеологии новой партии. ДП, как и большинство представленных в ВНП объединений, придерживалась принципов «народного единства сербов, хорватов и словенцев», логическим следствием которого было централистское государственное устройство «с одним законодательным органом и одним правительством

¹ Согласно подписанной Пашичем, Трумбичем и Корошцем Женевской декларации Королевство Сербия признавало Народное Вече в качестве представителя Государства СХС. Вместо присоединения последнего к Сербии должна была сохраниться его обособленность. Провозглашалось создание «общего министерства для решения задачи организации общего государства».

² *Matković H. Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 41.*

³ *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 158.*

⁴ Официальным председателем ДП был Л. Давидович. Реальным лидером партии с момента ее создания был Прибичевич. Желание Давидовича реализовать на практике свой формальный статус и идеологические расхождения с Прибичевичем привели сначала к фактическому распаду ДП на «давидовичевцев» и «прибичевичевцев», а в 1924 г. и к официальному разделу организации. Прибичевич и его сторонники образовали Самостоятельную демократическую партию.

для всей страны». Однако, по мнению лидера демократов, только возглавляемая им партия была способна последовательно воплощать в жизнь идеи Объединения и защищать югославянское государство от внешних и внутренних угроз: «Единственная партия всех племен, всех религий и всех сословий в нашей стране. Демократическая партия основана на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, гражданского равноправия и экономической справедливости»¹.

Если ДП состояла из групп, формально представлявших все части «сербо-хорвато-словенского народа» и объединенных общегославянской «надплеменной» идеологией, то остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный» народ был насильственно разделен, «не способные решать проблемы современного югославянского государства», являлись не более чем «анахронизмом», сербскими, или, еще того хуже, австрийскими рудиментами. По словам Прибичевича, «возникшие еще до войны, они не способны понять реалии новой жизни. Поэтому все старые партии следует распустить. Радикальная партия давно дала все, что могла дать... Югославская мусульманская организация имеет слишком отчетливую религиозную окраску... Словенская народная партия это партия католических священников. В ней собраны одни словенцы, и нет хорватов... Другие партии совершенно не актуальны, не знакомы с обстановкой, сложившейся в стране. Надо широко открыть глаза, чтобы эти слепцы не завели нас в пропасть»; «нужна одна большая партия, которая сможет нести ответственность за все государственные дела»². «Один народ — одно государство — одна партия» — заголовок загребского рупора демократов — свидетельство их убежденности в собственной избранности³.

Подобная позиция стала причиной острого противостояния ДП с остальными организациями, которые она пыталась столкнуть с политического Олимпа. Таким образом, в условиях борьбы с «племенными» партиями, опиравшимися на компактные массы избирателей, проживавших в исторически сформировавшихся областях, этнический и государственный унитаризм, проповедуемый ДП, был, по словам Б. Глигориевича, «практической политической программой, осуществление которой гарантировало партии увеличение ее политического влияния. Принимая этот принцип (якобы единственный способный обеспечить существование мо-

¹ Политика, 16 Јануар 1923 г. «Проглас Демократске странке».

² Цит. по: *Matković H. Svetozar Pribičević...* S. 191. (Хотя эти слова были произнесены в 1925 г., они могут служить иллюстрацией убеждений Прибичевича, которыми он руководствовался при формировании ДП.)

³ Riječ Srba, Hrvata i Slovenaca, 19 februar 1919.

лодого государства) и отвергая принцип представительства во власти отдельных народов, партия обеспечивала себе неограниченную власть»¹.

Союз ДП и двора методом борьбы со своими противниками выбрал ослабление или прямое упразднение тех правовых и государственных институтов, в рамках которых они могли угрожать его могуществу. В этом контексте следует рассматривать и ликвидацию хорватской автономии, унаследованной от Австро-Венгрии, и уменьшение роли центрального парламента — Временного народного представительства, в результате чего в первую очередь пострадали радикалы, стремившиеся в условиях опалы, наложенной на них Александром, использовать парламентские процедуры в качестве главного способа оспаривания «руководящей и направляющей роли» демократов. Подтверждением того, что эти, на первый взгляд различные, направления политики ДП имели одну природу, служит тот факт, что С. Прибичевич и предназначение ВВП, и смысл Перводекабрьского акта объединения, гарантировавшего сохранение в неизменном виде «пречанских» областных органов власти как минимум до принятия конституции Королевства СХС, видел лишь в «демонстрации зарубежному миру нашего народного единства»².

Хорватия была главным полем борьбы демократов с австрийскими «атавистическими» проявлениями. К таковым С. Прибичевич относил все органы хорватской автономии и в первую очередь Сабор. В качестве первого министра внутренних дел он запретил его созыв, целью которого должна была стать ратификация Объединения, аналогичная осуществленной Сербской народной скупщиной 29 декабря 1918 г. Кроме того, в целях приведения в соответствие с принципом «народного единства сербов, хорватов и словенцев» внутреннего государственного устройства были распущены местные органы самоуправления — городские представительства и муниципальные комитеты, — уменьшены полномочия «областных» правительств, была упразднена их ответственность перед представительными органами.

Вызванный централизаторской политикой протест хорватской общественности и в первую очередь Хорватского объединения, требовавшего соблюдения условий Перводекабрьского акта, наталкивался на софистическое утверждение С. Прибичевича, что тот не может иметь «никакого государственно-правового характера и не является договором, с одной стороны, сербского правительства и Народного вече, с другой»³. «Дого-

¹ *Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 77.*

² Цит. по: *Протух Ст. М. Наша спољна и унутрашња ситуација (конференција одржана у клубу београдских радикала 2-Х-1919).* Београд, 1920. С. 23–33.

³ Цит. по: *Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 49.*

воры и соглашения, — продолжал фаворит короля, — могут быть между чехами и немцами, между народами, которые имеют разные интересы и хотят их согласовать. А между членами одного народа, между сербами, хорватами и словенцами этого не может быть ни в коем случае. Всякое желание договариваться и подписывать соглашения показывает, что они не один народ»¹. В соответствии с этим тезисом представителя любой политической организации, не являвшегося членом Демократической партии, можно было квалифицировать как «агитатора, подрывающего народное и государственное единство», с которым нужно бороться, используя «все превентивные меры и репрессивные средства государственной власти»². В арсенал Демократической администрации входили неподкрепленные решениями суда аресты, введение цензуры, введение ограничений на передвижение как внутри страны, так и за границу.

Доминирующее положение в исполнительной власти, поддержка «внепарламентских факторов» — все это делало в глазах С. Прибичевича излишним само существование ВВП. Усилиями демократов, пользовавшихся обстановкой правового вакуума, в котором находилось молодое государство, законотворческие функции парламента присваивались правительством, издававшим «распоряжения, обладавшие силой закона». Всего в течение переходного периода было издано около восьмисот подобных распоряжений. Достаточным основанием для этого, по мнению С. Прибичевича, было то, что не существовало законодательной базы для работы Временного народного представительства, которое было «навязано», поэтому «спорным является вопрос, может ли оно вообще принимать законы. Из-за его нефункционирования нельзя подвергать опасности государство».

Практическая реализация подобной недемократичной позиции лидера демократов стала возможной только при поддержке двора. Главные усилия с конца 1918 года принц-регент направил на то, чтобы лишить парламент и участвовавшие в его работе партии возможности контролировать работу правительства и определять его состав. Жесткое «неконституционное» давление Александр оказывал на тех, в ком видел себе угрозу, и, таким образом, «расчищал площадку» для своей креатуры — Демократической партии. Престолонаследник воспрепятствовал получению Н. Пашичем мандата на формирование первого югославского правительства, чей состав был одобрен и всеми сербскими партиями, и делегацией Народного вече Государства СХС³.

¹ Цит. по: *Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji*. Zagreb, 1995. S. 144.

² Цит. по: *Matković H. Svetozar Pribičević...* S. 33.

³ Архив Югославии (далее — АЈ), ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1 (текст отставки премьер-министра Сербии Н. Пашича).

Еще одним громким случаем «отступления от принципов парламентаризма» стал отказ престолонаследника осенью 1919 г. утвердить состав правительства Парламентского объединения во главе с радикалом Марко Трифковичем. По мнению С. Протича, этим нарушалось «право парламента решать вопрос о работе или падении правительства с того момента, когда корона определена в кандидатуре будущего премьера».

Идеологическое обоснование подобных мер осуществлял С. Прибичевич. Конфликт двора и демократов, с одной стороны, и ПО, с другой, он характеризовал как революционную борьбу сторонников «идеи единого государства с сепаратистскими сербскими и хорватскими элементами»: «Всякая революция противоречит законам, и никто не спрашивает, как осуществлены изменения. Мы проходим период созидания, и государство должно употребить все средства для поддержания общественной безопасности и порядка. Мы не можем обращать внимания на формальности». Неутверждение кабинета М. Трифковича преподносилось как раскрытие «адского заговора, направленного против народа и короны», целью которого было «создание новой Австрии на территории нашего Королевства». Воспрепятствовать этому, по словам С. Прибичевича, мог либо кабинет демократов, либо «внепарламентское правительство», возглавляемое «личностью, не замешанной в межпартийной борьбе»¹.

§ 2. «УМЕРЕННОЕ» ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

Понимание необходимости противодействия вышеописанной политике стало главным мотивом объединения «умеренных» сил, среди которых главная роль принадлежала Народной радикальной партии. Отношения партнеров по Парламентскому объединению не были безоблачными. Их обременяли многолетние противоречия, различия во взглядах на национальные отношения, на ход объединительного процесса и в понимании своего места в новом государстве. Во время войны и в первое время после нее хорватские и словенские политики искали сближения вовсе не с Радикальной партией, а с сербской оппозицией, с которой они так успешно сотрудничали во время Женевской конференции. С помощью будущих членов Демократической партии «пречанские» деятели надеялись сохранить обособленность югославянских территорий распавшейся Австро-Венгрии, приостановив их объединение с Сербией.

¹ Цит. по: *Gligorijević B. Demokratska stranka...* S. 109, 94, 130, 126.

Наибольшую антипатию у деятелей Народного Вече СХС вызывал Никола Пашич, которого они обвиняли в желании «вернуть к жизни Великую Сербию Душана»¹. Иллюстрацией служит описываемый загребским журналом «Новая Европа» эпизод обсуждения «пречанской» делегацией и сербским правительством на Корфу осенью того же года вопросов объединения сербской и бывшей австро-венгерской валютных систем. «Отправился с ними и Лоркович, тогда первый секретарь Народного Вече (Иван Лоркович, бывший член Хорватско-сербской коалиции, в дальнейшем один из лидеров ХО. — А.С.). Но он не стал встречаться с Пашичем, которого не считал истинным представителем народа. Чистый, настоящий демократ-ортодокс, он не хотел контактировать с теми, кто у власти был не по воле народа. Настоящими представителями народной воли... он считал сербскую оппозицию»².

Однако первые месяцы существования Королевства СХС показали ошибочность пристрастий «пречан». Руководство НРП оказалось их единственным союзником перед лицом «революции», осуществляемой демократическо-династическим союзом. Создание коалиции стало результатом взаимных уступок со стороны ее участников. В целях сближения с радикалами Народный клуб, громкогласно выступавший за сохранение хорватской автономии, свою позицию по проблеме внутреннего устройства страны привел в соответствие с теорией «национального унитаризма», которой он официально придерживался:

«1. Наше молодое государство должно быть конституционной и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей и со столицей в Белграде.

2. Оно должно иметь одну государственную власть для всего Королевства.

3. Оно должно иметь только один-единственный парламент.

4. Этот парламент должен будет принимать законы для всего королевства.

5. Конституция должна гарантировать широкое самоуправление общины, уезда, жупании и больших территориальных единиц»³.

В свою очередь, руководство НРП согласилось на требования своих союзников в случае формирования кабинета Парламентского объединения обеспечить им властные позиции в органах хорватской автономии и

¹ Смодлака J. Наш задатак // Nova Evropa (Далее — NE). Knjiga 6, broj 2, Zagreb, 11 septembar, 1922.

² Политео И. Иван Лоркович // NE. Knj. 12, br. 5, s.130. 11 Marta. 1926.

³ Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 194.

восстановить утраченные ею по воле С. Прибичевича полномочия. Возможность реализации взаимных обязательств представилась членам ПО в феврале 1920 г., когда демократа Л. Давидовича на посту главы правительства сменил радикал С. Протич. СНП и ХО в его правительстве получили по 3 и 4 портфеля соответственно. Баном Хорватии стал один из руководителей ХО Матко Лагиня.

Участники Парламентского объединения по-разному понимали предназначение созданной ими организации. В дальнейшем десятилетия политическая практика Королевства СХС покажет, что большая часть югославских политиков в создании политических союзов и коалиций видела по большей части средство достижения тактических целей. И в течение переходного периода основная масса словенских клерикалов, хорватских «заедничаров» и радикалов смыслом своего сотрудничества считала решение локальных сиюминутных задач: защита своих позиций в центральных и местных органах власти, имевших определяющее значение при участии партии в выборах всех уровней, определение параметров аграрной реформы и так далее. Необходимость совместного поиска путей законодательного урегулирования взаимоотношений трех югославянских «племен» была очевидна немногим.

В отличие от большинства партийных функционеров С. Протичу с первых дней существования Королевства СХС было присуще понимание приоритетной важности компромиссного пути решения национально-территориального вопроса для судьбы государства в целом и сербского народа в частности. Временно возглавлявший НРП С. Протич был движущей силой Парламентского объединения и главным идеологом «умеренной» политики. Как и его соратники по Радикальной партии, Протич в создании Югославии видел один из двух возможных путей осуществления давней цели политики Белграда — объединения всех сербов. Однако если мононациональное «общее государство всех сербских земель»¹ само по себе было бы воплощением интересов сербского народа, то в Королевстве СХС необходимым условием их реализации стало достижение согласия с остальными двумя «титულными» «племенами», имевшими свое представление о собственных «исторических и государственных правах». «Было бы опасно, — говорил Протич, — не принимать в расчет мнение тех частей нашего народа, которые веками жили отдельно от нас»².

¹ *Марковић М. Смисао стварања Југославије // Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999. С. 60.*

² *Протић Стојан М. Наша спољна и унутрашња ситуација... Београд, 1920. С. 31.*

По мнению Протича, основным принципом взаимоотношений Белграда с «пречанами» должно было быть четкое следование документам, положенным в основание Королевства СХС. К таковым он причислял прежде всего, Корфскую декларацию и Перводекабрьский акт объединения¹. Руководствуясь этими соображениями, Протич не мог согласиться с точкой зрения С. Прибичевича и его венценосного покровителя, что адрес Народного Вече СХС и полученный на него ответ принца-регента Александра, гарантировавший сохранение органов хорватской автономии, является всего лишь «манifestацией для заграницы»: «Эти два акта выражают желания, настроения и мнения народа с обеих сторон Савы и Дуная. Эти два акта имеют свое содержание и свое внутреннее значение... Если мы хотим, чтобы наше слово завтра имело цену, мы должны показать, что мы сами свое слово всегда держим и уважаем».

«Философией» Королевства СХС должна была стать «гармония беспрепятственного правильного развития и индивидуальности, и государственного, общественного целого». Путь к ее достижению Протич видел во внутреннем административном разграничении страны, приемлемом и для хорватов со словенцами, стремившихся к автономному национальному развитию в «исторически сложившихся областях», и для сербов, заинтересованных в сохранении суверенитета центральной государственной власти.

Препятствием на пути достижения «гармонии» была осуществляемая Прибичевичем политика «государственного единства, понимаемого им в наигрубейшей централистской форме» — как «растворение всех индивидуальностей, всех региональных и исторических традиций»². Такого образного определения удостоились действия по «борьбе с антигосударственными элементами» в «пречанских» регионах и планы разделения страны на области в соответствии с «экономико-географическими обстоятельствами». По мнению С. Протича, подобные «грубые и опасные меры» едва ли достигали тех результатов, к которым стремились их инициаторы. Однако они гарантированно отравляли взаимоотношения сербов с осталь-

¹ Декларация налагала на подписавших ее обязательство построения «общего» государства с «единой территорией и единым гражданством», а также принятие конституции квалифицированным большинством, возможным только, если проект основного закона устраивал «пречан». Перводекабрьский акт помимо повторения тезисов Корфской декларации содержал обещание принца-регента придерживаться демократических, парламентских принципов правления и оставить в сохранности до принятия конституции автономные органы югославянских областей бывшей Австро-Венгрии. (Šišić F. Op. cit. S. 98, 282.)

² Протич Стојан М. Наша спољна и унутрашња ситуација... С. 24, 31.

ными югославянскими народами, которые отворачивались от политиков, «запятнавших» себя сотрудничеством с Белградом, и попадали под влияние национальных экстремистов.

Как заметила О. Попович, по сравнению с соратниками по партии и большинством политиков из Сербии, в целом Протич гораздо лучше понимал смысл национально-политических процессов, происходивших в Хорватии. В то время, когда в рядах сербских партий преобладала убежденность в том, что Прибичевич лучший знаток Хорватии и что его Хорвато-сербская коалиция представляет чаяния большинства хорватов, Протич в июле 1919 г. констатировал, что Народный клуб, хоть и не имевший большого числа сторонников, «гораздо более достоверно представляет настроения хорватской части народа, чем Хорвато-сербская коалиция. Его ослабление означает усиление не коалиции, а господина Радича и франковцев»¹.

Перманентная межнациональная конфронтация делала невозможной воплощение в жизнь замыслов создателей Королевства СХС, само существование которого становилось бессмысленным. «Сербы не должны считать, что могут сохранить это государство и находиться в состоянии войны с почти половиной нашего народа — с хорватами и словенцами... Невозможно, опираясь на штыки, править на благо народа... Было бы лучше, разумнее и для государства полезнее отделиться от своих братьев, чем опираться в этом вопросе на силу». Соответственно и до руководства ХО и СНП Протич пытался донести ту мысль, что пользоваться преимуществами общего государства католическое население сможет только при условии уважения интересов народа-освободителя. В противном случае «каждый пойдет своим путем — сербы с сербами, а хорваты и словенцы — с хорватами и словенцами». При этом первым не останется ничего другого, как вернуться к варианту создания всесербского государства, в состав которого вошли бы полностью или частично «Босния и Герцеговина, Срем и Славония, Далмация и Лика, Бачка, Банат и Бараня»².

Вплотить в жизнь идеи Стояна Протича должно было принятие разработанного им проекта конституции, в соответствии с которым Королевство СХС становилось бы парламентской монархией с двухпалатным законодательным органом. Страну следовало разделить на девять областей: 1) Сербию, 2) Старую Сербию с Македонией, 3) Хорватию со Славонией, Риекой, Истрией и Меджимурьем, 4) Боснию, 5) Черногорию с Герцеговиной, Бокой и Приморьем, 6) Далмацию, 7) Срем и Бачку, 8) Банат, 9) Словению с Прекомурьем. Самоуправление областей осуществляли

¹ Протич С. Око устава. Критика и полемика. Београд, 1921. С. 77.

² Цит. по. Поповић О. Op. cit. S. 49, 23.

бы местные законодательные органы — областные скупщины — и избираемые из их среды исполнительные комитеты. Согласно норме, определявшей характер взаимоотношений местных и центральных властей, «областные законы не могут противоречить конституции и государственным законам»¹. Другими словами, «одно государство — один суверенитет»². За его соблюдением надлежало следить Государственному совету и стоящему во главе области «наместнику», назначаемому королем по предложению премьер-министра.

Проект предоставлял гарантии автономии щепетильным в отношении своих «прав» католическим «племенам». Впервые в истории были объединены словенские земли³. Хорватский народ переставал быть разорванным между Веной и Будапештом. Полномочия областных органов не давали повода сетовать на уменьшение прав Хорватии по сравнению с довоенным временем.

Особое внимание уделялось обеспечению интересов сербского народа в условиях административной децентрализации. Из девяти предусмотренных единиц, за исключением Хорватии, Далмации и Словении, шесть по национальному составу могли считаться сербскими. По мнению Протица, из всех областей только Сербия будет «по-настоящему жизнеспособной и вскоре настолько окрепнет, что сможет присоединить к себе Южную Сербию с Македонией и Воеводину»⁴. Присоединение Боснии — дело ближайших десяти лет. Путь к подобной консолидации «сербского национального пространства» открывала предусмотренная проектом возможность слияния областей «по требованию или с согласия населения, которого затрагивают производимые изменения».

В позиции С. Протица по конституционному вопросу проявлялась либеральность его политического мировоззрения в целом. Плюралистический характер внутреннего национально-территориального устройства страны — производная политического плюрализма, которому следовало быть главным атрибутом строившейся политической системы Королевства

¹ Ustavni nacrt Stojana Protića // Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 100.

² Цит. по: *Казимировић. В.* Србија и Југославија 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 423.

³ Во всех конституционных проектах словенские земли либо составляли единую территориальную единицу, либо меньше всего, по сравнению с другими областями, подвергались дроблению.

⁴ Цит. по: *Popović O.* Op. cit. S. 98.

СХС. Основной ее элемент — дееспособная представительная власть, играющая важную роль в формировании общегосударственного курса. С одной стороны, протичевский проект конституции в случае его принятия исключал возможность бесконтрольной деятельности исполнительной власти. В частности, было подтверждено «бюджетное право» парламента — право контролировать финансовую политику правительства. В отличие от сербской конституции 1903 г., лежавшей в основе проекта Протича, кабинету в случае роспуска скупщины или «откладывания ее сессии» запрещено «продлевать действие бюджета». С другой стороны, создавались препятствия использованию пленарного заседания в узкопартийных интересах в ущерб законодательной деятельности парламента. «Кворум, который в соответствии с конституцией 1903 г. составлял половину плюс один голос, Протич уменьшил до одной трети. Помимо этого запретил тот вид обструкции, который заключался в бойкоте заседаний скупщины»¹.

Реализация плана внутреннего устройства страны, предложенного Протичем, была возможна только при условии поддержки его деятельности² со стороны как соратников по Радикальной партии, так и хорватских политиков из числа «буржуазной интеллигенции». Казалось бы, укреплению репутации Протича в рядах радикалов должны были способствовать результаты кооперации крупнейшей сербской партии с «пречанами». Главным было то, что прервалась политическая гегемония ДП во Временном народном представительстве и в правительстве, на посту главы которого демократу удастся сменить радикала только в 1924 г.³ Не ставился под сомнение статус Протича как главного идеолога НРП.

Для хорватов же Протич был единственным «лучом света в темном царстве» централистов. По словам публициста Йосипа Хорвата, близко к руководству ХО, в Хорватии Протичу «удалось создать благоприят-

¹ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 35. Среди других либеральных нововведений, предлагаемых лидером «умеренного» течения, — главенство гражданских судов над военными, использование армии в полицейских операциях только по решению гражданских властей и закрытие газет только по решению суда, а не полиции.

² Пост главы кабинета и одновременно «министра, ответственного за созыв Уставотворной скупщины», Протич занимал с 19 февраля по 17 мая 1920 г. («Второе правительство Стояна М. Протича»). За созыв конституционного собрания он отвечал и в «Первом правительстве Миленко Весничя» до его роспуска 18 августа 1920 г.

³ Правительство Любомира Давидовича (27 июля – 6 ноября 1924 г.).

ную психологическую атмосферу»¹. Респектабельная загребская газета «Обзор» в дни его премьерства писала: «Сегодня хорваты ощущают себя не покоренным народом, а, вместе со своими братьями сербами и словенцами, хозяевами своего дома»². Один из руководителей Хорватского объединения Мате Дринкович величал Протича «одним из умнейших сербиянцев», «великим сербом»³, «в правление которого страна вздохнула с облегчением... а народу показалось, что вернутся блаженные времена мира и согласия»⁴. Йосип Смодлака, член делегации Народного Вече СХС, прибывшей в конце ноября 1918 г. в Белград, называл его «первой головой не только среди сербских, но и среди всех наших политиков по необычайной быстроте ума и активности, по политической образованности и опыту»⁵.

§ 3. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ «УМЕРЕННОГО» ТЕЧЕНИЯ

И все-таки основа «умеренной» политики — общность позиций по наиболее значительной государственной проблеме Королевства СХС — оказалась весьма недолговечной. Несмотря на весь авторитет Протича среди однопартийцев и на доверие партнеров по Парламентскому объединению, его план «конституционного решения национального вопроса» остался не востребованным ни теми ни другими. Причины, по которым радикалы, по общему признанию, не слишком рьяные сторонники теории «трехименного народа», отошли от «средней линии», разнообразны. На поверхности лежат сиюминутные тактические соображения членов НРП, не до конца удовлетворенных результатами сотрудничества с остальными членами Парламентского объединения.

В первую очередь, союз с ХО и СНП не принес радикалам явного перевеса над демократами, продолжавшими пользоваться поддержкой Александра Карагеоргиевича. В рядах НРП росла убежденность в том, что политическая «ликвидность» сложного плана Протича весьма неочевидна. Под воздействием Пашича, вернувшегося в страну летом 1920 г. с Парижской мирной конференции, возобладало мнение, что государственная централизация, хоть и не такая жесткая, какой ее видел Прибичевич, —

¹ *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 189.*

² Цит. по: *Popović O. Op. cit. S. 31.*

³ *Drinković M. Hrvatska i državna politika. Zagreb, 1928. S. 17.*

⁴ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 17.

⁵ *Smodlaka J. Zapisi Dra Josipa Smodlake. Zagreb, 1972. S. 68.*

гораздо более простой и эффективный метод как претворения в жизнь интересов сербов, то есть сохранения государственного единства, так и обеспечения руководящей роли партии. Кроме того, в преддверии выборов в Конституционное собрание (Уставотворную скупщину) ДП, тогда самую могущественную организацию в Королевстве СХС, и ее покровителя гораздо спокойнее было видеть в качестве союзников, чем оппонентов. Принятие НРП централистской программы открывало дорогу партнерству двух непримиримых врагов.

По словам О. Попович, «покровительство, оказываемое престолонаследником Александром демократам, особенно сторонникам Прибичевича, демонстрировало, что пользоваться поддержкой двора будет только бескомпромиссная централистская политика и только та партия, которая ее осуществляет. Это убедило Радикальную партию в том, что ее перспективы (уже тогда было ясно, что без поддержки регента на них нечего рассчитывать) не в совместной с хорватскими и словенскими децентралистскими силами борьбе с демократами, на чем настаивал Протич, а в заключении союза с ними»¹.

То, как крах политики С. Протича виделся из Загреба, иллюстрирует парламентское выступление М. Дринковича: «Итак, господа, дважды в этой стране вынуждено было подать в отставку правительство, из-за того что Радикальная партия выступала в союзе со словенцами и хорватами. Это очень показательно... Господин Протич, правдолюбивый и честный даже в мелочах, всегда призывал нас договариваться и решать все сообща. Когда пришел господин Веснич², этому настал конец. Это закончилось, так как господина Веснича поставили, чтобы он уничтожил этот договор и это согласие, которое было достигнуто по всей стране»³.

В результате автором официального совместного проекта Радикальной и Демократической партий, положенного в основу Видовданской конституции, стал не Протич, а другой член НРП, Лазар Маркович. В плане определения государственного облика оба проекта имели в основе сербскую конституцию 1903 г. Однако в отличие от Протича Маркович

¹ *Popović O.* Op. cit. S. 33.

² Член НРП, посол во Франции Миленко Веснич был вызван в Белград для того, чтобы возглавить «концентрационное» правительство (с участием всех крупных парламентских партий) на период подготовки к выборам в конституционное собрание. Веснич возглавлял правительство с мая 1920 г. по январь 1921 г.

³ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 17.

и Пашич не принимали в расчет пожелания католического населения Королевства СХС. Как писал Слободан Йованович, «вместо протичевских девяти больших краев предусмотрено 35 областей с населением от 200 до 600 тысяч жителей. Внутреннее управление, в отличие от варианта Протича, не все находится в руках органов самоуправления, а... поделено между органами государственными и самоуправленческими»¹.

Среди других не столь явных, но не менее существенных причин поворота политики радикалов, в результате которого они, по выражению М. Дринковича, приняли «Демократическое евангелие», следует указать отсутствие доверия к другим участникам ПО, прежде всего к хорватам, которое было одним из проявлений многолетних противоречий Белграда и Загреба, изначально определявших ход развития югославской политической системы. Логика перерождения хорватских «умеренных» из национально-государственных унитаристов в «конфедералистов» во многом раскрывает суть этих противоречий.

В череде событий, знаменовавших размывание умеренной политической линии, отказ Народного и Югославянского клубов (ХО и СНП) накануне выборов в Уставотворную скупщину от своей прежней программы, основанной на принципах государственного и национального унитаризма, был одним из наиболее значимых. Еще в августе 1920 г. обе организации подписали так называемый Протокол соглашения, обусловливавший вхождение в состав правительства Веснича², согласно которому члены «концентрации» соглашались с тем, что кабинет подготовит единый конституционный проект. Радикалами и демократами этот шаг был воспринят как согласие хорватов и словенцев на осуществление «централистского государственного устройства»³. Однако через несколько месяцев, незадолго до выборов в конституционное собрание, из политического лексикона и ХО, и СНП исчезли такие слова, как «народное единство» и «трехименный народ». В своих обращениях к избирателям они стали выступать как сторонники «федерализма». В реальности их конституционные проекты были направлены на сохранение границ, отделявших до-

¹ *Йовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 36.

² Помимо Народного клуба в состав правительства входили НРП, ДП, СНП.

³ Адекватность подобного восприятия подтверждает тот факт, что, не желая подписывать Протокол, противник централизма Стоян Протич подал в отставку с поста «министра ответственного за созыв Уставотворной скупщины».

военную Сербию от югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии и, следовательно, дробивших сербский народ надвое¹.

По мнению М. Лагини со товарищи², страна должна была быть разделена на шесть частей: «1) Сербия со Старой Сербией и Македонией, 2) Хорватия, Славония и Далмация с Меджимурьем, Истрией и островами, 3) Черногория, 4) Босния и Герцеговина, 5) Воеводина (Бачка, Банат и Бараня), 6) Словения». Основной идеей проекта было максимальное ослабление центральной власти, которая ставилась в полную зависимость от областной администрации. «Законодательная власть поделена между государством и областями. Сфера общегосударственного законодательства ограничена четырнадцатью пунктами. Во всех остальных случаях законы издаются областями. В спорных случаях приоритет имеет областное законодательство». Местные власти «оказывают решающее влияние» и на работу центрального парламента и конституционного суда, «формально государственного органа», призванного решать споры о прерогативах центра и регионов.

И, наконец, «государство» утрачивало возможности следить за исполнением тех законов и осуществлением тех функций, которые находились в его компетенции. «Определенно сказано, что у него нет ни таможенной, ни налоговой администрации. Все это находится в ведении областей. Точно так же отсутствует и государственная полиция. Если бы государство имело на местах свои собственные органы, в них могли бы работать только „уроженцы этих областей“... государство не имеет никаких прав принудить области к исполнению государственных законов, если они отказываются это делать. Более того, без согласия областей государство не может никому назначить наказание за деятельность, направленную против конституции и властей». Центральное правительство почти полностью лишено финансовых ресурсов. «Если бы доходы государства были недостаточными, области должны были бы оказать ему помощь. Но выделение этой помощи зависит от доброй воли областных саборов»³.

Появление подобного проекта, вызвавшего однозначную реакцию у сербских политиков и поэтому не имевшего шансов быть принятым, свидетельствовало о том, что «умеренные хорваты» перестали быть конструк-

¹ *Matković H.* Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji // *Istorija XX veka. Zb radova. V.* Beograd, 1963. S. 60.

² Автором конституционного проекта Народного клуба был профессор загребского университета Л. Полич.

³ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 40–42.

тивной оппозицией политике централизации, осуществляемой, хоть и не последовательно, с момента создания Королевства СХС, и встали на путь антигосударственной деятельности и сепаратизма. По словам Л. Марковича, «эта программа ушла так далеко в разъединении нашего государства, что мы (радикалы. — А. С.) не могли себе объяснить, как вообще такую программу можно выносить на обсуждение Конституционного комитета. В том проекте говорится в первой статье, что Югославия неделимое государство, а затем сразу королевство разделяется на 6 государств... Принятие такого проекта конституции означало бы немедленный конец нашего государственного и народного единства»¹.

С парламентской трибуны М. Дринкович, осознав неуспех своей конституционной инициативы, от имени ХО «отказал Уставотворной скупшине в законности ее деятельности и в праве принимать конституцию для Хорватии и хорватского народа... А в случае, если такая конституция будет принята, заявляем, что она не будет иметь никакой правовой силы, как если бы она и не существовала»². В качестве члена Хорватского блока³ ХО вместе с Хорватской республиканской народной партией и Хорватской партией права (франковцами) участвовало в работе «альтернативного» белградскому «Хорватского народного представительства», которое провозгласило бойкот экономической политике Белграда (исполнение бюджета, внутренние, внешние займы) и приняло решение о самостоятельном вступлении Хорватии в Лигу наций.

Анализируя трансформацию позиции ХО и близких ему по духу деятелей, таких как А. Трумбич и Й. Смодлака, хорватские исследователи, как правило, приходят к выводу, что она свидетельствовала об их «эволюции», о достижении более высокой степени политической сознательности, о глубоком понимании национальных проблем Королевства СХС⁴. Х. Маткович писал: «Реальные политические обстоятельства, усугубление четко выраженного межнационального антагонизма, растущие антипатии хорватских избирателей осуществляли сильное давление на бур-

¹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XVIII редовни састанак. С. 14; См. также: *Marković L. Odgovor na kritike Ustavnog nacrtu // Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929):* Београд, 1991. С. 185.

² Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXIX редовни састанак. С. 15.

³ Хорватский блок был сформирован в августе 1921 г. Распался в 1923 г. накануне вторых, после 1920 г., выборов в скупшину Королевства СХС.

⁴ *Banaš I. Op. cit. S. 289.*

жуазную интеллигенцию Хорватии, которая постепенно освобождалась от романтических представлений о племенах одного единого народа»¹.

Согласимся с мнением Х. Матковича, что переход «умеренных» хорватских политиков на «конфедералистские» позиции следует рассматривать и как один из итогов переходного периода, и как следствие их субъективных черт, в которых нашло отражение общее состояние хорватского общества после Первой мировой войны. В то же время вызывает возражение утверждение, будто произведенная «трезвыми хорватами» перемена ориентации была каким-то образом сродни пробуждению ото сна. Во-первых, после Объединения принципы «народного единства» во все не были атрибутами политика-романтика, а входили в арсенал каждого более или менее прагматичного, независимо от этнической принадлежности, деятеля, признавшего легитимность образования Королевства СХС и стремившегося занять достойное положение во властной иерархии нового государства. Во-вторых, тот факт, что смещение влево повлекло за собой полную утрату Хорватским объединением политической самостоятельности, свидетельствует не о его «эволюции», а, скорее, о деградации — вплоть до установления диктатуры короля Александра «буржуазная интеллигенция» с ее особыми интересами оставалась заложником непредсказуемой политики крестьянского вождя — С. Радича.

Переориентация ХО последовала как реакция на кризис его взаимоотношений с сербским политическим руководством. По мнению большинства хорватских политиков, не ставших, подобно А. Трумбичу, непримиримыми противниками «белградских правителей», вина за этот кризис лежит на руководстве Радикальной партии, отказавшейся от проводимой С. Протичем линии компромисса и «соглашения» с хорватами, от своих взглядов на «сербско-хорватский национальный вопрос» и вступившей на путь жестко централистской «Видовданской политики». По мнению Й. Смодлаки², принимавшего участие в событиях конца 1918 г., и М. Дринковича, вышедшего из Объединения после его перехода на «федералистские» позиции, глава НРП, «твердый консерватор» Никола Пашич «слишком долго стоял во главе Сербии, слишком долго на том берегу Савы видел только Австрию и был слишком стар, чтобы изменить свои мысли и чувства, как того требовали новые обстоятельства»³.

Впрочем, некоторые из бывших лидеров Хорватского объединения не столь односторонне смотрели на прекращение сотрудничества с офици-

¹ *Matković H.* Hrvatska zajednica... S. 60.

² *Smolaka J.* Op. cit. S. 68.

³ *Drinković M.* Op. cit. S. 17, 69.

альным Белградом. Джура Шурмин считал ошибочным отречение ХО от своей программы и признание С. Радича, деятельность которого «наносит вред хорватскому делу», «главным представителем хорватского народа»¹. «В Белграде не требуют ничего кроме признания монархии и государства, а обо всем другом можно было бы договориться».

Было очевидно, что характерные черты хорватских умеренных изначально отягощали их отношения с сербскими партнерами. К таковым в первую очередь относится ограниченный политический кругозор, сформировавшийся в узких рамках «квазиавтономии»² в границах Австро-Венгрии. Поэтому, по мнению обозревателя «Новой Европы» Ивана Херцога, «пречанство» не могло дать Югославии «умов, способных к созидательной организационной деятельности»³. Того же мнения придерживался и публицист Йосип Хорват: «Пречанских политиков можно было отчасти сравнить с работниками одного большого предприятия, на котором они приобрели знания и навыки только в отдельных областях государственного управления, в то время как политики из Сербии были на руководящих постах маленького, но зато своего собственного предприятия»⁴.

Невежество «хорватской интеллигенции, из которой вышел руководящий политический слой 1914–1919 гг.», в вопросах государственной деятельности было предопределено системой Хорватско-венгерского соглашения 1868 г., в соответствии с которой все наиболее важные решения, касавшиеся судьбы Хорватии, «находились вне компетенции местных деятелей» и принимались в Будапеште. В результате политический взлет «местечковых» лидеров до министерских постов в Загребе и Белграде в конце 1918 – начале 1919 г. был сродни назначению подсобных рабочих на руководящие должности в крупной компании. Соответствующим был и уровень представлений руководителей ХО о насущных проблемах страны. Свидетельством служат воспоминания Й. Хорвата о том, как создавалось Хорватское объединение: «Разговоры были бесконечными, как болтовня в кафане. Дискуссии по поводу будущей Конституции и внутреннего государственного устройства напоминали обсуждение какого-то семинара по истории и были абстрактными и бесцельными.

¹ Цит. по: *Matković H. Hrvatska zajednica...* S. 108.

² *Tomasevich Jozo. Peasants, politics and economic change in Yugoslavia.* Stanford, London. 1955. P. 233.

³ *Hercog I. Patološka politika (Politički pregled) // NE. Knjiga III, broj 10, s. 312. 11 Novembra 1921.*

⁴ *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 142.*

Государственно-правовые понятия были ясны далеко не всем¹. В этом плане показателен документ, названный «Пунктации Народного клуба» и датированный 31 августа 1919 г., в котором депутаты ХО во Временном народном представительстве условием своего вхождения в кабинет называют принятие ряда мер, направленных на улучшение ситуации в «пречанских» регионах, где наблюдались все пагубные последствия войны.

«1. В Хорватии и Славонии, в Боснии и Герцеговине *незамедлительно* (курсив мой. — А. С.) произвести видимые перемены к лучшему. Для этого произвести персональные изменения во всех органах общественной администрации...

5. Упразднить *без колебаний* все так называемые военные области (военные округа) внутри границ Королевства, если их существование в соответствии с обоснованием военных властей не будет признано необходимым для обороны нашей страны от внешних неприятелей... (Подразумевался, разумеется, вывод сербских войск с территории Хорватии и упразднение элементов военной администрации. По мнению деятелей ХО, были какие-то области Королевства СХС, которым в 1919 г. не угрожала опасность вовлечения в возможные конфликты с враждебно настроенными сопредельными государствами. — А. С.)

7. Совместными усилиями *партий* увеличить обороноспособность всего Королевства...»².

Наиболее выпукло слабости «пречан» проявились в их контактах с сербскими партнерами в ходе войны и в первое послевоенное время. Руководители эмигрантских общественно-культурных организаций, деятели хорватских формально автономных органов внутри страны преподносили себя как лиц, по словам А. Трумбича, «ответственных перед народом» — перед всей югославянами Австро-Венгрии³. По словам Й. Смодлаки, во время войны существовало «три самых главных народных организации», занимавшихся объединением южных славян: две «пречанских» и только одна сербская. К первым относятся «хорватский» Югославянский комитет и «словенский» Югославянский клуб, — национальное объединение депутатов парламента Австрии (!). Единственной сербской «организацией» было правительство Королевства Сербия⁴. Притязания на представи-

¹ *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata)*. Zagreb, 1984. S. 222–227.

² Цит. по: *Matković H. Hrvatska zajednica...* S. 39.

³ Цит. по: *Čulinović F. Jugoslavija između dva rata*. I. Zagreb, 1961. S. 155.

⁴ *Смодлака Ј.* Состав прве југословенске владе (Децембар, 1918.) // Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 338.

тельство «областей, в два раза больших Сербии», во взаимоотношениях сначала Югославянского комитета, а позднее Хорватского объединения и близких к нему политиков с сербским правительством принимали форму высокомерия и пренебрежения к его роли в процессе Объединения и строительства Королевства СХС. Как говорил в начале 20-х гг. редактор «Новой Европы» Милан Чурчин от имени югославянской настроенной загребской интеллигенции, «...этому, в самом деле, жалкому сербскому, а теперь югославскому правительству (во главе с Н. Пашичем. — А. С.) мы... ничем решительно не обязаны...»¹.

В отечественной исторической литературе получила подробное описание борьба Анте Трумбича с Н. Пашичем за признание его организации «в качестве политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству»². Впрочем, равноправие дело не ограничивалось. Программой-максимум политэмигрантов было лишение Сербии, в пользу Хорватии, роли «югославянского Пьемонта». Значительные умственные усилия были затрачены на доказательство того, что «в югославянской проблеме хорватский вопрос играет главную роль»³. Свидетельством приоритетной «значимости Хорватии в контексте общегославянской проблемы» служило и ее мнимое «срединное географическое положение» (по отношению к другим югославянским землям), и роль Загреба в качестве культурной столицы югославян Австро-Венгрии. «Если Хорватия станет центром собирания югославян, — мечтал Трумбич, — то все остальные югославянские земли будут идти в ее фарватере». Для Сербии это означало ликвидацию ее государственности, или, по образному выражению одного из авторов «Новой Европы», «разрушение старого сербского дома и создания нового югославянского, более просторного, удобного, здорового».

Амбициозные планы «пречанских» «геополитиков», не способных что-либо противопоставить военному и дипломатическому авторитету сербского правительства, остались без осуществления. «Господин Пашич добился сохранения здания предвоенной Сербии и достройки двух крыльев — хорватского и словенского». «Хотя договоренности на Корфу, в Париже, в Женеве служили залогом построения югославского здания, победила великосербская тенденция. Не получилось пожертвовать...

¹ Društveni pregled // NE. Knj-10, br. 2, s. 53. 11. Jul 1924.

² Шемякин А. Л. Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1997. С. 365.

³ Naknadni memoar Jugoslovenskoga odbora predan francuskoj vladi. Paris, 13. marta 1916 // Šišić F. Op. cit. S. 54–55.

сербской хижиной. Так мы получили не заново основанное государство, а увеличенное старое...»¹

Тем не менее временные неудачи не смогли умерить стремления хорватов занять «подобающее» место в политической иерархии новой страны. Перу М. Чурчина, близкого по взглядам Хорватскому объединению, принадлежит подтвержденная практикой реконструкция размышлений «хорватов-югославов»: «Может быть, сербы сильнее физически, как воины, но при строительстве современного европейского государства не все решает физическая сила... Культурно отсталым сербам следует идти за нами, хорватами. Это им сейчас, после победы в войне, когда они опьянены своей физической силой, так легко не докажешь... Мы должны, опираясь на западную культуру, придать этому государству черты нашей цивилизации»². Активность подобных усилий осенью 1920 г. оценивал российский военно-морской агент в Королевстве СХС капитан второго ранга Апрелев: «Белград как столица, конечно, является центром политики, однако культурное влияние Загреба начинает сказываться все больше. Мне даже кажется, что вообще можно сказать, что политика в широком смысле этого слова все больше начинает здесь делаться людьми и прессой новых земель и сама страна все больше теряет специфический сербский облик и принимает совершенно новый характер. ...дух старой Сербии все больше вытесняется и заменяется новым духом Королевства СХС, отчасти напоминающим прежнюю Австрию...»³

Политическая практика первых месяцев переходного периода явила продолжение борьбы хорватских деятелей с главным, по их мнению, конкурентом — Радикальной партией, которая воплощала все отрицательные черты «великосербской» политики. В устранении «сербянцев», в первую очередь радикалов, с главных государственных постов — в этом, по мнению Й. Смодлаки, «основа» будущего благополучия государства, гарантия от «неограниченной власти Пашича и вообще гегемонии Сербии». Заложить эту «основу» делегация Народного Вече СХС и подававший ей из Франции советы А. Трумбич попытались уже при формировании первого югославского правительства.

«Представители пречан, желавшие, чтобы в нашем первом правительстве были представлены все части нашего народа „в справедливой

¹ *Mitković Dr. Naš politički život* // NE. Knj. 6, br. 2, s. 46. 11 Septembra 1922.

² *С. Три концепције jugoslovenstva* // NE. Knj. 10, br. 2, s. 35. 11 jula 1924. М. Чурчин к сторонникам этой «концепции югославянства» причислял А. Трумбича и лидера ХО Ивана Лорковича.

³ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 89, л. 147.

пропорции“, не могли согласиться на то, чтобы представители Сербии получили половину всех портфелей, включая наиболее важные...»¹ Высшие соображения не позволяли допустить выхода из Сербии до управления внутренними и внешними делами: «В таких значительных вопросах, от которых зависит счастье, а может быть, и судьба государства, не разбирается ни один сербиянец». Смодлаке вторил метивший в дипломаты А. Трумбич: «Если бы министр иностранных дел был из Сербии, могло бы случиться так, что наше государство не было бы признано, и поэтому наш неосвобожденный народ и дальше остался бы в бесправном положении»². В результате «министром полиции» стал С. Прибичевич, которому предназначалось служить «мостом между сербами и хорватами», доверие которых он заслужил своей прежней деятельностью. Необходимость назначения А. Трумбича на пост министра иностранных дел, несмотря на его прошлый конфликт с Н. Пашичем, состояла в «предоставлении народу и зарубежью доказательств нашей народной солидарности и политической зрелости»³. Назначить А. Корошеца заместителем премьера нужно было только потому, что он стоял во главе одной из «народных организаций».

Сколь ущербной была логика подобных назначений, столь плачевными были их последствия. Показательна безуспешность дипломатической карьеры А. Трумбича. Уступка ряда южнославянских регионов Италии стала предметом яростной критики, которой первый министр иностранных дел подвергся со стороны и сербов, и хорватов. Деятель Радикальной партии М. Стоядинович обвинял А. Трумбича в нарушении единоначалия в работе югославской делегации на Парижской мирной конференции: «Руководствуясь исключительно хорватским национализмом, Трумбич, например, настаивал на принадлежности Риеки нам, в то время как Пашич вместо этого хотел получить Скадар, так как предвидел, что так будет легче договориться с Италией: требовать Скадар, уступить Риеку. Результатом тактики Трумбича было то, что мы в конце концов потеряли и то и другое»⁴. В свою очередь, в 1925 г. племянник председателя ХКП

¹ Смодлака Ј. Састав прве југословенске владе... С. 341–342. Изначальное предложение сербских партий состояло в том, чтобы за ними оставить все уже существовавшие до создания Королевства СХС министерства. Для «пречан» предполагалось образовать несколько новых ведомств.

² Цит. по: Čulinović F. Op. cit. S. 155.

³ Смодлака Ј. Састав прве југословенске владе... С. 338.

⁴ Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 143.

П. Радич заявил, что Трумбич «действовал за границей, не получив соответствующих полномочий от хорватского народа, и продал хорватов»¹.

Нам с высоты времени более вероятной причиной неудач Трумбича-министра кажется не его злонамеренность, а то, что «вступая, — по словам М. Белаяца, — как высокопоставленный политик, в международные отношения, он не обладал необходимыми для государственного деятеля знаниями, которые дает либо образование, либо многолетняя практика»². В подтверждение слов современного сербского историка приведем мнение о Трумбиче его друга и соратника по Югославянскому комитету Ивана Мештровича: «Он не был человеком, знавшим толк в хорошей книге. Вообще мало читал и писал»³.

Особые надежды в Загребе связывали с деятельностью С. Прибичевича на посту руководителя МВД. С энтузиазмом было встречено начало его противостояния с НРП, совпавшее с образованием Демократической партии. Председатель Старчевичевской партии права Анте Павелич объединение группы Прибичевича с сербской оппозицией даже назвал «крахом централизма». Однако первый министр внутренних дел стал не хорватским агентом в Белграде, а, наоборот, — проводником жесткой централизаторской политики Александра Карагеоргиевича. Й. Смодлака недоумевал: «Как только он пришел к власти в Белграде, стал проводить политику, совершенно противоположную той, которую мы от него ожидали. Когда мы навязали его сербиянцам в качестве министра внутренних дел, никак нельзя было предвидеть, что он в Белграде будет настолько отличаться от того, кем он был в Загребе»⁴. Схожим образом повел себя и А. Корошец, который как католик и давно известный хорватам политик должен был быть им удобен. Однако его способность договариваться с сербскими политиками и династией, умение играть на сербохорватских противоречиях сделали его в глазах хорватов едва ли не самым главным источником всех их бед⁵.

Таким образом, первые же послевоенные месяцы показали хорватским политикам бесосновательность их властных амбиций, реализации которых воспрепятствовало не столько нежелание сербского руководства уступить

¹ Цит. по: *Matković H.* Hrvatska Zajednica... S. 127.

² *Bjelajac M.* Vojni činici kao dio okolnosti u vrijeme ministროvanja Dr. Ante Trumbića 1918–1920 // *Život i djelo Ante Trumbića*. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991. S. 111.

³ *Meštrović I.* Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 194.

⁴ *Смодлака J.* Состав прве југословенске владе... С. 341.

⁵ *Drinković M.* Op. cit. S. 66.

им свои позиции, сколько политический дилетантизм, выразившийся в полном отсутствии мало-мальски внятных рецептов решения многочисленных проблем Королевства СХС и, в частности, своей «домовины».

Ошибочное представление «пречанских» деятелей о собственном статусе и возможностях, особенно в сравнении с авторитетом легитимного сербского руководства, указывало на непонимание условий, при которых политические организации могут претендовать на демократическое, законное представительство народных масс. Позднее низкий уровень политической культуры словенцев и хорватов проявился во время обсуждения конституционных проектов, предлагаемых фракциями Уставотворной скупщины. Народный и Югославянский клубы, заявлявшие наперебой о своей приверженности ценностям западной демократии и парламентаризма и в то же время не способные освободиться от пережитков средневекового сознания, будущий парламент Королевства СХС видели двухпалатным. Помимо «скупщины политической» в его состав входила бы и «социально-экономическая» — представительство «сословий и корпораций»¹.

Поражения представителей загребской буржуазной интеллигенции на внутреннем и внешнеполитическом фронтах ускорили утрату ими роли самопровозглашенных эксклюзивных делегатов от Хорватии, которую друг у друга стали оспаривать прибивчивые ультрацентралисты демократы и сепаратисты радичевцы. В этих условиях хорватские «умеренные» потеряли и волю, и заинтересованность в том, чтобы проявлять организационную и идеологическую стойкость. В частности, Хорватское объединение раскололось на немногочисленных сторонников продолжения конструктивного диалога с официальным Белградом, главным образом с королем Александром, и на тех, кто перешел в лагерь сепаратистов, вступив в Хорватский блок.

Идеологическая эволюция А. Трумбича демонстрирует, как по мере утраты своего политического веса «трезвые хорваты» приспосабливаются к конъюнктуре общественных настроений:

— Во время войны, по словам деятеля ДП Ивана Рибара, «первым из хорватов открыто высказывавшийся за создание унитарного государства» глава Югославянского комитета в точности, как и его главный «конкурент» Никола Пашич, «априори отвергал федеративное устройство Югославии» из-за невозможности провести разграничительную линию между населяющими ее «племенами»².

¹ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 44.

² *Ribar I.* Iz moje političke suradnje (1901-1963). Zagreb, 1965. S. 10.

— В декабре 1918 г. Трумбич провозглашал: «Для меня существует только одна директива — одно государство, основанное на демократических принципах свободы и равноправия. Это наша аксиома. С этой позиции нужно бороться со всеми тенденциями, ведущими к племенному партикуляризму. Наше единство должно стать синтезом народной целостности, в котором должны слиться все народные достижения и особенности... Мы — народ, у которого три имени, три веры, три знамени, но независимо от этого нас не трое, так как ни имя, ни вера, ни знамя это не народ. Народ — это душа, а она у нас одна»¹.

— В Уставотворной скупщине политик заявлял: «Между сербами и хорватами не существует племенных различий. Существуют различия психологические, уходящие корнями в наше прошлое. Если так, то перед нами встает задача-императив. Для утверждения нашего национального и государственного единства нужно так организовать нашу жизнь, чтобы эти различия исчезли. Воспитание нашего народа должно привести в будущем к его полной духовной унификации». В целях последней предлагалось отказаться от упоминания трех племен в названии государства: «Сегодня, когда наш народ воспринял государственную идею, тезис, что политическая индивидуальность нашего государства происходит от Сербии, Хорватии и Словении, является анахронизмом»².

— К июню 1921 г. от подобного югославистского пафоса не осталось и следа. В Видовданской конституции, воплотившей принципы унитаризма, Трумбич видел только угрозу «административного расчленения Хорватии»³.

— В середине 1920-х гг. после так называемой «капитуляции» С. Радича Трумбич, уже не монархист, а республиканец, претендует на то, чтобы определять направление «семилетней (!) борьбы хорватского народа (курсив мой. — А.С.) за такое государственное устройство, согласно которому хорваты будут иметь собственную законодательную и исполнительную власть — свои Сабор и правительство, от которых хорватский народ никогда не отрекался»⁴.

— Позднее невозможность достижения поставленной цели заставляет политика констатировать, что в Югославии хорваты находятся на положении «райи», что их «достоинство и национальная честь унижены

¹ Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 147.

² Цит. по: *Smith Pavelić A. Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa*. Munchen, 1959. S. 281, 285.

³ *Horvat J. Op. cit.* S. 209.

⁴ Цит. по: *Matković H. Hrvatska zajednica...* S. 129.

и оскорблены. В своем доме не имеют никаких прав, только тяжелые и непомерные обязанности»¹. С Трумбичем был солидарен второй после М. Лагини председатель ХО И. Лоркович: «Хорваты остались без отечества... Ввиду того, что уничтожение Хорватии дело рук всех сербов, без исключения, ибо они хотят, чтобы все сегодняшнее государство было сербским, мы, хорваты, должны объяснять нашему народу, что он должен требовать создания своего самостоятельного хорватского государства»².

Произошедшую с Трумбичем метаморфозу нельзя признать адекватной реакцией на политику «белградских правителей». Заслуживавшая порицания по причине своей неэффективности, она тем не менее не могла в столь короткий срок спровоцировать отречение от идей, некогда столь рьяно проповедуемых. В его основе — несбывшиеся ожидания от объединения Хорватии с Сербией. Большая часть хорватских политиков готова была сохранять лояльность в отношении официальной идеологии и государственной власти Королевства СХС только до тех пор, пока занимала в ней ведущие позиции. Во время войны и в первое время после нее приверженность национальному унитаризму предоставляла удобную возможность критики главного конкурента, которого всегда можно было обвинить в «великосербском» уклонизме.

Югославизм как идеология, положенная в основание Королевства СХС, в силу различий его понимания в Загребе и Белграде скорее разделял, чем сплачивал участников объединительного процесса. И до, и во время Первой мировой войны военные и дипломатические завоевания Сербии многими хорватскими политиками с репутацией «югославян» воспринимались с плохо скрываемым раздражением. В частности, уже упомянутый И. Лоркович — «хорват по рождению и югослав по убеждениям», как его охарактеризовал М. Чурчин, — после битвы под Куманово ни много ни мало «испугался, как бы победа не ударила сербам в голову и, вследствие этого, как бы не нарушилось внутреннее равновесие между сербами и хорватами во вред последним. Испугался и имел для этого основания, и если тогда не нарушилось это равновесие... то это, очевидно, произошло после мировой войны. В душе Лорковича проявился позитивный, здоровый инстинкт, когда он дрожал от мысли, что опьяненные победой сербы могут обойти хорватов и тем самым подорвать основу единства»³.

¹ Elaborat o hrvatskom pitanju // Trumbić A. Izabrani spisi. Split, 1986. S. 339.

² Цит. по: Matković H. Hrvatska zajednica... S. 120.

³ Čurčin M. Smrt Ivana Lorkovića (tragedija hrvatske inteligencije) // NE. Knj. 13, br. 5, s.132. 11 Marta. 1926.

С течением времени «эсхатологические» предчувствия усиливались. Соотечественник Лорковича Иван Рибар вспоминал: «Он еще в 1917 г. говорил, что ему внушает страх тот час, когда Королевство Сербия со своими союзниками выиграет войну»¹. Немудрено, что, не выдержав соперничества и с более удачливыми и последовательными «пророками» «народного единства», и с теми, кто вовремя определил истинные настроения широких масс хорватского народа, загребские «люди политики» не замедлили освободиться от балласта прежних убеждений и «броситься в объятия» Степана Радича.

С лидером ХРКП и его товарищами по Хорватскому блоку франковцами уважаемых руководителей ХО объединяли антипатия и соперничество с Белградом, которые оказались гораздо более действенной политической мотивацией по сравнению с формальной идейной общностью с бывшими сербскими партнерами. Как пишет Д. Станкович, в конце 1918 г. большая часть хорватских политиков — от Хорватского комитета «экзальтированных франковцев», основанного в Граце, и Степана Радича со товарищи до будущих членов Хорватского объединения — участвовала в движении «хорватских габсбургских легитимистов», после поражения Австро-Венгрии поставивших перед собой цель «сопротивления любой ценой «югославянской идее и политике», «подрыва репутации Сербии как победителя в войне», «укрепления хорватского государственного права и хорватства» и в конце концов создания «независимой Хорватии»².

Стремительный переход «трезвых хорватов» в непримиримую оппозицию Белграду сербские политики объясняли несколькими факторами, наличие которых определяло умонастроения «освобожденных братьев» в целом. Среди них — «априорно враждебное отношение к власти»³. Ранее хорваты занимали «антигосударственную позицию по отношению к венграм, а теперь по отношению к своему собственному государству». Как пишет И. Мештрович в своих воспоминаниях, к которым как к источнику нужно относиться с известной долей осторожности, за полгода до подписания Корфской декларации Божидар Маркович, соратник Л. Давидо-

¹ Цит. по: *Matković H.* Hrvatska zajednica... S. 13.

² *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. 1918–1923. Београд, 1995. С. 27–29.

³ *Прибићевић А.* Сельачки немири у Хрватској // Српски књижевни гласник. (СКГ. — А. С.) Књига 1. Број 3. С. 205–208. Београд. Септембар-Децембар 1920.

вича, в частной доверительной беседе так описал известному скульптору суть необходимых мер, которые Белград, по его мнению, должен будет предпринять в отношении Хорватии: «На первые десять лет в этих областях необходимо ввести военную диктатуру... Пока хорваты не ассимилируются и не научатся государственной жизни. Вы, хорваты, не знаете, что такое государство»¹.

Эта «родовая травма» «пречан» была усугублена военной катастрофой, похоронившей Австро-венгерскую монархию и вызвавшей во всех ее пределах тяжелейший социально-экономический кризис, в своих проявлениях стандартный для большинства понесших поражение в Первой мировой войне стран. В первые годы существования Королевства СХС сербские политические обозреватели и общественные деятели, свободные, в отличие от партийных функционеров, от необходимости соблюдать политес, открыто говорили о «больной психике», «нарушении моральных устоев»² хорватского общества, проявившемся в широком распространении «антимилитаристских», коммунистических, анархических, атеистических идей.

«Левизна» хорватских высших социальных слоев в полной мере стала очевидной при создании Хорватского блока. Однако уже в переходный период она проявлялась сквозь респектабельную оболочку монархизма и унитаризма загребской проюгославянской буржуазной интеллигенции. Показательна ее открытая и столь претившая настроенным правомонархически сербам симпатия к Советской России и, соответственно, неприязнь в отношении русских беженцев, принятых Белградом³. Так, и первый председатель Хорватского объединения М. Лагиня, и А. Трумбич, и «Новая Европа» едва ли не главной задачей внешней политики Югославии провозглашали установление дипломатических отношений с большевиками. В 1924 г. М. Чурчин писал: «Как приверженцы рабочего (и крестьянского) трудового фронта против паразитической капиталистической системы эксплуатации и унижения человеческого достоинства мы приветствуем руководителей сегодняшней России. Мы им желаем успеха на их пути мирного проникновения в народные массы...»⁴

Характеристику хорватской политической и военной элиты, влившейся в ряды государственного руководства Королевства СХС, дает вышеупомянутый кавторанг Апрелев в своей докладной записке начальству, дати-

¹ Цит. по: *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje*. Zagreb, 1969. S. 62

² *Десница У. Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. VI . Бр. 2. С. 118–119; 2–16 мај 1922; Прибићевић А. Указ. соч. С. 205–208.*

³ *С. Ruski emigranti // NE. Књ. 12, br. 6, 21 avg. 1925. S. 163.*

⁴ *NE. Књ. 9, br. 13, s. 386. 1 Маја. 1924.*

рованной 9 ноября 1920 г. Имея возможность общаться главным образом с югославскими военными моряками, которые, по понятным причинам, все были хорватами и словенцами, он пишет: «Не говоря о молодых офицерах, которые с энтузиазмом хотели видеть в Тухачевском «Наполеона» и, может быть, будущего «императора всех славян», а в Буденном — «современного Мюрата», я к удивлению моему услышал от самого начальника морского отделения контр-адмирала Кох и его помощника контр-адмирала Викаргаузера, что как ни ужасен большевизм, но кто знает, может быть, пройдя через него, Россия уже претворилась во что-то новое и несет теперь именно то, о чем все славяне мечтают: объединение всех славян и освобождение их от хищников мирового капитала».

Особый интерес представляет анализ умонастроений в «пречанских» областях и, в частности, первого югославского министра иностранных дел. «Он... отражая общее в то время мнение новых земель Югославии, определенно высказался, что сближение с большевиками для Югославии желательно не только в экономическом смысле (для чего он вступил в сношение с Красиным), но и в решении Адриатического вопроса. Это мнение в период наступления большевиков на Варшаву поддерживалось здешней прессой, особенно хорватской и словенской»¹.

Более весомой причиной кризиса взаимоотношений хорватских «умеренных» с официальным Белградом, по сравнению с их «детскими болезнями» — политическим инфантилизмом и «левым уклонизмом», была так называемая «австриянищина», выражавшаяся в высокомерии и двурушничестве. Сербы считали ее недугом всего хорватского общества, находившегося под воздействием австро-венгерской пропаганды, направленной на углубление национально-религиозных противоречий между сербами и хорватами, в расчете на военное рвение последних сулившей им создание «максимально автономной Великой Хорватии в границах Монархии»². По словам Анте Тресича-Павичича, депутата венского парламента, арестованного в 1914 г. за свою просербскую позицию, а после войны ставшего послом Королевства СХС в США, «Загреб всегда мечтал о том, чтобы стать столицей южных славян в Триалистической монархии, радовался безумным обещаниям и до последнего момента во сне не мог себе представить, что произойдет то, что произошло»³.

¹ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 89, лл. 145–146.

² *Иванчевић Д. Г.* Стјепан Радић и његова «Миротворна република» // СКГ. Књ. 10. Бр. 6. С. 525–534. 16 новембра 1923; бр. 8. С. 603–607. 16 децембра 1923.

³ *Тресич-Павичић А.* Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. 7. Бр 2. С. 129–134. 16 Септембра. 1922.

И деятели Югославянского комитета во главе с А. Трумбичем, и «крестьяне-республиканцы», и загребские «буржуазные интеллигенты» для большей части сербских политиков были «одним миром мазаны». Все они считались настроенными враждебно по отношению к сербам и к новому государству, воплотившему их чаяния. Эта точка зрения объединяла и ярых унитаристов — адептов С. Прибичевича, — и радикалов, и их оппонентов — толерантных деятелей сербской Республиканской партии. Ее лидер Любомир Стоянович констатировал: «Венская печать выставила нас грубым и некультурным народом... В то время как во всем мире представление о нас изменилось, хорваты продолжают смотреть на нас так, как их научила Австрия. Простой католический мир видит в нас только «схизматиков», жалеет о гибели католической Австрии и не может смириться с тем, что «схизматики» обладают равными с ним правами... А хорватская интеллигенция страдает от мегаломании. Они только себя считают европейцами и западниками, а мы — «балканцы», нуждающиеся в окультуривании и просвещении...»¹

Проявлением «австриянкины» сербы считали внезапный отказ Хорватского объединения от идеалов «народного единства» и требование сохранения «исторических границ областей». Как красная тряпка на быка действовали на большинство сербских политиков, посвятивших жизнь делу собирания сербского народа, ссылки бывших верных подданных Монархии на свое «государственное историческое право». По словам Н. Пашича, «Сербия вела войну под знаменем освобождения и объединения нашего трехименного народа. Она вела ее против всех навязанных нашему народу исторических прав, которые противоречили праву свободного народного самоопределения и согласно которым в духе габсбургско-венгерской политики создавались разные провинции и совершались переделы»².

Таким образом, «сербиянцам», интересы большей части которых представляла Радикальная партия, тяжело было себе представить, что при определении внутреннего облика страны возможно достижение согласия с теми, кто «был воспитан в духе ненависти по отношению к Сербии и вообще по отношению к сербской части нашего народа»³. Любые

¹ Стојановић Љ. Хрватска «аустријанштина» // СКГ. Књ. 17. Бр. 5. С. 360–361. 1 март 1926.

² Писмо Николе Пашића председнику владе Миленку Веснићу од 18. јуна 1920. године // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 407.

³ Пашић Никола П. Радикалима и радикалним организацијама // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 424.

мало-мальские уступки грозили девальвацией давшихся дорогой ценой завоеваний¹.

Подобная позиция была несовместима с принципами «компромиссной» политики, которые исповедовал Стоян Протич, к моменту созыва конституционного собрания оставивший ряды НРП. Невзирая на пороки современной «пречанской» политической элиты, Ђн считал необходимым, прежде всего для реализации интересов сербов, создание такой системы их взаимоотношений с «освобожденными братьями», при которой тем предоставлялась ограниченная суверенитетом центральной власти возможность реализации собственных национальных амбиций. Однако белградскому политическому бомонду гораздо больше импонировала мысль Н. Пашича о недопустимости разделения ответственности за будущее страны с «черно-желтыми».

В Белграде накануне созыва Уставотворной скупщины и во время ее работы радикалы неоднократно предупреждали хорватских и словенских депутатов, что предлагаемые ими сценарии развития Королевства СХС обречены на провал.

Никола Пашич: «Считаю, что делить сербов на несколько областей только для того, чтобы облегчить создание Хорватии и Словении, было бы несправедливо по отношению к нашему народу, которой приложил все усилия для объединения сербов, который воевал в том числе и для того, чтобы освободить своих братьев хорватов и словенцев...»²

Велизар Янкович: «Мы не хотим, как нам предлагают Радич, доктор Коросец, доктор Дринкович и доктор Шурмин, чтобы вышло так, что сербы оказались бы в некоей сербской провинции, хорваты в хорватской, словенцы в словенской, а черногорцы в Черногории. Еще меньше нам нравится то, что хочет господин др. Смодлака, предлагающий даже ампутировать от Сербии Македонию. Подобные рекомендации мы категорично отвергаем, потому что они очень похожи на австрийские и болгарские схемы, по которым резали тело нашего народа».

¹ Упомянутый Л. Стоянович, обличая хорватских политических деятелей, говорил, что «они жестоко заблуждаются, будто мы когда-нибудь допустим, чтобы государством управляли те, кто больше восьмисот лет назад «заключил договор» с венграми, а позднее с австрийцами, кто отказался от управления собственной страной... Неужели вы, отдавшие свое древнее государство в чужие руки, хотите обустроивать и это новое, которое и нам принадлежит!? Нет, братья хорваты, этого быть не может». (*Стојановић Љ.* Хрватска «аустријанштина»... С. 360–361).

² Письмо Николе Пашића председнику владе Миленку Веснићу од 18. јуна 1920. године // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 408.

М. Спалайкович: «Мы, сербы, после этой великой войны никогда не согласились бы больше на то, что хотя бы один серб был бы не под сербской властью, а оставался под какой-либо другой, даже под властью братьев хорватов. Поэтому, если бы мы проводили границы, они должны были бы протянуться так, чтобы охватить всех сербов, даже и в тех областях, где они составляют меньшинство»¹.

Централистское устройство страны считалось панацеей от всех угроз единству «сербства». Поэтому приоритетной задачей было принятие любой ценой конституции, впоследствии названной Видовданской, а вовсе не следование принципам парламентаризма, уставным нормам и соблюдение собственных обязательств, тем более взятых перед «пречанами». Голоса поддержавших правительственный проект конституции депутатов от Югославской мусульманской организации и Джемиета были оплачены денежными компенсациями феодалам-мусульманам при проведении аграрной реформы. Кроме того, НРП дезавуировала содержавшееся и в Корфской декларации, и в партийной программе от октября 1920 г. положение о принятии конституции квалифицированным большинством.

Завершение переходного периода ознаменовано политическим кризисом. Принятие конституции, во время войны и в первое послевоенное время рассматриваемое как торжественный финальный акт «братского» воссоединения, продемонстрировало антагонистические противоречия сербских и «пречанских» политиков.

С первых дней существования Королевства СХС вопрос его будущего национально-территориального и политического устройства приобрел особую остроту. В Белграде стремились к стиранию внутренних рубежей, отделявших «сербиянцев» от «сербов-пречан». В то время как в Загребе и Любляне в сохранении сербско-австро-венгерской границы, разумеется, в ином виде, видели гарантию беспрепятственного национального развития. При этом нельзя сказать, чтобы сербские, хорватские и словенские партии с самого начала имели четкое представление о внутреннем облике, который должна была приобрести Югославия в результате их совместных усилий.

С конца 1918 г. организации с ярко выраженными «племенными» чертами — Радикальная партия, Югославянский клуб (Словенская народная

¹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXI редовни састанак. С. 5; XXVIII редовни састанак. С. 10.

партия), будущее Хорватское объединение — подверглись жесткому внепарламентскому давлению со стороны двора и созданной по инициативе регента Александра Демократической партии, претендовавшей на роль единственного пророка учения о «народном единстве». Общая угроза быть вытесненными с политической арены стала основой коалиции трех вышеперечисленных организаций, сформировавших Парламентское объединение.

Публично продемонстрированное единство мнений союзников по поводу принципов взаимоотношений государственного центра и регионов, казалось, открывало перспективу «конституционного решения национального вопроса»¹. Однако ко времени выборов в Уставотворную скупщину от согласия не осталось и следа. Конституционные проекты Хорватского объединения и Словенской народной партии рисовали картину не единого государства и даже не «союзного государства», а аморфного объединения «малых государств»². Положение совместного проекта радикалов и демократов о разделении страны на 35 областей свидетельствовало об их решимости не принимать в расчет мнение хорватов и словенцев.

Прекращение сотрудничества НРП и представителей югославянокатоликов было предопределено несколькими причинами. Во-первых, — конъюнктурными соображениями. Большая часть радикалов полагала, что остаться у руля государства будет гораздо легче, имея союзниками могущественного принца-регента и его фаворита С. Прибичевича, а не их оппонентов с репутацией «племенных сепаратистов». В свою очередь, «заедничары» и словенские клерикалы предпочли не идти наперекор настроениям антисербски настроенных масс своих избирателей.

Второй причиной было непреодоленное взаимное отчуждение «сербиянских» и «пречанских» политиков, имевших со времен войны различные, часто противоположные представления о смысле югославянского объединения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Чем сильнее действительность расходилась с их ожиданиями, тем шире становилась пропасть между ними.

Политические коллизии переходного периода оказали определяющее влияние на развитие страны. Видовданская конституция не заложила устойчивой основы сосуществования югославянских народов, центра и регионов. Пожалуй, только на протяжении короткого времени, что дли-

¹ *Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988.*

² *Јовановић С. Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 43. (Слободан Јовановић употребљае термин «државица».)*

лось так называемое «сербскохорватское согласие», борьба за и против ревизии конституции не была основным сюжетом югославской политики. Принимая во внимание результат существования Королевства СХС, поистине пророческими выглядят слова С. Протица, обращенные к депутатам Уставотворной скупщины в январе 1922 г.: «Вот вам, приняли конституцию, а не станет ни легче, ни лучше... Сразу после принятия конституции перед вами встанет вопрос ее ревизии. Может, вы ее и не хотите, но вам ее не избежать. И что еще хуже, вы встанете перед дилеммой — либо вы осуществите ревизию конституции, либо вам придется её упразднить»¹.

По прошествии первых двух с половиной лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все участники политической жизни в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого коллективного или индивидуального политического субъекта существовала собственная, определявшая его действия мораль — «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т. д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность.

¹ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Редован сазив за 1921/22 годину. I. XVII редовни састанак. 21 јануар 1922. С. 165.

Глава II «СЕРБИЯНСКАЯ»¹ ПОЛИТИКА

Не нуждается в доказательстве мысль, что определяющим фактором югославянского объединения была политика государственных деятелей Королевства Сербии. Во время Первой мировой войны и радикалы, перманентно возглавлявшие правительство, и оппозиция, и двор, невзирая на взаимные противоречия и антипатию, считали создание Югославии конечной целью своих национально-политических и военных усилий.

Несмотря на то, что переходный период, как и все десятилетие существования Королевства СХС, ознаменован жестким соперничеством, развернувшимся между различными фракциями «сербиянцев», появление на свет Видовданской конституции стало плодом, главным образом, их совместной деятельности. Крупнейшие словенские и хорватские партии бойкотировали принятие основного закона. Даже «против» голосовали только сербы².

Таким образом, с момента рождения нового государства лишь высшие политические круги Сербии считали себя ответственными за его развитие. В течение восьми лет после принятия конституции они предпринимали противоречивые, разрозненные и, как показало время, не слишком успешные попытки, направленные на внутреннюю консолидацию страны. В результате, в конце двадцатых годов, как и в начале десятилетия, союз

¹ Сербянец — серб из Сербии южнее Дуная. «Сербянский» политик — политик из Сербии в границах до Первой мировой войны.

² Против проекта конституции голосовали Земледельческий союз, социал-демократы, республиканцы и народные социалисты.

двора и сербской партийной номенклатуры, вопреки желанию его участников, по-прежнему один на один противостоял центробежным устремлениям представителей южных славян бывшей Австро-Венгрии. Только необходимость решения задач подобного масштаба могла объединить «заклятых друзей» — радикалов и часть Демократической партии, возглавляемой Л. Давидовичем¹.

В 1921 г. сохранить единство государства от словенско-хорватского «фронта» должно было утверждение централистского устройства. В начале 1929 г. лекарством от сепаратизма стало установление монархической «диктатуры» — запрещение партий и упразднение парламента, ставшего ареной для «обструкционистских» эскапад Крестьянско-демократической коалиции — «Пречанского фронта»². Государственный переворот был осуществлен королем Александром при поддержке генералитета и так называемых «придворных» радикалов и демократов.

Итак, необходимо совместно рассматривать активность основных «сербиянских» политических группировок, которых сам ход истории вопреки их желанию бросал друг другу в объятия.

§ 1. ЗАВЕРШЕНИЕ ЮГОСЛАВЯНСКОГО «РИСОРДЖИМЕНТО»: ЮГОСЛАВИСТСКИЕ ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Как уже было отмечено во введении, руководству Сербии создание югославянского государства представлялось успешным завершением политики, проводимой с начала мировой войны. Однако, по нашему мнению, обстоятельства и способ создания нового государства объективно давали гораздо больше поводов для скептического прогноза его будущего. Идейным обоснованием югославянского объединения была идеология, существовавшая лишь в умах узкого круга интеллектуалов и политиков. Ее пригодность в качестве основы государственного строительства была не бесспорной. Ни в начале войны, ни в 1918 г. у сербского правительства не было реальных возможностей убедиться в привлекательности продекларированных им идей для большей части «трехименного народа», то есть подданных династии Габсбургов. Свое отношение к произошедшему

¹ Первый этап сотрудничества радикалов и «давидовичевцев» длился с 17 мая 1920 г. по 16 декабря 1922 г. (два кабинета М. Веснича и три кабинета Н. Пашича). Второй — с 17 апреля 1927 г. по 6 января 1929 г. (два кабинета В. Вукичевича и правительство А. Корошеца).

² Лояльность Любляны была оплачена ценой уступок клерикальной словенской бюрократии, оформленных в так называемом «Бледском соглашении».

объединению они высказали только в ноябре 1920 г. на выборах в Конституционное собрание — Уставотворную скупщину.

В ходе войны «легитимность» проводимой сербским руководством политики объединения обеспечивали от имени словенцев и хорватов люди, не получившие от них равным счетом никаких реальных полномочий и не пользовавшиеся сколь-нибудь значительным авторитетом. По словам Душана Иванчевича, сербского культурного деятеля, жителя Лики, традиционной ошибкой Белграда было то, что «серьезнейшие политические проекты осуществляются вместе с людьми, обладающими „большим именем“, но не имеющими никакого веса в практической политической жизни. За их „большими именами“ стоит очень небольшое количество избирателей. Более того, у нас распространена ошибка в подтверждение той или иной политической ориентации целого народа ссылаться на людей, внесших, возможно, значительный вклад в народную культуру, создавших замечательные национально-политические идеи, но имеющих очень небольшое политическое влияние или не имеющих его вообще...»¹. Справедливость данной точки зрения доказала послевоенная судьба членов Югославянского комитета, из которых только Анте Трумбич сделал относительно успешную политическую карьеру. По словам Л. Марковича, «народные массы остались холодными по отношению к эмигрантским вождям. Народ не любит эмигрантов. В душе он с теми, кто остается дома и делит с народом и добро, и зло»².

Официальная концепция создания государства, вне зависимости от личной позиции ведущих сербских политиков, среди которых были и противники «большого решения», фактически игнорировала фактор многолетних противоречий, существовавших между югославянскими народами и многократно усугубленных во время войны. Позднее, в двадцатые годы, сербские политические деятели признавались, что не ожидали, что сербскохорватский антагонизм станет столь тяжелым препятствием для консолидации общества. Причиной подобной недальновидности была неподготовленность официального Белграда, и в первую очередь Николы Пашича и Александра Карагеоргиевича, к решению тонких и запутанных проблем межнациональных отношений. Тем более что до 1917 г. внутренняя и внешняя политика сербского правительства в значительной степени зависела от позиции

¹ *Иванчевич Д. Г.* Стјепан Радић и његова «Миротворна република» // Српски књижевни гласник (далее — СКГ). Књига 10. Бр. 6. С. 526. Београд, 16 новембра 1923.

² *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929) Beograd, 1991. S. 36.

Петербурга, а российская дипломатия выступала против югославянского объединения. В частности, С. Д. Сазонов объяснял его бесперспективность в разговоре с Ф. Супило, деятелем Югославянского комитета, несоответствием сербских и хорватских национальных интересов, сопоставимым с давними русско-польскими историческими противоречиями¹.

Признание сербским правительством в конце 1918 г. Народного Вече Государства СХС поставило военные и дипломатические достижения Сербии в определенную зависимость от воли людей, долгие годы бывших частью правящих кругов Дунайской империи — закоренелого врага сербского народа. Стоит вспомнить хотя бы «Майскую декларацию» «Югославянского клуба» депутатов Венского парламента от 30 мая 1917 г., в которой содержался призыв к престолу объединить всех словенцев, хорватов и сербов «под жезлом Габсбургско-Лотарингской династии», дабы воспрепятствовать политике Сербии и подконтрольного ей Югославянского комитета².

Мотивы единодушного решения Народного Вече по поводу объединения с Сербией, поддержанного и подписавшими декларацию, и даже Степаном Радичем³ (25 ноября 1918 г.), заключаются не в пробудившемся чувстве югославянской взаимности, а в желании избежать суда победителей, жаждущих дележа австро-венгерского наследства. Сохранение целостности считавшихся хорватскими областей ценой объединения с бывшим противником — такова прагматичная логика хорватской политики того времени, по словам Йосипа Смодлаки, одного из наиболее лояльных по отношению к Белграду хорватских политиков, принимавших активное участие в создании нового государства. «Те хорваты, которые осуждают Объединение, ошибочно полагают, будто можно было выбирать между Югославией и Великой Хорватией, в то время как выбор был между Югославией и Великой Сербией. Великая Хорватия была неосуществима, так как большая часть земель, на которых живут хорваты, была оккупирована сербской армией с согласия великих держав, выигравших войну. Для того чтобы вытеснить сербов из Осиека, Травника и Дубровника, у Хорватии не было ни одного своего батальона, ни единого союзника»⁴.

¹ *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 54; Šepić D. Političke koncepcije Frana Supila // Frano Supilo. Politički spisi. Zagreb, 1970. S. 63.*

² *Deklaracija Jugoslovenskoga kluba // Šišić F. Op. cit. S. 94.*

³ *Nar. Vijeće usvaja ujedinjenje sa Srbijom i Crnom Gorom // Šišić F. Op. cit. S. 255.*

⁴ *Smodlaka J. Zapisi Dra Josipa Smodlake. Zagreb, 1972. S. 74.*

Таким образом, для дальнейших взаимоотношений южных славян определяющими были отнюдь не метафизическое этническое и духовное единство, а реальные историко-материалистические предпосылки. Сербский историк Любодраг Димич к ним в первую очередь относит войну, ставшую развязкой многолетнего сербско-австро-венгерского конфликта. Хорватский национализм Вена ставила в авангард своего противостояния с Белградом: «Границы Королевства СХС объединили и победителей, и тех, кто в ходе войны воевал на стороне проигравших. Совместная жизнь населения осложнялась воздействием старых австро-венгерских пропагандистских стереотипов, фабриковавшихся годами... Политические партии, католическая церковь, хорватская печать, поддерживаемые властями, не были готовы отречься от „жезла Габсбургской династии“». В мечтах была автономная Хорватия, входящая в состав триалистической монархии... Война, в ходе которой Австро-Венгрия „натравила славян на Сербию“, не могла не посеять ненависть и дополнительное недоверие. Злодеяния австро-венгерской армии, составленной во многом из хорватов, словенцев, да и сербов, миллионные человеческие жертвы, экономический урон... это черты войны, в ходе которой славяне противостояли друг другу, а сербский народ был жертвой. Коллективная память не допускает быстрого забвения. ...О степени взаимного недоверия в начале совместной жизни говорит тот факт, что ужасы войны испытал на себе весь сербский народ, проживавший в Сербии (4 миллиона жителей), и что в армии Монархии (51 миллион жителей) служило 500 000 рекрутов (14 % всей армии) с территории, вошедшей в 1918 г. в состав Королевства СХС. Война была религиозной и братоубийственной... Характер войны напрямую повлиял на объединение»¹.

§ 2. КОНСОЛИДАЦИЯ «ЦЕНТРАЛИСТСКО-УНИТАРИСТСКОГО ФРОНТА»

Как уже было сказано в предыдущей главе, принятие Видовданской конституции подвело определенную черту во взаимоотношениях партий, представлявших различные этнические группы и области Югославии. К концу переходного периода уже была очевидной логика национальной политики сербского руководства — радикалов, демократов, возглавляемых Л. Давидовичем, и двора. По их мнению, сербы в первую очередь были заинтересованы в установлении строгого «державного» централизма, обеспе-

¹ Димич Лб. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 29–32.

чивающего единоначалие власти. Идеологическая основа централистского устройства — догмат о существовании «трехименного народа». За осуществление поставленной задачи сербы были готовы заплатить дорогую цену, в прямом и переносном смысле. Принятие Видовданской конституции было осуществлено без участия словенских и хорватских депутатов, заявивших о непризнании легитимности законодательного собрания.

Следует отметить, что продемонстрированное 28 июня 1921 г. единодушие «государствообразующих» партий, как они себя сами называли, возникло далеко не сразу. Более того, в первое после окончания войны время у большей части разобщенных сербских политиков вообще отсутствовало четкое представление об оптимальной стратегии и тактике взаимоотношений с «освобожденными братьями», как, впрочем, и об остальных сферах государственного строительства. На это указывает несколько обстоятельств. В первую очередь, тот факт, что крупнейшим партиям, Радикальной и Демократической, потребовалось более года для того, чтобы выработать собственные программы. Демократам это удалось в феврале 1920 г., а радикалам и того позднее — в сентябре 1920 г. Конституция, воплотившая программные установки ДП и НРП, появилась только через два с половиной года после провозглашения Королевства СХС.

Во-вторых, несамостоятельность сербского истеблишмента при определении «пречанской» политики демонстрирует стремительная карьера Светозара Прибичевича, получившего из уст принца-регента Александра титул «нашего Тисы». Напомним, что не только двор и белградские демократы, но и радикалы поначалу следовали рецептам «специалиста по Хорватии». В этом качестве Прибичевич до объединения с сербской оппозицией казался С. Протичу потенциальным союзником. «И. О.» главы НРП поддержал назначение Прибичевича министром внутренних дел в первом югославском правительстве. Лидер Хорватско-сербской коалиции должен был «повлиять на переориентацию хорватов, помочь Трумбичу расстаться с заблуждениями и опасениями относительно общего направления внутренней политики, а также взаимоотношений сербов и хорватов»¹.

В конце войны и в первое послевоенное время отношение Белграда к «пречанам» характеризовали смешанные чувства, которые может испытывать победитель, хоть и великодушный, к побежденному или «старший брат» к «освобожденным младшим братьям». А именно: ощущение собственного превосходства, снисходительность и в то же время «озлоблен-

¹ Цит. по: *Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати*. Београд, 1995. С. 85.

ность, вызванную той ролью, которую играла часть хорватского (а также мусульманского. — А.С.) населения во время войны»¹.

Проявлением надменности можно считать циничный отказ исполнять Женевские соглашения и дезавуирование Александром Карагеоргиевичем, устами С. Прибичевича, собственных обязательств, содержащихся в Перводекабрьском акте, и пренебрежение положениями Корфской декларации².

Следует отметить, что в официальных документах и выступлениях сербские государственные деятели, в совершенстве владевшие искусством риторики, не допускали некорректных заявлений. Зато в нашем распоряжении имеются «показания потерпевшей стороны» — хорватских политиков. Из большого количества свидетельств осмотрительного доверия заслуживают воспоминания известного скульптора Ивана Мештровича, процитированные нами в первой главе. Видные демократы и радикалы в конфиденциальных беседах с ним аргументировали объективную невозможность равноправия бывших военных противников при разделе плодов победы.

Миленко Веснич: «Если ваши считают, что мы можем быть везде и во всем на равных, тогда они не понимают реальности, так как это, по крайней мере в течение многих лет, практически неосуществимо. Сербия это государство со своим полноценным государственным аппаратом, который невозможно за один день перекроить. ...мир таков, каков он есть... Если бы случайно победили немцы и австрийцы, мы бы тогда все собрались вокруг Загреба. И хотя нас больше, может быть, смирились бы с тем, что за хорватами главное слово. Раз вышло так, как вышло... все должны собраться вокруг Белграда... Сербия решает задачу построения государства... А все другие могут ей помочь, и им это зачтется, они будут вознаграждены за это, так как в конце концов каждый играет свою роль и вносит свой вклад»³.

¹ *Auramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 1. Zagreb, 1986. S. 322.

² По-балкански лукавое опровержение обвинений в отказе от прежних обещаний озвучил радикал М. Трифкович — министр, ответственный за Конституционное собрание: «Квалифицированное большинство это такое большинство, которое имеет качество настоящего, действительного большинства. А чем не качественное то большинство, которое состоит из половины всех народных депутатов и ещё одного? Ясно как день, что это действительно квалифицированное большинство» (Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. III редовни састанак. С. 28).

³ Цит. по: *Meštrović I.* Op. cit. S. 134.

Другой пример откровений М. Веснича, во время войны посла во Францию, а затем премьер-министра, приводит М. Чурчин: «Нужно сделать все, чтобы приблизить уровень нашей культуры к уровню наиболее развитых цивилизованных западных народов. Этого можно добиться, только если православной части нашего народа, сербам, будет обеспечено преобладающее влияние на ход дальнейшего развития. Так как на самом деле им принадлежат все достижения, и они вынесли на своих плечах осуществление дела народного единства. Они представляют собой лучший элемент и должны определять характер всего, что мы называем „нашим“, хотя, естественно, нужно соблюдать внешнее равноправие...»¹

В более мягкой форме представление сербских политиков о собственном положении «*primi inter pares*» в новом государстве выражал С. Протић: «Если жители Воеводины, Боснии, Старой Сербии, Черногории или Хорватии не в состоянии воспринять уровень свободы, который имеет Сербия с ее полувековым опытом политической парламентской жизни, то пускай довольствуются той степенью свободы, которая им подходит или которая предопределена на первое время особыми условиями»².

Однако важно учитывать, что ни в начале переходного периода, ни в дальнейшем при всем высокомерии сербов их политика в отношении Любляны и Загреба не была ни дискриминационной, ни враждебной. В первую очередь действия сербов были направлены на то, чтобы сгладить давнишние разногласия со своими бывшими военными противниками и заставить их принять на себя часть ответственности за будущее страны. Этим можно объяснить то, что сербские политики стремились к организационному объединению с «пречанами», в первую очередь с хорватами. Так, программа Народной радикальной партии Сербии, переименовавшейся в Народную радикальную партию Королевства сербов, хорватов и словенцев, гласила, что «радушно приветствуется свободное вступление в партию каждого брата серба, хорвата и словенца, а также всякого другого брата славянина или любого другого лояльного гражданина...»³. В частности, «радушие» радикалов сразу после войны выразилось в предложении Хорватско-сербской коалиции влиться в ряды НРП. Однако «удача» объединения с Прибичевичем, а также с мелкими словенскими организациями выпала оппозиции во главе с Давидовичем, полагавшем,

¹ *Čurčin M. Tri koncepcije Jugoslovenstva // Nova Evropa* (далее — NE). Knjiga X, broj 2. S. 35-36. Zagreb, 11 Jula 1924.

² *Протић С. Око устава. Критика и полемика*. Београд, 1921. С. 65.

³ *Закључци Радикалне земаљске конференције о програму (28 септембар 1920) // Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати*. Београд, 1995. С. 410.

что теперь вместе со своими новыми союзниками он представляет интересы всех «трех племен».

Проявлением готовности к компромиссу было и то обстоятельство, что в течение продолжительного времени после объединения радикалы весьма либерально трактовали теорию «национального единства». Не определив четко свою официальную позицию по отношению к нему, Пашич, Протич, Маркович не требовали этого от других. Знаменательно, что вопреки мнению сторонников «крутой унификации» при выборе названия новой страны, в окончательном варианте которого были перечислены все «три племени одного народа», вариант «Югославия» по настоянию радикалов был отвергнут¹. По словам Л. Марковича, «по своей программе и по идеям своих лидеров Радикальная партия никогда не была расположена к какой-либо насильственной, искусственной и преждевременной югославизации»². Наконец, урегулирование тонких вопросов национальных отношений и устройства страны, согласно программе НРП, должно было осуществиться в результате принятия конституции «количественно квалифицированным большинством»³.

Примирительные мотивы проявлялись во всех направлениях политики «югославянского Пьемонта», особенно в первое послевоенное время. «Я готов дать хорватам все, что возможно, лишь бы это не ослабляло государство»⁴, — слова Л. Давидовича иллюстрируют публичное кредо официального Белграда. Впрочем, практика показала, что толерантность сербов не ограничивалась рамками этого принципа. В переходный период расцвело буйным цветом движение Степана Радича. Несмотря на то, что хорватские республиканцы не признавали законность создания Королевства СХС, они были допущены к участию в выборах в Уставотворную скупщину. Показательно, что в первый раз по обвинению в государственной измене Радич был арестован 25 марта 1919 г. по приказанию С. Прибичевича, своего земляка и коллеги по хорватскому Сабору, а отпущен летом 1920 г. во время нахождения у власти правительства Парламентского объединения во главе со Стояном Протичем.

Следует напомнить, что объективной предпосылкой «республиканской» «пандемии» было и распространение на присоединенные территории либерального сербского избирательного законодательства. Приведем выдержку из «Манифеста регента Александра народу» от 6 января

¹ *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 38.

² Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 107.

³ Там же. С. 411.

⁴ Цит. по: *Meštrović I.* Op. cit. S. 161.

1919 г.: «Мое правительство обязано будет сразу же распространить на все Королевство сербов, хорватов и словенцев все права и свободы, которыми до настоящего момента согласно конституции Королевства Сербии пользовались граждане Сербии. Таким образом будет признано и утверждено полное равноправие всех граждан королевства перед законом, будут упразднены все сословные привилегии и будет гарантирована свобода и равноправие вероисповеданий»¹.

То, какое значение сербы придавали кооперации со своими новообретенными «братьями», демонстрирует вхождение хорватских и словенских политиков во властные политические и военные структуры всех уровней. Напомним, что во главе Временного народного представительства и МИДа встали политики из Хорватии: Иван Рибар и Анте Трумбич. (Работа делегации Королевства СХС на Парижской мирной конференции показала, что назначение главы Югославянского комитета, выходца из Сплита, было продиктовано не только политесом, но и позицией сербского руководства, полагавшего, что защита Далмации и Риеки от посягательств Италии — главная внешнеполитическая задача².)

Бывшие подданные «их католического величества» возглавили военно-морские силы молодой страны³. В течение 1919–1920 гг. в югославскую армию было принято 2590 «активных офицеров бывшей австрийской армии» и 3200 «резервных». Для сравнения: в тот же период времени на службу было зачислено всего 12 русских офицеров-эмигрантов⁴.

Кроме того, неприкосновенными остались позиции «пречанского» чиновничества. Так, за исключением военного командования «в Хорватию в рассматриваемый период не было назначено ни одного чиновника из Сербии. А в 90 % случаев сохранился старый австро-венгерский административный аппарат», которому к тому же увеличили содержание⁵.

Эта мера отражала желание сербов нейтрализовать отрицательные социально-экономические последствия войны. В этом же контексте следует рассматривать и денежную реформу — обмен крон, «валюты, глубоко разъеденной инфляцией», на сербскую денежную единицу динар, «который частично имел золотое обеспечение и почти сравнялся по своей ценности с французским франком». Милан Стоядинович вспоминал:

¹ Manifest Regenta Aleksandra Karodru. Beograd 6 Jan. 1919. (24. Dec. 1918.) // Šišić F. Op. cit. S. 299.

² Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 56.

³ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 89, лл. 145–146.

⁴ *Vjelačaj M. Vojska Kraljevine SHS 1918–1921.* Beograd, 1988. S. 91–92.

⁵ Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 34, 50.

«Хотя соотношение было 4 австро-венгерские кроны за 1 динар, оно было явно не в пользу последнего, говоря с монетарной точки зрения. То, что владельцам крон был обеспечен благоприятный курс, было сделано из политических соображений, — чтобы не вызывать недовольство у населения бывшей Австро-Венгрии»¹.

Дабы не давать повода антисербской пропаганде, действия сербской армии, введенной, часто по просьбе местного населения², на «пречанские» территории в последние дни войны, были строго регламентированы. Командование принимало меры по борьбе с проявлениями нетерпимости в отношении мусульман и католиков. В январе 1919 г. военный министр генерал Рашич издал приказание подчиненным не вмешиваться в политические события на освобожденной территории. В июле того же года в Боснии воевода Мишич разрешил вывешивать на частных домах любые знамена: «Кто как хочет». (На государственных учреждениях могли висеть только государственные флаги.) Солдатам в увольнении было запрещено носить оружие. Спешно формировалась «туземная» жандармерия, которая должна была освободить войска от выполнения не свойственных им полицейских функций³.

* * *

Усилия сербской политической элиты по «умиротворению» хорватов не принесли ожидаемых результатов. Шаги, которые делались им навстречу, рассматривались и «людьми политики», и низшим сословием как унижительные уступки. Примером служит реакция И. Мештровича на приведенное ранее благосклонное заявление Л. Давидовича: «Вы должны постараться изменить манеру разговора. Когда вы говорите: «Мы дадим хорватам», это... оскорбляет хорватов... Что вы можете дать или не дать? Хорваты не требуют от вас ничего, что бы не принадлежало им по праву». Недовольство характером управления оборачивалось отказом от лояльности по отношению к новому государству в целом: «Хорватский крестьянин не хотел присягать сербскому королю Петру, которого никогда не видел и который не поклялся уважать наши хорватские права. А в то же время его солдаты избивали дубинами людей»⁴.

¹ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 139, 165.

² *Bjelajac M.* Op. cit. S. 46.

³ *Bjelajac M.* Op. cit. S. 219–221.

⁴ *Meštrović I.* Op. cit. S. 162, 128.

Неприятным сюрпризом стало то, что освобожденные — и «низы», и «верхи» — не проявили должного рвения и умения при решении главной актуальной проблемы молодой страны — защите своих собственных национальных границ от посягательств агрессивных соседей. Воспоминания М. Стоядиновича недвусмысленно показывают, как оценивалась в Белграде деятельность А. Трумбича на дипломатическом поприще.

Меры правительства по наведению «конституционного порядка» в «пречанских» областях в преддверии возможного конфликта с Италией не встретили понимания со стороны местного населения. В первую очередь это проявилось в конфликте «пречан», главным образом хорватов, с сербской армией. Так, Миле Беляц указывает, что первые столкновения начались, когда военные начали изымать у крестьян оружие и награбленное добро крупных землевладельцев¹. Инвентаризация скота, начатая в августе 1920 г. в интересах армии, в Хорватии стала причиной крестьянских восстаний, на подавление которых были направлены армейские и полицейские части². Ну а военная служба воспринималась крестьянством «во всех отношениях как невыносимое бремя». Массы стремительно и необратимо подпадали под воздействие «миротворной и человеческой» идеологии республиканской партии³, требовавшей вывода «оккупационной» сербской армии: «Пускай придут итальянцы. Нам итальянцы нравятся больше, чем сербы. Итальянец католик»⁴. Согласно свидетельству Отокара Кершовани двадцатые годы отмечены «десятками тысяч случаев дезертирства» его единоплеменников⁵.

Очень скоро стало очевидным отсутствие примирительного эффекта зачисления в армию бывших неприятелей. По словам российского военно-морского агента в Королевстве СХС капитана второго ранга Апрелева от 1920 г. офицеры «пречане» «в своей массе несли разложение, характерное для всякой армии, потерпевшей поражение, и питали глубокое отвращение к военной службе. Этот элемент был бы серьезно опасен...»⁶. М. Беляц пишет: «По мнению большинства командиров... эти офицеры служили плохо. На примере каждого из них видно, что это человек, преданный династии, что австрийское военное воспитание убило в нем все

¹ *Bjelajac M.* Op. cit. S. 217.

² *Banac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 203.

³ 8 декабря 1920 г. Хорватская народная крестьянская партия переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию.

⁴ Цит. по: *Bjelajac M.* Op. cit. S. 217.

⁵ *Keršovani O.* Povijest Hrvata. Rijeka, 1971. S. 118.

⁶ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 89, л. 138.

национальные чувства. Что касается подготовки, то она в целом весьма скромная»¹.

Не оправдался расчет руководства Радикальной партии, надеявшегося на интеграцию с хорватами и словенцами путем привлечения к управлению страной своих партнеров по объединительному процессу времен войны. Никола Пашич, по словам Л. Марковича, «не мог понять поворота в хорватской политике от Анте Трумбича к мятежной анархии хорватского крестьянства...»².

Точно так же безуспешными остались усилия сербских политиков по превращению собственных партий в надплеменные организации, социальная база которых не была бы ограничена этническими и религиозными рамками. Вопреки надеждам лидера НРП, что «первенство останется за той частью хорватской политической элиты, которая связала себя с демократами и отчасти с радикалами», ни тем ни другим не удалось привлечь католиков на свою сторону. В результате оставалось только свидетельствовать, что за угрожающее целостности государства «отчуждение между сербами и хорватами... сербы несут ответственность в наименьшей степени... У сербов нет партийных организаций, которые были бы образованы согласно племенной или религиозной принадлежности, которые носили бы сербское племенное имя. У хорватов все совсем наоборот. У них отчуждение — по большей части не только какое-то фактическое положение вещей, но и сознательная и общественно проповедуемая политическая тенденция...»³.

Ставшая очевидной в переходный период нелояльность широких масс «пречан» по отношению к новому государству у сербских политических деятелей и в целом у общественности вызывала нескрываемое замешательство и раздражение. Воинственный Александр Карагеоргиевич для умиротворения хорватов грозился командировать генерала Петра Живковича, дабы тот «показал им кузькину мать»⁴. Солидарно с венценосцем выступала и сербская пресса. Особенно показателен в данной связи материал обозревателя «Српског книжевног гласника» (Сербского литературного вестника) Б. Влаича, который вступил в полемику с автором загребской «Новой Европы» М. Ройцем, обвинившим Белград в насильнической политике. В качестве примера таковой тот привел произошедшее на его глазах якобы ничем не мотивированное избиение сербским полковником

¹ Цит. по: *Bjelajac M.* Op. cit. S. 95.

² Цит. по: *Станковић. Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 70.

³ *Десница У.* Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. 6. Бр. 2. С. 118–119. 2–16 мај 1922.

⁴ Цит. по: *Станковић. Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 74.

одного «загребчанина». «Когда нам г. Ройц говорит, что некий полковник на улице любезно подозвал к себе одного господина и начал его бить, у нас нет причин не верить г. Ройцу. Но у нас есть причины не верить этому господину. Тот полковник в своей жизни, должно быть, встретил немало людей и на улице, и в своей канцелярии и не поднял на них руку. Почему же он избил этого господина? Почему сегодня воскрес старый франковский лозунг „Прочь, сербы!“?»

Причина не в «бесчеловечности» новой власти, а в противоречиях в умонастроениях сербов, хорватов и словенцев, а точнее — в социально-психическом нездоровье последних. «Намного легче исправить скверную административную систему, чем скверный менталитет широких народных масс», — по мнению белградского политического бомонда, сепаратизм и мятежи не могут быть оправданы изъянами власти, причину проблем Хорватии следует искать в ней самой. «Система государственного управления настроила против себя и сербов из Сербии, но не настроила их против государства. Система государственного управления в Хорватии вызвала протест крестьянских масс, но вместо того, чтобы настроить их против правительства, эта система настроила их против государства. Несомненно, система была скверной: управление осуществлялось не по закону, а посредством указов и распоряжений...

За все, что не предопределено обстоятельствами, несут ответственность люди, правительство. Но протест направлен не против них, а против государства. И в этих правительственных кабинетах кто несет ответственность за политику, проводимую в Хорватии? В наименьшей степени сербы из Сербии. Во всех кабинетах они, как правило, опирались на хорватов и сербов не из Сербии. А бунтуют против Сербии. Почему?... Почему восстали против народного объединения, а не против людей и против методов, которыми оно осуществляется?»¹

На обострение хорватского вопроса в Белграде смотрели как на прямое препятствие для осуществления сербских национальных интересов. Интересы эти состояли в том, чтобы все до единого сербы находились под «сербской властью». «Серб, где бы он ни был, хочет объединиться с Сербией, не спрашивая, какое у нее внутреннее устройство, какая у нее конституция. Он говорит: „Хочу жить с моими братьями в свободном, независимом государстве...“²» Сербским государственным деятелям не-

¹ Привремени. Унутрашња политика — оптужба Г. Ројца // СКГ. Књ. II. Бр. 8. С. 636–637. 8–16 април 1921.

² Писмо Николе Пашића председнику владе Миленку Веснићу од 18 јуна 1920. године // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 406.

возможно было представить себе, что часть их народа окажется «под властью» защитников «хорватского исторического права». Л. Йованович призывал депутатов Уставотворной скупщины: «Посмотрите, мало где в Европе в последние сорок лет была такая скверная политическая обстановка, как в Хорватии. А именно в той самой Хорватии было предусмотрено то, что бан ответственен перед хорватским Сабором... неправильно, говоря о Хорватии, думать только о хорватах и забывать о живущих в Хорватии сербах. Они не согласны с той ситуацией, сохранения которой желают хорваты»¹.

Гарантировать осуществление чаяний сербов мог либо централизм, основанный на национальном унитаризме, либо «федеративное устройство государства, но только на «племенной основе», которая подразумевает прежде всего объединение в одной федеральной единице всех сербов и их разграничение с остальными «племенными группами»². Второй вариант остался чисто гипотетическим, ибо сербы и хорваты, согласно метафорическому сравнению Пашича, были «переплетены, как пальцы. Как мы сможем провести границы, не повредив рук?»³.

В этих условиях сербы пришли к заключению о необходимости осуществления «законодательной и правовой организации государства» исключительно своими силами. «С хорватами невозможно договориться, так как они ушли в крайний экстремизм, — утверждал Пашич, — Желательно было бы выработать закон для страны при согласии всех трех частей нашей нации..., но большинство хорватов... не хочет такого соглашения. Поэтому нужно через них переступить и принимать конституцию без их участия»⁴.

Решение этой задачи привело к ставшим особенно очевидными после созыва Уставотворной скупщины идеологическим и организационным трансформациям «сербоянского» истеблишмента.

¹ Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIX редовни састанак. С. 9.

² Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 94.

³ Цит. по: *Stojadinović M.* Op. cit. S. 162.

⁴ Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 96–97. По словам Л. Стояновича «сербы... все больше приходят к убеждению, что в качестве «*primi inter pares*» они должны и дальше играть главную роль в государстве, ибо не видно, кому бы они могли ее передать. Это актуально до тех пор, пока не сформируется новая югославянская группа, новая югославянская единообразная народность, в которой растворились бы и сербы, и хорваты, и словенцы» (*Стојановић Љ.* Још о српском питању // НЕ. Кпј. 12, бр. 14, s. 425. 11 Novembra 1925).

В первую очередь изменения коснулись Радикальной партии. Несмотря на то, что характер взаимоотношений сербов, хорватов и словенцев с момента создания Королевства СХС был исключительно конфронтационный, официальные позиции радикалов, да и «сербиянских» демократов, по проблемам межэтнических отношений и государственного строительства были приведены в строгое соответствие с догмами учения о «державном и народном единстве». На смену «компромиссному национальному унитаризму»¹ с оглядкой на «племенные различия» приходил, по крайней мере формально, унитаризм бескомпромиссный. Направление идеологического развития радикалов зафиксировано в программных документах состоявшейся в декабре 1921 г. партконференции. Докладчик по национальному вопросу Л. Йованович «категорически отвергал саму возможность наличия у сербов, хорватов и словенцев каких-либо специфических отличительных черт, присущих разным племенам («они не народы» — «не племена» — они «части одного народа»)»².

Вслед за демократами руководство НРП восприняло тезис о невозможности существования «договоров и соглашений» между «ветвями одного народа». Сближение радикалов с их извечными оппонентами — демократами — было не только идеологическим, но и организационным. 17 мая 1920 г. было образовано правительство М. Веснича, в которое помимо остальных партий вошли ДП и НРП. А 1 января 1921 г. был сформирован двухпартийный кабинет — первый с момента создания Королевства СХС во главе с Николой Пашичем.

Решающую роль в единении централистских сил сыграл принц-регент. Формирование радикально-демократического союза стало результатом вмешательства Александра Карагеоргиевича во внутривнутрипартийную и парламентскую жизнь, состоявшего в поддержке сторонников централизма и ослаблении его противников. Показательны описанные Миланом Анти-

¹ В течение переходного периода в рядах членов НРП и ДП не было единства мнения по наиболее актуальным вопросам жизни страны, которые трактовались весьма плюралистически. Так, Л. Маркович и Божа Маркович в 1919–20 гг. рассуждали о том, что нельзя «не принимать в расчет исторически сложившиеся области» (Цит. по: *Popović O. Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 35*), говорили о «невозможности» и даже «вреде централизма» как системы «государственного управления» (*Marković L. Op. cit. S. 127, 70*). Подобные разговоры утратили свою актуальность накануне выборов, когда в Хорватии разразились крестьянские восстания, а лидер хорватского национального движения находился в тюрьме.

² Цит. по: *Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 134.*

чем, дипломатом и министром двора, обстоятельства отставки правительства Парламентского объединения возглавляемого С. Протичем. «В марте или в мае 1920 г. король потребовал от Протича подать в отставку. Почему? ...Может, из-за того, что Главный комитет радикалов стоял на позиции программы НРП в плане организации внутренней жизни на основе самоуправления, то есть автономии. Протич ответил на это докладом обо всей государственной деятельности, осуществленной его правительством, и в конце сказал, что подает в отставку, которая от него требовалась. Добавил, что лишен власти непарламентским способом. Наверное, его правительство имело большинство в скупщине, т.е. во Временном народном представительстве. После Протича пришел Веснич».

В борьбе с антицентралистами как в рядах НРП, так и в целом по стране союзником Александра стал Н. Пашич, с которого была снята монаршая опала. «Пашич вернулся из Парижа. Александр долгое время не хотел его принимать. Веснич, намеревавшийся оставить премьерский пост и вернуться в Париж, ходатайствовал перед королем. Наконец тот принял Пашича и беседовал с ним три часа. Пашич получил мандат на формирование нового правительства... Возможно, Пашич стал премьером, потому что вместе с королем выступал за централистское государство. После этого, до принятия на Видовдан 1921 г. конституции, реализовывалась только эта программа»¹.

«...И тот и другой были за сильное государство, централизованное и парламентское. Федеральное не могли себе представить. Видели в нем слабость, а не силу. Федеральное устройство страны было бы козырем в руках соседей, которым не нравилось новое государство»².

Таким образом, консолидация приверженцев политики «твердой руки» в отношении хорватов и словенцев сопровождалась удалением с государственного Олимпа склонных к нелегкому поиску согласия со своими «братьями». Следует отметить, что не могло быть и речи о «сердечном согласии» участников «тройственного союза»: НРП, ДП и двора. «Только необходимость и общегосударственная проблема принудили их к совместному сотрудничеству»³. «Я в конце 1920 г., — Маркович приводит слова Пашича, — вошел в коалицию с демократами только от нужды. Это было... в начале работы Уставотворной скупщины. Я должен был с ним (со Стояном Протичем. — Д. Станковиц) разойтись для того, что-

¹ Архив Српске Академије Наука и Уметности. (далее АСАНУ) Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

² АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9471.

³ Marković L. Op. cit. S. 227.

бы использовать Демократическую партию в деле, в котором она могла быть полезна. А это было принятие конституции, которое я считал самой важной задачей, стоявшей перед новым государством. Я ее выполнил так, как и хотел, и меня больше ничто не связывает ни с демократами, ни с королем, который создание той коалиции поставил главным условием моего премьерства»¹.

В своем противостоянии с хорватами и словенцами, закончившемся «победой», то есть принятием конституции, сербы избегали крайних мер. Говоря языком современной политики, применение силы было «соразмерно» угрозе, какой она представлялась власти. В результате сепаратистская ХРКП, несмотря на то, что ее лидер С. Радич находился под судом, была допущена к участию в выборах в конституционное собрание, в которой получила четвертую по величине фракцию. В том же 1920 году был отвергнут план Прибичевича по проведению в Хорватии полномасштабной военной экспедиции². Не нашла поддержки выдвинутая С. Протичем как альтернатива инициативе Прибичевича идея «ампутации» бунтующей Хорватии³. «Разойтись по-хорошему будет меньшим злом, чем вот так, в ходе междоусобной борьбы ослаблять друг друга»⁴.

§ 3. РАСПАД «ЦЕНТРАЛИСТСКО-УНИТАРИСТСКОГО ФРОНТА»

За принятием Видовданской конституции последовал распад «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета»⁵. Он выразился не столько в формальном разрыве партнерских отношений (вплоть до конца 1922 г. НРП и ДП совместно работали в правительстве), сколько в отсутствии четкого солидарного курса во всех сферах государственной деятельности. Следует отметить, что после 28 июня 1921 г. большая часть сербских политиков, как и после

¹ Цит. по: *Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати*. Београд, 1995. С. 77.

² *Meštrović I*. Op. cit. S. 130; *Gligorijević B. Demokratska stranka i politički односи u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca*. Београд, 1970. S. 197.

³ Протич предлагал два варианта решения хорватского вопроса: либо «ампутацию», либо умиротворение «пречан» путем конституционного административного разделения Королевства СХС с учетом существования так называемых «исторически сложившихся областей».

⁴ Цит. по: *Глигоријевић Б. Стварање пречанског фронта у Хрватској и политичке последице (1927–1941) // Југословенски историјски часопис*. Београд, 1997. № 1. С. 101.

⁵ *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943*. Београд, 1987. S. 194.

1 декабря 1918 г., оптимистично полагала, что наконец-то устранены все препятствия процветанию «трех частей народа» и созданы «условия для развития всех их способностей и возможностей». Даже опытный Пашич считал, что принятием Устава «окончательно завершается процесс формирования нового общего государства»¹. Нельзя сказать, чтобы компаньоны после достижения общей патриотической цели совершенно не представляли себе объем реально необходимой для внутренней стабильности страны деятельности, но сдерживать взаимную неприязнь ради ее осуществления они уже не собирались. В первую очередь это касается радикалов, вновь обретших поддержку короля, с одной стороны, и «сербиянских» демократов во главе с Л. Давидовичем, с другой.

Последние вернулись к решению своей стратегической с довоенных времен задачи — «сокрушению радикального режима», которое должно было устранить все государственные проблемы: «кризис парламентаризма», коррупцию, «хорватский вопрос» и т. д. В условиях, когда это «благородное» намерение не встречало прежней горячей поддержки Александра Карагеоргиевича, Давидович и его сторонники прибегли к уже испробованной в ходе Женевской конференции тактике сотрудничества с «пречанами». Как и в ноябре 1918 г., демократы предполагали использовать в своих целях центробежные устремления хорватов и словенцев. В обмен на помощь в борьбе с Пашичем Давидович обещал им поспособствовать в осуществлении преобразований внутреннего устройства страны.

Воспользуемся работами Бранислава Глигориевича для того, чтобы кратко описать основные этапы их совместной деятельности.

— Июнь, сентябрь 1922 г. — участие в Движении общественных деятелей, организовавших конгрессы в Сараево («Илиджанская конференция») и Загребе. Участники движения — «югославянски ориентированные интеллектуалы» — бывшие члены Югославянского комитета и Югославянской демократической лиги, сотрудники журналов «Новая Европа», «Еженедельный вестник» и др.

— Октябрь 1922 г. — последовавшее за длительными переговорами подписание представителями ДП (Анджелич) и Хорватского блока (С. Радич, М. Дринкович и А. Павелич) протокола «о совместной деятельности с целью устранения теперешнего режима и формировании выборного правительства с участием трех хорватских представителей».

— Продолжавшиеся в течение всего 1922 г. переговоры руководителей ХБ с Л. Давидовичем, призывавшим их прийти в скупщину ради

¹ Цит. по: *Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати*. Београд, 1995. С. 97.

смещения Пашича, привели к «распаду Радикально-Демократической коалиции». 16 декабря 1922 г. был образован кабинет, в состав которого помимо НРП вошла Югославянская мусульманская организация.

— 7 марта 1924 г. создан Оппозиционный блок. В его составе СНП, ЮМО и ДП. ХРКП обязалась помогать Блоку в деле смещения правительства.

— 27 июля 1924 г. Оппозиционный блок формирует собственный кабинет, в котором для членов ХРКП зарезервировано несколько мест. Вхождение радичевцев в правительство не состоялось из-за их отказа признать монархическое устройство государства и его конституцию. 15 октября 1924 г. под давлением Александра Давидович подает в отставку.

— 8 марта 1925 г. к участникам Оппозиционного блока присоединяется ХРКП. Создан Блок народного согласия и крестьянской демократии. Блок распался в результате капитуляции ХРКП и образования Радикально-радичевской коалиции.

В период с 1921 г. по 1925 г., озаглавленный очередной «победой» централистов (в Королевстве СХС не осталось крупных партий, не признававших Видовданскую конституцию), усилия демократов остались бесплодными. Одной из причин их неуспеха было нелояльное, пренебрежительное отношение «пречан», в первую очередь лидера ХРКП, к нерешительному и маловлиятельному лидеру «левого крыла Демократической партии». Словенцы, хорваты и мусульмане использовали сотрудничество с демократами не для решения общегосударственных проблем, а для достижения тактических целей — «раскола централистского фронта», давления на двор, на радикалов с целью получения финансовых льгот и т. п. Самого Давидовича обвиняли в пораженчестве. Этим, в частности, объяснялась отставка его кабинета в октябре 1924 г. Радич: «Давидовичевцы с нами. Они люди хорошие, но трусливые»¹.

Безуспешность «самого выдающегося сербского оппозиционера»² объясняется не только его психическими свойствами и вероломством союзников, но и тем, что на протяжении всего периода существования Королевства СХС, и до, и после принятия Устава, у него и его товарищей отсутствовали ясные идеологические представления о наиболее важных аспектах жизни страны. В частности, о ее должном внутреннем территориальном устройстве и межнациональных, или «межплеменных», отношениях. Позиция демократов из Сербии по этим вопросам почти всегда определялась конъюнк-

¹ Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. С. 282.*

² *Казимировић. В. Србија и Југославија: 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 481.*

ктурой их вечной борьбы с радикалами. О четком определении характера и содержания необходимых реформ не было и речи.

В ходе уже не раз упоминавшейся Женевской конференции будущие демократы встанут на сторону противников объединения югославянских областей бывшей Австро-Венгрии вокруг Сербии. Л. Маркович вспоминал: «Эта сербская оппозиция в своем желании свергнуть радикальное правительство Пашича не постеснялась использовать разногласия по национальному вопросу между Югославянским комитетом во главе с Трумбичем и сербским правительством и выступить против Пашича, то есть принять точку зрения хорватов. Оппозиция хотела уничтожить Пашича и не выбирала средств для этого»¹.

Решения, принятые в Женеве, остались нереализованными. Впрочем, неуспех не охладил пыл недругов НРП. В январе 1919 г. они создают Югославянскую демократическую лигу². Среди ее идеологов соратники Л. Давидовича Б. Маркович и М. Грол. В условиях, когда создание Югославии прошло вопреки их планам, «лигеры» уже не выступают с бесперспективных «конфедералистских» позиций. Следование общепринятой теории народного единства делает их «централистами». Принятая в марте 1919 г. программа Лиги гласила: «Наше государство должно быть единым, а не составным. Таким образом, оно не должно быть ни союзом, как Германия, ни объединением, как Америка»³.

В переходный период «бывший сербский оппозиционный блок» максимально приблизился к достижению непреходящей цели. Но завоевание преимущества над соперником потребовало неординарной идеологической гибкости. Пришлось подстраиваться под новых «попутчиков» — С. Прибичевича и его покровителя принца-регента Александра, исповедовавших и практиковавших югославянский унитаризм поистине фундаменталистского толка. Однако интересы страны потребовали консолидации «государствообразующих элементов». В результате почти что из небытия на политический Олимп вернулся Н. Пашич. Такой ход событий не мог удовлетворить давидовичевцев. Демократ И. Рибар писал в воспоминаниях: «В конце концов Видовданская конституция вступила в силу. Вместо торжества большая часть клуба (фракции Уставотворной скупщины. — А.С.) Демократической партии ощущала поражение»⁴.

¹ *Марковић Л.* Срби и Хрвати. 1914–1944. Београд, 1993. С. 29–30.

² В Лигу входили многие члены Югославянского комитета, в частности А. Трумбич, и депутаты Народного Вече, чьи подписи стояли под Женевской декларацией.

³ *Jugoslovenska demokratska liga* // Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 202.

⁴ *Ribar I.* Iz moje političke suradnje (1901–1963). Zagreb, 1965. S. 226.

Идеологической основой сотрудничества ДП и «пречанских» партий была мешанина бессодержательных благих пожеланий, которым при условии их реализации приписывалось универсальное действие. Межплеменные противоречия предполагалось устранить простым переименованием Королевства СХС в Югославию. «Это общее имя, которое выражает наше народное единство, одновременно исключает всякое превосходство одного племени над другим». Данное предложение диссонировало с остальными мерами, которые заключались в явных уступках ХРКП и открыто шли вразрез с идеологией национального унитаризма. Среди них: «разгрузка центральных органов власти от дел, которые касаются специфических интересов отдельных районов или областей», «административная деконцентрация, народное самоуправление», «новое разделение страны на области». «В этом вопросе в интересах государства пойти навстречу пожеланиям хорватов...»¹

Своим кредо «общественники» провозгласили пребывание на «средней линии, на политической центристской платформе между централистским курсом режима и радикальной оппозиционностью Хорватского блока»². Судя по тому, что Движение общественных деятелей скоро застопорилось, поиск середины между создателями государства — правыми монархистами — и его разрушителями — леваками-анархистами — имел ту же перспективу, что и поиск пресловутого «пятого угла».

Более высокую степень государственной зрелости демократы не продемонстрировали и тогда, когда судьба вознесла их на вершину власти. Кабинет Оппозиционного блока («парламентского блока политической морали, конституционности и демократии»³) ставил перед собой сколь амбициозные, столь и туманные цели: «создание благоприятной атмосферы, для того чтобы в дальнейшем приступить к достижению согласия по вопросу об ином государственном устройстве»⁴, «достижение беспрекословного исполнения и уважения законов», «искоренение коррупции всеми средствами», «предотвращение с применением драконовских мер деморализации государственной администрации», «окончательную и удачную консолидацию внутренних отношений»⁵. Стоявшие на их пути трудности,

¹ Rezolucija Kongresa javnih radnika. Zagreb, 10 septembra 1922 // Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 229.

² Цит. по: *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. S. 119.

³ Цит. по: *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 431.

⁴ Цит. по: *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 171.

⁵ АЖ, ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона) фасцикла 29. («Декларација Краљевске владе»).

«какими бы огромными они ни были», демократы собирались «преодолеть быстро».

При этом едва ли не главным методом государственной политики Давидович считал «пробуждение и усиление братских чувств, которые нас сплачивают» и которые непременно должны были обеспечить урегулирование отношений с хорватами, вождь которых тем временем, уже успев вступить в Москве в Крестьянский интернационал. «В своей братской любви, — обращался Давидович к парламенту, — мы должны довериться друг другу искренно и беспредельно, честно, без задней мысли. Делить нам нечего. Это, господа народные депутаты, основа политики нашего нынешнего правительства. Вся его программа основывается на этом тезисе».

Последнее заявление можно рассматривать и как невольное признание того факта, что кроме душеспасительных призывов у Давидовича не было других рецептов решения общегосударственных проблем. Первым это обстоятельство отметил бывший однопартиец Давидовича С. Прибичевич, вышедший из ДП в марте 1924 г.: «Каждый прочитавший правительственную декларацию убеждается в том, что в ней отсутствует программа. Пусть мне кто-нибудь скажет, какова программа правительства в области финансовой политики, в области просвещения, транспорта, народного хозяйства? И, наконец, какая программа в области внутренней политики? Как вы видите, господа народные посланники, ни одна сфера государственной жизни не освещена в этой правительственной декларации»¹.

Показательно, что ни союзники, ни оппоненты не смогли получить от него ответ на вопрос, считает ли Давидович нужной ревизию Видовданской конституции. Хорватский блок упрекал лидера ДП за излишнюю осторожность: «Если господин Давидович намеревается создать в Демократической партии основу для решения хорватского вопроса, он естественно должен был бы встать на позицию ревизии Видовданской конституции...». Вместе с тем Прибичевич непрерывно, вплоть до отделения, обвинял его в том, что он с середины 1922 г. «вступил на путь соглашательства с чисто племенными и религиозными партиями с целью свержения конституционного строя»². «Невиданный в мире случай — председатель партии с несколькими депутатами приезжает на собрание (Загребский конгресс общественных деятелей. — А. С.),

¹ Реч, 13 август 1924 г. «Говор Г. Светозара Прибичевића».

² Цит. по: *Matković H. Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 81.*

на котором осуждается политика, которую проводила и до сих пор проводит партия под его руководством»¹. За каждым шагом навстречу «пречанам» и их ревизионистским притязаниям следовало поспешное отступление. После участия в сараевском и загребском конгрессах, подписания в октябре 1922 г. протокола о кооперации с Хорватским блоком, распада коалиции с радикалами и даже разделения собственной партии Давидович «начинал клясться и божиться», что остается верным конституции.

* * *

Если демократы на политической сцене Королевства СХС в двадцатые годы играли роль ревизионистов, особенно после разделения ДП, то радикалы в союзе с королем Александром ряздились в тогу столпов режима, инициаторов и проводников «видовданской политики».

Основным содержанием деятельности радикалов, по словам Н. Пашича, должна была стать «консолидация нашего государства изнутри»². «Мы готовы, — обращался глава НРП к избирателям, — защищать конституцию, проводить в жизнь ее положения. Подобно тому, как во время военных испытаний мы были верны идее народного и территориального единства, сегодня мы считаем своим долгом защищать это завоевание на новом поприще. Для этого мы продолжим разработку и принятие законов, предусмотренных самой конституцией... Одновременно будут унифицироваться различные законодательные системы, до сих пор действующие в отдельных частях королевства. Излишне говорить, как пагубно это влияет на работу административного аппарата, как препятствует тому, чтобы народ вкусил плоды освобождения и объединения»³. Масштаб стоявшей на повестке дня правовой унификации демонстрирует тот факт, что в декабре 1921 г. правительство Пашича представило скупшине программу своих законодательных инициатив, состоявшую из семнадцати пунктов. А в июне 1923 г. «правительственная декларация» включала восемнадцать законопроектов⁴.

Однако политика «обережения и усиления государства», «сохранения идейных ценностей сербства» наталкивалась на многочисленные препятствия. Недаром первым законом, принятым после Видовдана, был Закон о

¹ Цит. по: *Gligorijević B. Demokratska stranka...* S. 283, 294.

² Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 281.

³ Самоуправа. 25 фебруара 1923. «Бирачима».

⁴ АЈ, ф. 80, (Збирка Јована Јовановића-Пиждона) фасцикла 29.

защите государства¹. Исполнение многих мер, направленных на внутреннюю интеграцию, задерживалось. Отнюдь не все из десятков законопроектов, о необходимости принятия которых говорили министры-радикалы, выходили из стен парламента. Руководство НРП всю ответственность за пробуксовку реформ возлагало на своих старых «друзей-соперников» — демократов и их лидера Л. Давидовича². В результате 4 декабря 1922 г. Радикально-демократическая коалиция распалась. Приведем отрывок из письма Н. Пашича королю Александру, в котором глава кабинета просит принять его отставку:

«Королевское правительство при принятии Видовданской конституции опиралось на доверие Вашего Величества и, в основном, на доверие и поддержку Радикальной и Демократической партий...

Когда Уставотворная скупщина... выполнила свою главную функцию, она была превращена в законодательную скупщину, занявшуюся принятием предусмотренных конституцией законов...

Но с некоторого времени, а особенно с момента, когда шеф Демократической партии принял участие в конгрессе оппозиционных партий в Загребе, в работе скупщины начались трудности...

Эти явления участились после новых переговоров шефа Демократической партии с оппозиционным блоком и с партиями, которые... солидаризировались с Хорватской крестьянской республиканской партией в борьбе против сегодняшней Видовданской конституции, требуя при этом переустройства нашего государства на федеративной основе...

Из-за такой позиции одной части Демократической партии тормозится регулярная работа скупщины, создаются препятствия для принятия безотлагательных законов...»³

Наиболее значимой из мер, принятых до распада блока «государствообразующих» партий и направленных на «укрепление централистской системы и унитаризации», было Распоряжение о разделении страны на области, изданное 26 апреля 1922 г. «По мнению создателей конститу-

¹ Закон о защите государства был принят 1 августа 1921 г. В соответствии с ним была запрещена деятельность Коммунистической партии. 58 депутатских мандатов коммунистов были аннулированы.

² «Особым препятствием для сохранения коалиции, созданной с целью принятия конституции, было то, что одна часть Демократической партии не была расположена к последовательному осуществлению конституции, а пустилась в переговоры с противниками конституции на предмет возможности ее ревизии» (*Marković L. Op. cit. S. 316*).

³ АЖ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 21.

ции, исторические края должны были быть преданы забвению как „очаги сепаратизма“. Руководствуясь этими соображениями, политические силы, принявшие конституцию, намеревались образованием новых „самоуправляющихся областей“ положить конец дальнейшему усилению „краевой идеологии“ и остановить процесс „племенного группирования“. В результате административного разделения государства должны были быть созданы области, в которых, ввиду их географического местоположения и численности населения, политическое объединение „племен“ стало бы невозможным¹. Страна была поделена на 33 области. Хорватия и Славония — на три, Далмация — на две, Словения — на две, Босния и Герцеговина — на шесть, Сербия в границах 1924 г. — на 15, «Южная Сербия» (Македония) — на три. Большая часть «Старой Сербии» (Косово) вошла в Косовскую область. Воеводина была разделена на две области. Черногория в границах 1913 г. составила отдельную область.

При определении границ и размеров областей «уставотворцы» руководствовались собственными интересами и, как они считали, интересами всех сербов. Области, созданные на территории Сербии, совпадали с традиционным административным делением. Районы Воеводины были «привязаны» к частям довоенной Сербии. Образование больших областей в Хорватии и Славонии сохраняло компактность масс проживавшего там сербского населения.

Активное сопротивление интеграционной политике Белграда оказывали «пречане». Всю первую половину двадцатых годов они провели в попытках создать коалицию антицентралистских сил. Так, после выборов 1923 г. Словенская народная партия, ХРКП и Югославянская мусульманская организация, образовав Федералистский блок, «сбирались отмстить неразумным сербам». По крайней мере, так грозился А. Корошец: «Это больше чем Федералистский блок... Это словенцы, хорваты и Герцег-Босна собрались вместе двинуться против белградского централизма для того, чтобы ни в Любляне, ни в Загребе, ни в Сараево не правили прислужники Пашича...»²

Впрочем, оппозиционность словенцев и мусульман была исключительно меркантильного свойства и не внушала больших опасений Белграду. Наибольшую угрозу режиму представлял Степан Радич. В 1921 г. им был создан Хорватский блок, в состав которого помимо ХРКП вошли Хорватское объединение и Хорватская партия права (франковцы). По мнению Д. Станковича, «сам факт, что такой блок был основан после объединения

¹ Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 142.

² Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 250.

и принятия Видовданской конституции, для радикалов означал возвращение к политической ситуации до 1918 г. ...Своим требованием созыва Хорватского сабора Хорватский блок не только открыл свои планы оформить государственный сепаратизм „хорватского племени“, но и выразил желание подорвать народное и государственное единство»¹.

В списке «смертных грехов» Радича на одном из первых мест стоял отказ от работы в Уставотворной скупщине. «Господа, мы должны глубоко сожалеть о том, что эта группа хорватских депутатов не соответствует тому, ради чего ее выбрали... Эти депутаты были обязаны приехать сюда и отстаивать свою позицию, ибо народ дал им мандат... Они этот мандат не выполняют»². Самыми тяжкими преступлениями были «оскорбления, нанесенные двору и династии», и так называемая «интернационализация» хорватского вопроса. В феврале 1919 г. Радич через «итальянскую военную миссию в Любляне» послал «меморандум мирной конференции», который должен был донести до глав великих держав весть о «протесте хорватских крестьян против сербской оккупации и создания Королевства СХС»³. О том же самом шла речь и в датированном мартом 1922 г. «Меморандуме Хорватского блока великой международной конференции в Генуе». Венцом «дипломатической акции» стало европейское турне Радича, предпринятое им с июля 1923 г. по июль 1924 г. Натолкнувшись на холодный прием в Лондоне, Радич нашел поддержку в Москве, где не замедлил 1 июля 1924 г. вступить в Крестьянский интернационал.

Как и в переходный период, после принятия конституции официальный Белград заявлял о своей решимости принимать «строгие полицейские меры против нарушителей государственного единства». Король Александр, узнавая об очередных выходах Радича, запальчиво восклицал: «Либо я, либо он!». В активную фазу борьба с «врагами государства» перешла в июле 1923 г. 23 числа фракция НРП в скупщине постановила, что «следует занять мужественную позицию по отношению к федералистам и наконец-то положить конец их разрушительной деятельности»⁴. Вскоре после этого Народная скупщина приняла решение о предании суду руководства ХРКП, в отношении которой был применен Закон о защите государства. Деятельность партии была формально запрещена. Арестовать самого лидера «республиканцев» удалось только в январе 1925 г.

¹ *Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 114.*

² *Marković L. Op. cit. S. 183.*

³ *Mužić I. Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Ljubljana, 1987. S. 46.*

⁴ Цит. по: *Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 320.*

после его возвращения из-за границы. Согласно сообщению главы МВД радикала Божидара Максимовича, лидеру Хорватской республиканской крестьянской партии — «организации в составе Коммунистического интернационала»¹ — помимо вступления в Крестинтерн инкриминировалось сотрудничество с югославскими коммунистами и македонскими сепаратистами, деятельность по разложению вооруженных сил.

Политика «твердой руки», как ее характеризовал М. Стоядинович, закончилась полным «триумфом» — пресловутой «капитуляцией ХРКП», заявление о которой прочитал в парламенте племянник Степана Радича Павел Радич. «Он от имени своего шефа и дяди, а также всей партии, заявил, что признает Видовданскую конституцию, признает государство. А в доказательство своей искренности сообщил о готовности представителей его партии войти в правительство Николы Пашича... Политические преступники из партии Радича были помилованы. Сам он, как это принято в Балканских странах, прямо из тюрьмы попал в министерское кресло... Это событие венчало усилия Николы Пашича по созданию прочного государственного объединения...»²

Соглашение радикалов и радичевцев должно было раз и навсегда устранить сербскохорватские противоречия. Как ни странно, подобный оптимизм радикалов основывался на признании того обстоятельства, что обе партии были «организованы на племенной основе». Л. Маркович говорил: «Новая коалиция положила конец всем спорам национального характера. Наступил новый период сербскохорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии... Два главных ствола нашей нации, сербский и хорватский, помирились. Это примирение означает, что хорватский вопрос, как национальный вопрос, больше не существует... Внутренняя ситуация в стране никогда не была лучше, чем сейчас, когда она свободна от каких-либо столкновений национального или конституционного характера»³.

§ 4. КРИЗИС «ЦЕНТРАЛИСТСКО-УНИТАРИСТСКОЙ» ПОЛИТИКИ БЕЛГРАДА

Предпосылки к повороту, предпринятому сербским руководством, можно обнаружить в «пречанской» политике, которую оно осуществляло в первые годы после завершения работы Уставотворной скупщины.

¹ Политика, 2 јануар 1925 г., «Обзнана је ноћас објављена».

² *Stojadinović M.* Op. cit. S. 200.

³ *Marković L.* Op. cit. S. 260–270.

В феврале 1921 г. английский военный атташе в Белграде, характеризую отношение центральных властей к оппозиции, указывал, что если Коммунистическая партия Югославии считалась «врагом режима», то ХРКП — «врагом государства»¹. И та и другая партия испытала на себе карательную силу Закона о защите государства. Однако, если коммунисты в августе 1921 г. были изгнаны из парламента и вынуждены были перейти на нелегальное положение, то радичевцы и до «запрета» их деятельности в 1923 г., и после него чувствовали себя весьма вольготно. Беспрепятственно выходила партийная пресса, руководители ХРКП пересекали границу страны в обоих направлениях, и, наконец, партия трижды принимала участие в парламентских выборах (в 1920, 1923 и в 1925 гг.), не признавая при этом легитимности скупщины. Степан Радич, персональный «аллерген» короля Александра, несколько раз попадал в тюрьму, но так и не был осужден.

Британский посол Албан Янг считал подобное «непротivление злу насилieм» проявлением «мудрости и терпения власти, позволившей ему (Радичу. — А. С.), несмотря на вызывающий характер его слов, сказать то, что он хотел»². Предположим, однако, что помимо толерантности, пассивность сербиянцев была вызвана и их недомыслием. Далеко не всем и не сразу стал очевиден ущерб, который причиняла стране деятельность ХРКП. Иллюстрацией служит описание Л. Стояновичем собственной попытки в 1922 г. организовать с Радичем «совместную деятельность». Так вот, лидер сербских республиканцев признается, что спустя два года после создания Королевства СХС ему все еще «не было ясно, была ли оппозиционность Радича направлена против Видовданской конституции или против государства»³.

«Заторженность» сербов проявилась и в растерянности от «неожиданного» триумфа республиканцев в Хорватии на выборах в Уставотворную скупщину. На протяжении длительного времени в Белграде, упивавшемся своими военными и дипломатическими успехами, Радича просто не принимали всерьез. Более пяти лет потребовалось на осознание того, что этот «политический клоун» является единственным политическим представителем хорватов. Известно, что победа ХРКП на выборах в Уставотворную скупщину стала неприятным сюрпризом. Считалось, что вне конкуренции так называемые «трезвые хорваты» (Народный клуб), проголосовавшие осенью 1918 г. за объединение с Сербией. Урок, полученный

¹ Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 103.

² Avramovski Ž. Op. cit. S. 45.

³ Stojanović Lj. Joш o српском питању // NE. Knj.12, br. 14, s.415. 11 Novembra 1925.

в 1920 г., не пошел впрок. Через три года сербы не стали прозорливее. Обратимся еще раз к работе Д. Станковића: «Даже самые большие пессимисты в руководстве Радикальной партии не могли предугадать подобный исход выборов 1923 г., а тем более победу Радича, означавшую оформление антицентрализма»¹.

Кроме того, следует отметить, что к услугам Радича прибегал не только Давидович, но и само руководство НРП. Не прошло и года после принятия доставшейся дорогой ценой конституции, как «уставотворцы» принялись посылать в Загреб сигналы о своей готовности к взаимовыгодному сотрудничеству. Резолюция конференции НРП от 13 декабря 1921 г. содержала положение о возможности «ревизии конституции»: «Радикальная партия рассчитывает на практическое применение Устава... а если при этом обнаружится, что некоторые конституционные положения угрожают специфическим интересам хорватов, то радикалы будут за изменение этих положений»².

Мотивацию усилий НРП по налаживанию отношений с ХРКП исчерпывающе описывает обвинение, адресованное самими радикалами лидеру «сербиянских» демократов: «На самом деле господин Давидович не стремился к решению хорватской проблемы. Он хотел сербскохорватский спор использовать для удовлетворения партийных интересов, для усиления Демократической партии...»³. Заигрывая с Радичем, с которым они «вот-вот договорятся обо всем», радикалы оказывали давление на своих партнеров по правительственной коалиции. Как пишет Б. Глигориевич, «кампания радикалов против их конкурентов в правительстве, особенно против политики министра внутренних дел Прибичевича, свелась к требованию уступить этот важный портфель. Получив его, радикалы собирались убить двух зайцев: а) удовлетворить своих сторонников в плане распределения постов в местных органах власти... б) устранением Прибичевича, яркого централиста, произвести хорошее впечатление в Хорватии...»⁴.

Стремлением радикалов получить преимущество над демократами объяснялось и настоятельное пожелание хорватским республиканцам ни в коем случае не принимать участия в работе белградской скупщины, где они могли бы помешать НРП сформировать правительственное большин-

¹ Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 275.

² Др. Лазар Марковић о значају Резолуције земаљске конференције радикалне странке од 13. децембра 1921. године са становишта односа према хрватима // Станковић. Ђ. Никола Пашић... С. 433.

³ Marković L. Op. cit. S. 232.

⁴ Gligorijević B. Parlament i političke stranke... S. 119.

ство. Расплачиваться приходилось приостановлением реализации Устава. В частности, тормозилось исполнение пресловутого Распоряжения. Выборы в областные органы самоуправления «задержались» до 1927 г., хотя должны были состояться в 1922 г. В Хорватии так называемый переходный период длился аж до 1925 г.¹ В течение этого времени в мятежном регионе, которого передел должен был бы коснуться в первую очередь, сохранялась старая административная система во главе с наместником и откладывалось применение многих государственных законов.

13 апреля 1923 г. негласное взаимовыгодное сотрудничество НРП и ХРКП было оформлено подписанием секретного Маркова протокола², согласно которому первая обязывалась прекратить «дробление Хорватии», а вторая, способствовать образованию однопартийного правительства Пашича, то есть не появляться в Белграде. Протокол остался неисполненным, так как Пашич, добившись необходимого результата, дезавуировал соглашение с Радичем. ХРКП перешла на сторону Оппозиционного блока, а ее лидер, взбешенный вероломством Пашича, многократно увеличил остроту своей антигосударственной и антидинастической риторики. Попав под действие Закона о защите государства, он вынужден был бежать за границу.

Подготовку взаимоотношений в треугольнике «радикалы — демократы — радичевцы» раскрывала «Политика» от 5 июля 1924 г.: «Основные государственные интересы стали предметом постыдного межпартийного торга, которому нет конца. Пока г. Радич не перешел к г. Давидовичу, он не был изменником для правительства г. Пашича, хотя оно имело большинство в скупщине и могло предать г. Радича суду... И если бы г. Радич не переметнулся бы к г. Давидовичу, правительство г. Пашича спокойно бы правило, а г. Радич спокойно бы сидел в Загребе»³.

Наиболее «успешно» и изощренно центробежный потенциал хорватов и словенцев использовал в своих интересах Александр. А они состояли в уменьшении роли скупщины и ослаблении партий, в первую очередь НРП. Свое антипарламентское кредо монарх выразил в беседе с отставным генералом, министром транспорта С. Милосавлевичем во второй половине 20-х гг.: «Постоянно говорится, что стране нужен демократический парламентский режим. А этот режим навязывает нам не только

¹ Станковић. Ђ. Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 78.

² Протокол назван по имени подписавшего его от имени НРП Марко Джуричича.

³ Политика, 5 јул 1924 г., «На суд!».

выборы и агитацию, но, как мы видим, и другие трудности и негативные явления. Вам бы следовало объяснить вашим коллегам в правительстве и всем другим нашим выдающимся политикам, что их деятельность в конце концов ведет страну к хаосу и развалу»¹.

В переходный период король под предлогом защиты государства от сепаратистской активности прогабсбургских реваншистов и республиканцев повел наступление на прерогативы Временного народного представительства и местных органов власти. Был наложен запрет на ратификацию объединительного Перводекабрьского акта хорватским сабором. Приданию оправданности режима чрезвычайщины должна была служить преднамеренная эскалация междоусобицы сербов и католиков в новоприсоединенных территориях. С этой ролью более чем успешно справлялся Светозар Прибичевич, лидер Демократической партии, которая должна повести страну к «светлому», свободному от носителей «племенного сепаратизма» будущему. Однако в силу объективных и внутренних причин ДП не выполнила определенного ей предназначения. В первой половине 1920-х гг. только союз двора с постылыми ему радикалами был способен держать так называемый централистский курс.

Возможность вернуться к осуществлению своей приоритетной цели король видел в «капитуляции» Радича, устранившей, хотя бы формально, главную причину государственной нестабильности. Выпущенный из тюрьмы на белградскую политическую арену новый «специалист по Хорватии» должен был способствовать «разжиганию межпартийных противоречий, созданию парламентских кризисов, в которых король выступал бы в роли арбитра...»². Следует отметить, что согласно свидетельствам широкого круга современников коалиция с ХКП была навязана радикалам именно Александром.

М. Антич вспоминал: «Так как большая часть политической общественности была уверена в том, что Радич не конструктивен и не способен к сотрудничеству, учитывая его поведение с 1918 г. по 1925 г., вставал большой вопрос, а не был ли разрыв коалиции Пашич – Прибичевич частью адского заговора по свержению Пашича, т. к. с большой вероятностью можно было ожидать, что комбинация Пашич–Радич не будет успешной...»³.

Еще при жизни Пашича М. Стоядинович раскрывал замысел Александра: «Главное желание монарха — иметь послушное правительство, чтобы в удобный момент установить собственную диктатуру. Руковод-

¹ АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 81.

² *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 203.

³ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9438.

ствуясь этими устремлениями, наш двор в последнее время начал действовать активнее. Столкнувшись с сильными партиями, двор возжелал любыми средствами ослабить их, поставить в зависимость от себя. Средством достижения данной цели король избрал приближение к себе одних государственных деятелей и отдаление других. Главный удар пришелся на Радикальную партию, как сильнейшую. Фаворизируя всех врагов партии и её руководителей, король получил послушное окружение из новых, неопытных и алчущих славы министров...»¹

Более определенно высказывались югославские коммунисты: «Курс двора сводится к тому, чтобы при помощи коалиции по возможности ослабить Радикальную партию и путем уступок кроатскому и словенскому капиталу (предоставление кредитов, введение однообразной налоговой системы и т. п.) расширить свой базис и, окружив себя незначительными партиями, играть руководящую роль в политической жизни страны»².

«Вождь хорватского народа, некогда пламенный республиканец, ставший столь же пламенным монархистом», не обманул ожиданий венценосца. За время действия «сербскохорватского соглашения» сменилось четыре кабинета. И все правительственные кризисы были вызваны поведением С. Радича. По обвинению в коррумпированности были устранены из исполнительной власти лидер НРП и его соратники. М. Стоядинович вспоминал, в то время как он вел переговоры об отсрочке сербского долга Франции и США, Радич, по наущению Александра поливавший грязью главу правительства, мимоходом обвинил министра финансов в том, что он по пути в Америку проиграл на пароходе 500 000 франков³. Самого Н. Пашича удалось одолеть в апреле 1926 г. во время парламентского обсуждения афер его сына Радомира. «От Радича потребовали подать в отставку, которая вызвала падение всего правительства. Так наступила последняя драматичная фаза борьбы против Пашича»⁴, — вспоминал Антич.

Главным успехом союза двора и ХКП стала дискредитация югославского парламента, которая была условием установления режима личной власти Александра. Парализовать работу скупщины удалось испытанным способом, направив в нужное русло тлеющий сербскохорватский конфликт — первопричину большинства политических катаклизмов в Королевстве СХС. После сентябрьских выборов 1927 г. король вынудил Л. Давидовича отказаться от вхождения в «демократический блок», ко-

¹ АЖ, ф. 37 (Милан Стоядиновић), фасцикла 9–4.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 69, д. 215, л. 4.

³ *Stojadinović M.* Op. cit. S. 201, 206–213.

⁴ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

торый должны были образовать ХКП, Самостоятельная демократическая партия Прибичевича, ДП, сербские Земледельцы и ЮМО¹. В результате вместо широкой коалиции «сербиянских» и «пречанских» партий 10 ноября 1927 г. была создана Крестьянско-демократическая коалиция некогда двух злейших врагов, Радича и Прибичевича. Вожди КДК обещали повести борьбу с «гегемонией Сербии» методами «технической обструкции, из-за которой нас жандармы будут выносить из скупщины»².

Таким образом, «буря вокруг афер Рады Пашича, смерть патриарха радикалов... появление «Пречанского фронта», выборы 1927 г. — все это были, — по словам Й. Хорвата, — сцены из исторической пьесы, режиссером которой был король Александр»³. То, что создание «Пречанского фронта» входило в его планы по свержению парламентаризма, подтверждается тем обстоятельством, что в течение 1927–1928 гг. Радич со скупщинской трибуны «благовествовал» пришествие диктатуры. В декабре 1927 г. он, единственный из всех лидеров партий, одобрил назначение генерала С. Милосавлевича на «гражданский» пост министра транспорта. В апреле 1928 г. в качестве «особы, приближенной к императору» Радич грозил парламентскому большинству генеральским правительством: «Придет генерал и разгонит их, как они того заслуживают»; «важна сама идея, что генерал будет председателем правительства... Это означает, что король занимает причитающееся ему положение арбитра, судьи между двумя сторонами. Что может быть естественней того, чтобы король... как арбитр нашел компромисс. И тогда вполне естественно, что придет генерал, не партизан, а представитель короля»⁴. На руку Александру «крестьянские демократы» действовали даже после смерти С. Радича⁵ и после

¹ Доверенное лицо Александра, загребский медиамагнат Тони Шлегел писал министру двора Д. Янковичу: «По возможности препятствую слиянию КДК с группой господина Давидовича, который слишком слаб, чтобы сдерживать необузданных господ Радича и Прибичевича» (АЖ, ф. 335, фасцикла 6).

² Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 336.*

³ *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 278.*

⁴ Цит. по: *Казимировић. В. Србија и Југославија: 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 513.*

⁵ О степени доверительности отношений между монархом и руководством ХКП говорится в датированной 15 января 1929 г. «Характеристике новых министров» из собраний советского МИДа: «Король относился с большой симпатией к покойному Павлу Радичу и был очень опечален его смертью. Благодаря этому король и назначил сына Павла Радича своим стипендиатом, отправив его в Париж» (АВПРФ, ф. 144, год 1929, оп. 1, папка 2, д. 39, л. 3).

заявления его политических наследников о непризнании легитимности Перводокабрьского акта 1918 г. и конституции 1921 г. По мнению Мачека, высказанному в декабре 1928 г., уладить отношения между Сербией и Хорватией могло образование только «внепарламентского, диктаторского правительства». По подсчетам Б. Глигориевича, это было третье издававшееся из Загреба предложение об введении диктатуры¹.

Напустив Радича на своих многолетних противников, Александр намеревался держать его под контролем или на худой конец нейтрализовать ущерб, который он не мог не нанести государству. Вплоть до 1927 г. лидеру ХКП не давало забыть о том, что «есть высший суд», не отмененное Извещение (Обзнана) — запрет на деятельность его партии. С 1925 по 1928 г. Александр подыскивал Радичу замену на тот случай, если он отойдет от рук. Большую известность получил так и не реализованный проект создания партии «хорватской интеллигенции», в которую должна была войти разношерстная публика: от А. Трумбича до «диссидента» ХКП Н. Никича. Наиболее эффективными оказались испытанные еще в начале 1920-х гг. методы: угрозы «ампутации Хорватии» и политическое «окружение Хорватии» с помощью словенцев. Прозвучавшее летом 1928 г. из уст короля предупреждение о возможности разделения страны, как за благорассудится сербам, отрезвило наиболее горячие головы в руководстве ХКП, помышлявшие о создании хорватского государства до Земуна и Котора.

Покупка лояльности Словенской народной партии была оформлена 10 июля 1927 г. подписанием Бледского договора, согласно которому словенцы, по словам Л. Марковича, получили «практически настоящую автономию»². «Как приграничной области Словении для ее наиболее благоприятного развития были гарантированы все экономические и социальные льготы», — пишет Надежда Йованович. За это СНП обязывалась «признать государственное устройство, основанное на Видовданской конституции»³. Услуги Корошеца пригодились накануне установления «Шестоянварской диктатуры». На посту последнего премьера Королевства СХС глава словенских клерикалов демонстрировал *Urbi et orbi* идиллию взаимоотношений католиков и православных. После 6 января 1929 г. святой отец занял пост министра транспорта в кабинете генерала Живковича.

¹ *Gligorijević B. Parlament i političke stranke... S. 266.*

² *Marković L. Op. cit. S. 320.*

³ *Јовановић Н. Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974. С. 214.*

* * *

Введение диктатуры в начале 1929 г. служило помимо удовлетворения властолюбия Александра Карагеоргиевича еще одной цели — сохранению целостности Югославии. Тем самым сербские правящие круги признали провал проводимой ими в течение десяти лет интеграционной политики.

Взглянув через эту призму на десятилетие Королевства СХС, можно с известной долей условности разделить сербские политические группировки на «безответственные» и «ответственные». К первым следует отнести так называемый «сербский оппозиционный блок», возглавляемый Л. Давидовичем. Все эти годы он шел в фарватере чужой политики. Ко вторым — НРП и двор. Им принадлежит заслуга создания страны и принятия конституции. Во время и после окончания работы Уставотворной скупщины многим казалось, что Н. Пашич и монарх преодолели свои разногласия во имя защиты интересов «сербства», состоявших в государственном централизме, от центробежных устремлений католиков и мусульман.

Однако уже первая половина 1920-х гг. была отмечена вовсе не принятием мер в духе «унитаризации», а переговорами с сепаратистами на предмет приостановления громогласно продекларированного «осуществления конституции». Причиной тому — «родовые черты» белградских политиков. Во-первых, характер их взаимоотношений с «освобожденными братьями» определялся обыкновением использовать любую государственную проблему в качестве инструмента для достижения сиюминутных узкопартийных целей. Перманентно острый хорватский вопрос предоставлял в этом отношении богатые возможности. Сепаратистские наклонности «пречан» после принятия Видовданского устава были не столько объектом терапии, сколько последним весомым аргументом междоусобной борьбы фракций «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета». В этом плане отличие давидовичевцев от НРП и двора состояло в том, что если первые полностью утратили идейную ориентацию, погрязнув в квазидемократическом пустословии, то вторые пытались совместить политику усиления государства с мелкой розничной продажей государственных интересов. В результате, решение тактических задач попросту заслонило общие генеральные цели, красноречиво описанные идеологами-унитаристами.

Во-вторых, Белград оказался неготовым к воплощению интеграционной идеи, которая была выдвинута прежде всего для защиты интересов всех сербов Королевства СХС. И трех шагов не было сделано по пути

к государственному единству, как первые же электоральные неудачи поумерили пыл радикалов. По воспоминаниям М. Стоядиновича, функционеры НРП были разочарованы результатами выборов 1923 г., показавшими низкую популярность радикалов в несербских областях. «Этот опыт так повлиял на руководство партии, что в дальнейшем оно решило всю активность посвятить только сербскому электорату, предоставив словенцев словенским партиям, а хорватов хорватским»¹. Сербь из Хорватии, в свою очередь, были отданы на откуп Прибичевичу.

Воплощением «племенного мировоззрения» сербской политической элиты стал принятый в 1923 г. избирательный закон, согласно которому львиную долю мандатов получали не те партии, чьи избиратели жили по всей стране, а те, чей электорат располагался компактными массами в отдельных избирательных округах. В результате в парламент проходили помимо триумфаторов (ХРКП, НРП и СНП) черногорские федералисты, немцы и т. д. Без мандатов оставались партии, лишённые племенной окраски, — социал-демократы, республиканцы и др. Радикалам сподручнее показалось закрепить за собой репутацию «политического представителя сербского народа» и в этом качестве поделить страну на сферы влияния с такими же «племенными партиями». Через два года было заключено соглашение радикалов и радичевцев, по которому враг государства № 1 стал министром, еще через два — Бледский договор, отдавший Словению в руки Корошецу.

Об отказе официального Белграда от реализации идеологии национального унитаризма и «державного» централизма свидетельствовало создание коалиции НРП и ХРКП и ее идейное обоснование. Если раньше речь шла о «борьбе государствообразующих элементов с коалицией антигосударственных экстремистов, желающих, — по словам Пашича, — заманить страну в западню, из которой ей не будет спасения»², то в июле 1925 г. прежнее противостояние преподносилось как «столкновение национального, конституционного характера», борьба двух «главных стволов нации». «Примирение» хорватов и сербов в результате сговора двух «организованных на племенной основе» партий, одна из которых по закону до сих пор запрещена, не может считаться триумфом политики «обережения и усиления государства».

В целом, как показывают современные исследования сербских авторов, «национальный унитаризм и государственный административный

¹ *Stojadinović M.* Op. cit. S. 183.

² Изборни проглас Народне радикалне странке од 4 фебруара 1925 // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 340.

централизм» в Королевстве СХС остался пропагандистским орудием в руках противоборствующих политических группировок: «Видовданская конституция не была осуществлена в государственно-правовой, а тем самым и в политической практике, так как не была подкреплена соответствующими законами... Юридические и правовые системы, унаследованные от предшествующих государственных состояний, в значительной степени продолжали действовать. Поэтому Королевство СХС характеризовал государственно-правовой партикуляризм. Шесть „исторических“ правовых зон... существовали и дальше...»¹. «Унификация судебной системы, как и системы местного самоуправления, так и не была осуществлена»². «Выравнивание налогообложения», обещанное Пашичем в 1923 г., произошло только в январе 1928 г.³ До этого налоговое бремя в «пречанских» регионах было тяжелее, чем в Сербии. Главной жертвой этого неравенства была Воеводина. Все вышеперечисленное дает Николе Жутичу основание утверждать, что «государственно-правовой переходный период» продолжался вовсе не до июня 1921 г., а до 1929 г., когда правовое единообразие было достигнуто узурпировавшим власть королем. Не менее категоричен Иван Бецич, характеризующий Королевство СХС как «государство, неспособное удовлетворить свои собственные небольшие потребности и которое на практике функционирует само по себе, а не в результате четко определенного курса. Ситуация в скупшине и в королевстве в целом дает основание сказать, что молодая страна была не готова к объединению...»⁴.

От того, что к 1929 г. государственное единство существовало только на бумаге, в первую очередь страдали интересы сербского народа, для защиты которых и было создано Королевство СХС. Если хорваты преуспели в деле национальной интеграции, то сербы, по словам Д. Станковича, вступили на путь «национальной демобилизации»⁵. Как писал в «Новой Европе» боснийский серб Р. Джерманович, после войны «сербство» начинает делиться на «сербство освобожденных», или «сербиянщину», и «сербство

¹ *Žutić N.* Ministarski savet Kraljevine Jugoslavije. Obrazovanje, organizacija i pravni položaj u sistemu vrhovne državne uprave // *Istorija 20 veka*. I. 1998. S. 29.

² *Zecević M.* Југославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994. С. 47.

³ *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 254.

⁴ *Becić. I.* Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923. (магистерская диссертация, защищенная на Философском факультете Белградского университета в 2002 г.).

⁵ *Станковић. Ђ.* Указ. соч. С. 81.

освободителей». «Сербство освобожденных дробится по провинциям, каждая из которых живет своей жизнью, т. к. у них нет крепких связей друг с другом. В последние 20 предвоенных лет связи поддерживались через Сербию. Народ в освобожденных провинциях в замешательстве, не может определиться, податься ли ему в югославянство или склониться к сербиянщине... Сербство освобожденных ограничено областями. Пребывающая в неопределенности, оно начинает быстро исчезать»¹.

Главным свидетельством утраты сербами ощущения принадлежности к единому целому было появление на политическом небосклоне Королевства СХС «Пречанского фронта». Трудно определить, насколько хорватские сербы прониклись идеей солидарности со сторонниками Радича, но показателен сам факт того, что Прибичевич не побоялся реакции своих избирателей и предпочел участие в КДК продолжению монархической и унитаристской политики. Очевидно, уже упомянутый «государственно-правовой партикуляризм» и в первую очередь неравное налогообложение для «освободителей» и «освобожденных» были не лучшим фоном для их сближения. Укором политическим вождям сербов всего Королевства СХС можно считать слова Иво Белина — экономического обозревателя «Новой Европы»: «По вопросу о налогах сербскому крестьянину из Срема и Воеводины даже немец и венгр ближе сербиянца»².

¹ *Бермановић Р.* Србијанштина и југословенство // *НЕ. Кпј.* 16, бр. 8, с. 242. 16 Октобра 1927.

² *Белин И.* Економски преглед. «Пречански фронт» // *НЕ. Кпј.* 16, бр. 12, с. 389. 26 децембра 1927.

Глава III

ХОРВАТСКАЯ ПОЛИТИКА

Так называемый «хорватский вопрос» был определяющим для судьбы Королевства сербов, хорватов и словенцев. Именно им была вызвана большая часть событий, которые описывают современные исследователи, излагая историю межвоенного периода. По мнению В. Казимировича, суть «хорватского вопроса» состояла в негативном отношении хорватов к случившемуся 1 декабря 1918 г. «Сам факт того, что он появился в повестке дня сразу после образования государства, ясно свидетельствует о том, что он не был вызван сиюминутной политической обстановкой, а служил проявлением несогласия Хорватии с нахождением в общем с Сербией государстве»¹. К этому суждению сербского историка можно добавить, что как явление политической жизни «хорватский вопрос» получил оформление в столкновении с, условно говоря, «сербским вопросом», который лежал в основе создания Югославии.

Непосредственной ареной сербскохорватского противостояния были считавшиеся хорватскими области, присоединившиеся в составе так называемого Государства СХС к Королевству Сербия. В начале описываемого десятилетия интеграционные устремления сербов направлял Светозар Прибичевич. Во главе сепаратистского порыва хорватов стоял «республиканский» вожак Степан Радич. К концу 1920-х гг. оба сохранили доверие народных масс, но в то же время кардинально изменили собственные программные установки. С. Радич из ярого «республиканца» превратился

¹ *Казимировић В.* Србија и Југославија: 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 565.

в едва ли не фаворита короля Александра Карагеоргиевича, а С. Прибичевич «отряхнул со своих ног прах» монархизма, централизма и национального унитаризма и перевоплотился в «республиканца-федералиста». При этом вначале злейшие враги, теперь они были неразлучными друзьями и союзниками по Крестьянско-демократической коалиции. Непросто определить, в какой мере идеологические кульбиты обоих персонажей соответствовали эволюции настроений жителей Хорватии. Посильной и любопытной задачей кажется определение логики поведения двух трибунов, в отличие от большинства других деятелей югославского парламентаризма, в первую очередь «сербиянских», достигших в 1920-е гг. пика своей политической карьеры.

§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА ХОРВАТСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ (ХРКП) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

В Королевстве СХС в 1920-е гг. лидеры крупнейших партий (таких как Народная радикальная, Словенская народная, Хорватская республиканская крестьянская, Самостоятельная демократическая партии и т. д.) не столько считали себя руководителями политических организаций, сколько претендовали на роль единоличных представителей интересов того или иного народа. В этом отношении абсолютное первенство принадлежало Степану Радичу — главе Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП), переименованной в 1920 г. в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП), а в 1925 г. — в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). Сравниться с Радичем не могли даже лидер сербских радикалов Никола Пашич и король Александр Карагеоргиевич, имевшие в лице друг друга сильных конкурентов. Отнюдь не выглядят преувеличением слова Г. В. Чичерина, передающие самооценку С. Радича: «По его схеме, хорваты — это его партия («хорватское народное представительство»), а его партия — это, в сущности, он»¹.

Радичевское высказывание, достойное «короля-солнце», относится к июлю 1924 г. и служит не чем иным, как констатацией реального положения вещей — на тот момент ХРКП была единственным политическим представителем хорватского народа, или «хорватской части триединого

¹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов. Часть 2 (июнь 1924 г. – декабрь 1926 г.) (ответственный редактор Гришина Р. П.) М., 2003. С. 48.

народа сербов-хорватов-словенцев», как сказали бы национальные уни-таристы того времени. Успех Радича выглядит особенно впечатляющим, учитывая, что «до 1918 г. мало кто принимал Степана Радича всерьез. Он был депутатом Сабора, но говорил от имени сословия, по большому счету лишенного права голоса. Только в 1920 г., когда в новом государстве было провозглашено всеобщее право голоса для мужчин..., радичевское влияние на массы стало явным»¹. Настолько явным, что на югославской политической сцене не осталось места другим партиям, которые бы носили атрибут «хорватский».

Монополия ХРКП на хорватский электорат свидетельствовала, по мнению уже процитированного нами американско-хорватского автора Иво Банача, о «завершении процесса хорватской национальной консолидации»². «Благодаря деятельности партии Радича, — продолжает автор, — хорватская национальная идеология охватила и самые отдаленные деревни, все селения, где живут хорваты». Мнение апологета ХРКП разделяет и более критично настроенный Джордже Станкович. Заслугой Радича он называет «окончательное формулирование хорватской национальной программы в Югославии» и «тотальную гомогенизацию хорватского народа»³. Единодушие двух видных исследователей, столь различных меж собой, побуждает нас принять на веру их оценку лидера ХРКП. Однако в некоторое замешательство читателя приводит естественно встающий вопрос: каковы же были основы «национальной программы» Радича, которого при жизни нельзя было упрекнуть в идейной и моральной стойкости? Без преувеличения, за время политической деятельности он отрекался от всего и предавал всех. Перечисление всех этапов идеологической «эволюции» Радича представляло бы весьма утомительное чтение. Дадим слово его современникам. Интересно, что и они, невзирая на свою «разношерстность», выступают в оценке лидера ХРКП на удивление согласно.

Бывший австро-венгерский наместник в Боснии генерал Степан Саркотич, после мировой войны один из лидеров прогабсбургской хорватской эмиграции, за беспринципность назвал С. Радича «ненормальным человеком» (курсив мой. — А. С.)⁴. «Я не могу считать нормальным человека, который из апологета Марии Терезии, Франца Иосифа, одним словом, обожателя Габсбургов, превратился в габсбургоненавистника и поклон-

¹ Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 184.

² Banac I. Op. cit. S. 186.

³ Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 322.

⁴ Цит. по: Казимировић В. Србија и Југославија: 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 507.

ника династии Карагеоргиевичей... Нормальным не может быть человек, который присвоил чистейшую программу Анте Старчевича, смешал ее с несколькими каплями социалистического масла и выдает теперь за свою собственную. Потом он клянется на могиле Старчевича. Там и везде на митингах произносит ультрахорватские речи о «Святой Хорватии», а на следующий день от всего отрекается, включая «Святую Хорватию», и все это кладет как жертву на алтарь великосербства... Такая постоянная перемена мнения и позиции без сомнения ненормальна... Переход от монархизма через республиканизм к советизму, а от советизма через республиканизм к монархизму за столь короткое время показывает, что мы имеем дело с каким-то редким ненормальным клоуном... Эта моральная и душевная ненормальность, которую, несомненно, констатировали бы психиатры, и есть единственная причина бесчинств и злодеяний, совершенных Радичем по отношению к собственному народу»¹.

Солидарно с реваншистом-монархистом Саркотичем выступает и его политический антипод Войислав Маринкович — представитель сербского истеблишмента, деятель Демократической партии: «По-видимому, нашему государству суждено бороться с сумасшедшими. Не успели еще избавиться от Д'Анунцио в Риеке, а в Загребе уже появился Степан Радич»².

Призыв «Остановите безумие» подхватывает и лидер социал-демократов хорват Витомир Корач: «Во многих отношениях Стипа Радич напоминает тех патологических типов, которые, благодаря стечению обстоятельств, играли большую роль в хорватской политике. Он не только похож на них, но и сам классический представитель такого рода людей. Это была бы очень благодарная тема, если бы какой-нибудь специалист по душевным болезням обратил внимание на столь классический пример политической патологии... Мы все, занимавшиеся в Хорватии политикой и знающие Стипу Радича, дошли до твердого убеждения... что он совершенно *ненормальный человек*. Но в политике приходится считаться со всеми обстоятельствами — и с ненормальными, и с *патологическими типами*. Только нужно открыто об этом говорить, чтобы и широкие массы знали, о чем речь»³.

К мнению «широких масс» апеллировала белградская газета «Политика», назвавшая Радича «впавшим в детство дураком», «шарлатаном» и «*патологическим типом*, за которым стоит сегодня весь хорватский

¹ Цит. по: *Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 442.*

² Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Заоставштина Воје Маринковића. Бр. 14.439/283.

³ Архив Југославије (далее — АЈ), ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 40.

народ»¹. Солидарно с сербскими коллегами выступал Иван Херцог, выпустивший в загребской «Новой Европе» статью «Патологическая политика»². Больного алкоголизмом Радича автор квалифицирует как «винного политика», «чьи принципы — пустые фразы, которыми он скрашивает свои тосты».

«Достоверно известно, что в последнее время он был абсолютно неспособен что-либо воспринимать, если не вливал в себя привычный объем — 3 литра вина. Естественно, это оказывало сильное влияние на его психическое состояние. Вследствие этого более или менее постоянного патологического состояния... Радич не мог находиться в уравновешенном расположении духа... а также следовать правильному систематическому ходу мысли. Наоборот, в этом психопатологическом состоянии с ним постоянно случались эксцессы. Он кидался из одной крайности в другую... Это яснее всего видно на примере его выступлений, в которых он все время перескакивает с одного предмета на другой. Поэтому они часто выглядят бессмысленными и неразумными»³. Данные слова принадлежат перу Михаила Банковича, который в 1928 г. откликнулся на обращение Саркотича и Корача, выпустив в Вене «Stjepan Radić — Eine Psychoanalytische Studie». Идеологические «скачки» председателя ХРКП, «ярко выраженного истерика, который войдет в анналы психопатологии», Банкович объяснял присущей тому «моральной невменяемостью» и «психической анархией». Последняя лучше всего проявляется в его так называемой политической деятельности. В 1898 г. он предстал перед нами как самый убежденный сторонник идеи объединения сербов и хорватов под лозунгом «сербы и хорваты — один народ, братья». Несколько лет спустя, выжав из этого лозунга всю возможную пользу, он не только отказался от этого объединения, но стал главным его противником. Всю свою враждебность он концентрирует в неописуемую ненависть по отношению к Сербии и сербам. В 1914 г. он обвиняет их в убийстве Франца Фердинанда, называет сербов прямыми виновниками той «заранее подготавливаемой войны». При этом он был верноподданнейший восхвалитель императора Франца Иосифа и всей династии Габсбургов... В новом государстве из убежденного монархиста Радич превратился в яростного республиканца... В 1924 г. мы видим Радича на пути в Москву, где он ведет себя, как самый главный коммунист. Но на следующий день 14 июля 1925 г. он опять превращает-

¹ Политика, 17 апрель 1923 г., «Дете или Будала? Шарлатан или лудак?».

² *Hercog I. Patološka politika (Politički pregled) / / Nova Evropa (далее — NE). Knjiga III, broj 10, s. 315. Zagreb, 11 Novembra 1921.*

³ Цит. по: *Станковић Ђ. Изазов нове историје. Београд, 1992. С. 163–178.*

ся в первейшего монархиста, высказывает одобрение всему, против чего боролся... Как только его положение укрепилось, Радич продемонстрировал, что остался верен своим старым разрушительным принципам... Радич подписывает договор с Италией, Венгрией и Россией, заключает соглашения с разными партиями внутри Югославии, но всех их обманывает, всех до одного... Он берет на себя обязательства, но не выполняет ни единого, оправдываясь удобной формулой, которую он озвучил на заседании Лиги Наций в Женеве в 1925 г.: «До сегодняшнего дня я был безумен, но в любом безумии есть свой предел»¹.

* * *

Необходимость придерживаться источниковедческой методологии требует от нас осмотрительного, если не сказать скептического, отношения к тому, что выглядит как наветы врагов и завистников. Однако наш подход к вышеприведенным мнениям не может быть столь однозначным. С одной стороны, отметить их полностью мешает то обстоятельство, что уж слишком широк и неоднороден круг радичевских недоброжелателей. К тому же эскапады Радича, особенно на европейской арене, вызывали неприятие и в его ближнем кругу. Так, в июле 1924 г. жена Радича Мария жаловалась школьному другу мужа, что тот «весь переменялся» и что «когда-нибудь все здание (партия Радича) рухнет... Вступление Радича в московский Крестьянский интернационал противоречит всему, что он говорил ей... и она боится, что этот его шаг — результат того болезненного состояния, в котором он находится... что его сумасшествие скоро станет явным»².

С другой стороны, в процитированных характеристиках нельзя не разглядеть стремления дискредитировать Радича. Многим современникам лидера ХРКП, особенно хорватам, трудно было признать в этом, по словам Керубина Шегвича, «вожде озлобленных, ослеплённых и пьяных» нового и единственного хорватского «апостола». Найти выход из наметившегося логического затруднения не составит труда, если предположить, что критики Радича не столько ошибались в своем суждении о нем, сколько имели слишком комплиментарное представление о тех, кто за него голосовал. Нам с высоты исторического опыта известно, что в межвоенный период в Европе черты «ненормальности» и «патологии» можно обнаружить равно как у лидеров народных (национальных) движений, так и у самих народов.

¹ Там же.

² АЖ, ф. 335, фасцикла 21.

Наше предположение снимает мнимое противоречие между точкой зрения Банаца – Станковича и оценками политиков 1920-х гг. Именно те черты Радича, которые некоторыми современниками воспринимались как слабости ненормального человека, в политической практике были его сильными сторонами. Они позволяли лидеру ХРКП соответствовать послевоенным настроениям хорватского крестьянства, которое Радич, по собственному признанию, «никуда не вел... а только верно и честно интерпретировал»¹. Общий принцип этой «интерпретации» всегда оставался неизменным, как не менялись и некоторые основные лозунги, соответствовавшие константным настроениям хорватских масс. Что же касается отсутствия идеологической устойчивости, то в начале XX века, когда события происходили стремительно и непредсказуемо, она могла только уменьшить достоверность пресловутой «интерпретации». Как писал Йосип Хорват, «Степану Радичу была чужда любая политическая догма... обладая способностью предугадывать ход событий, он всегда руководствовался тем, как в дальнейшем сложатся обстоятельства... Для него самой важной догмой было прислушиваться к пульсу крестьянского мира, подстраивать под его ритм концепцию и тактику своей политики. Это было единственной постоянной в его политической активности...»².

* * *

На рубеже первого десятилетия XX века Радич в «кардиограмме» крестьянского мира прочитал явное раздражение от послевоенного национально-территориального переустройства. Прибегнем еще раз к свидетельству Й. Хорвата: «Радич увидел, что югославянство как политическое понятие абсолютно чуждо хорватскому крестьянству. Ему также отвратительна и жесткая государственно-правовая политика. Но он знал, что если югославянство не понятно крестьянству, то в его душе вызывают резонанс хорватские националистические лозунги. Это он принимал в расчет, выстраивая свою тактику». С хорватским публицистом согласны и другие современники.

По словам Анте Трумбича, «Радич хорошо разгадал душу хорватского крестьянина, вернувшегося домой после четырехлетних страданий за чужие интересы, полного разочарований, злобы и бешенства оттого, что свою страну обнаружил под сербской оккупацией»³.

¹ Цит. по: Banac I. Op. cit. S. 188.

² Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 143.

³ Цит. по: Казимировић В. Указ. соч. С. 501.

Проще говоря, апеллируя к хорватскому плебсу, лидер ХРКП ориентировался на его сербофобские настроения, или, как писала «Арбайтер Цайтунг» от 18 июля 1921 г., на «стремление католических малоземельных крестьян стать не зависимыми от безбожных и некультурных сербов»¹.

«Сербофобия это такой капитал... такая валюта, которая имеет хороший курс в масштабах отдельной территории... Сегодня она в кармане у Радича», — говорил А. Корощец в Уставотворной скупщине².

Следует отметить, что антисербская риторика составляла основу пропаганды основанной в 1904 г. радичевской партии и в австро-венгерский, и в югославский периоды ее активности. Так, после опубликования осенью 1902 г. в газете «Србобран» известной статьи Н. Стояновича «Сербы и хорваты»³ Радич произнес следующую тираду: «Нечего жаловаться на судьбу, как мы делали раньше, а в то же время своими руками поддерживали элемент, который поступил с нами хуже, чем любой другой враждебный народ. Мы должны постараться ослабить этот элемент. Чем он будет сильнее, тем для нас опасней. ...или мы так низко пали, что нам действительно нет дела до нашей национальной гордости, или мы сумасшедшие, что греем на груди змею, которая готовится впрыснуть яд в нашу кровь... Поднимемся все как один! Не давать работы и заработка ни одному сербу! Нечего этого стыдиться, они давно на нас плюют!... Ударьте по этой гнусной братоубийственной руке!»⁴

В Королевстве СХС своим сторонникам, врагам в Белграде и международной общественности историю сербскохорватских взаимоотношений последних лет Радич излагал, шулерски транспонируя представления об эпическом прошлом Европы на современное положение Хорватии. Судя по тому, что, по словам Радича, «хорватский народ получил литературное образование от Италии и Франции»⁵, лидер ХРКП опирался на «Песнь о Роланде», который погиб от рук сарацин в Ронсевальском ущелье, при-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 33, д. 580, л. 48.

² Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XV редовни састанак. С. 18; см. также: *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Београд, 1987. С. 142.*

³ В статье говорилось, что хорваты не могут считаться отдельным народом, а являются «авангардом чуждых сил, в то время как сербы — сторонники принципа «Балканы — балканским народам». Хорватам автор сулил «войну на уничтожение — вас или нас».

⁴ *Radić S.* Op. cit. S. 235–239.

⁵ АЖ, ф. 305 (Тура Поповић), фасцикла 40; см. также: *Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. С. 373.*

крывая отступающую армию франков. Вот и хорватам — «народу европейской культуры» — судьба предназначила быть «европейским арьергардом или последним отрядом европейского фронта против Балкан».

Пред войском Карл Великий гордо скачет.
«Бароны, — вопрошает император, —
Тесны ущелья здесь и круты скалы.
Кого бы нам оставить в арьергарде?».
Граф Ганелон ему в ответ: «Роланда.
Мой пасынок — храбрейший из вассалов»¹.

Вообще-то в лучшие времена хорваты исполняли роль «авангарда Запада», одним из завоеваний которого была «реконкиста» Боснии. «В географическом отношении Босния это Балканы. Но мы ее дебалканизировали. Она больше не на Балканах»².

По другую сторону «фронта» находились «сербянцы» — представители варварской «восточно-византийской», «византийско-азиатской», «турецко-азиатской культуры»³.

Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит...

«Язычники» Александр Карагеоргиевич и Никола Пашич суть наследники русского «довоенного царистского режима, самого бессовестного, насильнического и лицемерного во всем свете. При этом режиме правосудие в Хорватии подчинено жандармам, а вся администрация — шпионам». «Сегодняшние сербские правители — тираны и убийцы, которые истребляют все несербские народы и национальные группы»⁴.

Араб Абим пред войском первый мчится.
На свете нет коварней сарацина.
Злодейств немало свершено им в жизни.
Не чтит он сына пресвятой Марии.
Угля и сажии он чернее видом.
Милей ему измена и убийство
Всех кладов и сокровищ галисийских.

¹ Песнь о Роланде // Европейский эпос античности и средних веков. М., 1984. С. 496.

² Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. 1918–1929.* Zagreb, 1938. S. 348.

³ Цит. по: *Mužić I. Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca.* Ljubljana, 1987. S. 256–263.

⁴ АЖ, ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикле 40, 67.

В Первую мировую войну, которую, убив эрцгерцога Фердинанда, развязали сербы, «европейский арьергард», как известно, проиграл. «Хорватия, которая никогда не находилась под властью турок и всегда была совершенно европейской страной, более или менее независимой, содрогается от ужаса... глядя на то, как каждый день исчезает святое наследие прошлого... Сербские политики... очарованные идеей сильного государства, которое поглощает и отечество, и церковь, и нацию, государства, которое уничтожает вокруг себя все неправославное и несербское, проводят в Хорватии антинародную политику... главной и очевидной целью которой является простое и полное уничтожение этнического народа Хорватии»¹, «уничтожение хорватской экономики и культуры». «Палач и жертва не одно и то же. Никогда в наших рядах не найдется тот, кто скажет, что мы и сербы один народ»². «Сербия для хорватов это Сибирия». «Если мы говорим о том, что нас разделяет с Белградом, то это не стена, не пропасть. Это один мир, а это другой. Там мир деспотии, а здесь мир республики»³.

Самостоятельно сербы, разумеется, не смогли бы одолеть хорватов. «История не знает ни одного примера, чтобы хорваты бежали от сербов... есть примеры обратного. Они нас обвиняют: «Вы были в союзе с немцами и венграми...». Но вы были в союзе с французами и с неграми. У нас союзниками были только европейцы... То, что говорят сербы, не имеет смысла, так как Антанта, борясь... за достижение значительной цели — права народа на самоопределение, совершила ошибку, на которую только история укажет... привела негров на Рейн. Это значит, может быть, доживем до тех дней, когда белые должны будут покинуть Африку»⁴.

Эмир спешит объехать ратный строй...
 Нубийцев, русов в третий полк он свел.
 Боруссов и славян — в четвертый полк.
 Сорабы, сербы — пятый полк его.
 Берут армян и мавров в полк шестой,
 Иерихонских жителей в седьмой.
 Из черных негров состоит восьмой.

Вся эта орда не победила в равном бою. Ударом в спину Хорватии стала междоусобная рознь западноевропейских государств. «Никогда Европа не была так глупа, как сегодня... Франция образованна, но не мудра.

¹ Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. 1918–1929. Zagreb, 1938. S. 282.*

² *Ibid. S. 321.*

³ Цит. по: *Mužić I. Op. cit. S. 126.*

⁴ *Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 431.*

Иначе не стала бы биться в Руре... Надо сказать Европе: „Хватит безумствовать. Загреб это европейская столица“¹. «Мы как народ не можем допустить, чтобы Версальский договор нам что-либо навязывал».

Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл простится с правою рукой.

О том, какое значение придавал Радич антисербскому характеру собственной популистской деятельности, дает представление донесение агента премьер-министра Николы Пашича, вошедшего в доверие к руководству ХРКП в качестве представителя македонской сепаратистской организации ВМРО: «Господин Радич рассказал мне историю основания партии и потом перешел к настоящему времени, то есть с 1918 г. Тут он долго обосновывал... бойкот сербов хорватским племенем. Сербы в его словах представали разбойниками и людьми некультурными... Господин Радич утверждает, что, действуя таким образом, ему удалось собрать вокруг себя всех хорватов, включая даже лучших представителей интеллигенции»².

Этот впечатляющий политический успех был достигнут ХРКП уже на первых выборах в Конституционное собрание. Именно тогда хорватские избиратели отказали в поддержке политикам, принявшим участие в создании Королевства СХС с хорватской стороны³. В 1923 г. один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег вспоминал: «Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ передать полномочия Радичу или тем своим *господам* (курсив мой. — А. С.), которые... решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был или высказаться за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам»⁴.

Помимо последних антисербская пропаганда ХРКП позволила опередить в борьбе за народные симпатии и коммунистов. Те проповедовали чуждые хорватской черни идеи руководящей роли пролетариата и интернациональной «солидарности трудящихся». В отличие от Радича коммунисты не видели, «что война... несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который

¹ Цит. по: *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 258.

² АЖ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

³ К такому следует отнести Хорватское объединение, А. Трумбича и др.

⁴ *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. Zagreb, 1923. S. 33.

был лучшим щитом от всякого интернационализма»¹. Душан Иванчевич писал: «Хорватская республика» рождается из ненависти к сербам. Поэтому хорватские массы, которые сначала принимают коммунизм, затем стремительно обращаются к Радичу, который гораздо больше, чем коммунисты, соответствует их антигосударственным и антисербским настроениям. Коммунисты хотя бы были против сепаратизма, племенных и религиозных разногласий»².

* * *

Следует отметить, что Радич не был единственным антисербски настроенным хорватским политиком. Но именно он завоевал право говорить от имени крестьянских масс. Партия оправдала свое название — Hrvatska Pučka Seljačka Stranka (Хорватская народная крестьянская партия). При этом слово «*пук*» следует переводить на русский как «люди», «толпа», «плебс». Последовательная самоидентификация организации как «крестьянской» позволила в конце концов стать ей, по общему признанию, «хорватской народной». «Для нас крестьянство не класс, а народ; господа буржуи — это класс притеснителей; рабочие — это класс притесняемых; крестьянство — это народ мучеников»³, — писал в 1924 г. Радич в Москву «товарищам Домбалу и Красному». Возможно предположить заочное согласие Радича с другим специалистом по корреляции классовых и национальных процессов — И. В. Сталиным, заявившим в марте 1925 г. на Югославской комиссии 5-го пленума Исполкома Коминтерна, что «национальный вопрос... по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо эти две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо кроме вопросов крестьянских национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и проч. Но несомненно также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения... Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский»⁴.

¹ *Horvat J. Politička povijest Hrvatske*. II. Zagreb, 1990. S. 143.

² *Иванчевич Д. Г.* Стјепан Радич и његова «Миротворна република» // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књ. 10. Бр. 8. С. 604. 16 децембра 1923.

³ РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 19.

⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов.

Сербобобия объединяла Радича с конкурентами — «поповской» Хорватской народной партией, «господской» прогабсбургской Хорватской партией права (франковцами). А выгодно отличало не только крестьянское самоназвание ХРКП, но и способность «артикулировать» весь широкий спектр «гнева и разочарований»¹ наиболее многочисленной части «третьего сословия». После распада Австро-Венгрии возросший национализм не был единственной особенностью масс. Широкое распространение получили «антимилитаристские», анархические, антиклерикальные, антиурбанистические настроения.

«Массами овладела мораль проигравших, — рассказывал в 1925 г. в частной беседе Радич, — с одной стороны — габсбургщина. С другой — большевизм. Тут нужен был сильный „шлягер“. За республиканизм мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии... Только с республиканизмом в этих краях мы могли одолеть габсбургщину и остановить распространение большевизма...»²

«Психологическое состояние масс, — вспоминал Витомир Корач, — было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие „зарю с востока“... Глухой ропот масс слышался со всех сторон... Массами овладел психоз. И тогда появляются разные „спасители“, которые обещают спасение в 24 часа, если только пойти за ними»³.

«Пред народом мы появились с республиканским „шлягером“, — продолжал Радич — потому что это выглядело чем-то новым, неизвестным и казалось великим. Другого „шлягера“, впрочем, у нас в то время не было...»⁴.

«Шлягер» назывался «Государственное устройство, или Конституция нейтральной крестьянской республики Хорватия», в которой «следовало владеть и править по человеческой справедливости»⁵. Эта «земля обето-

Часть 2 (июнь 1924 г. — декабрь 1926 г.). (ответственный редактор Гришина Р. П.) М., 2003. С. 408.

¹ *Rothschild J.* East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle & London, 1974. P. 212.

² А. ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6; см. также: *Krizman B.* Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine // *Časopis za suvremenu povijest.* 1974, № 2. S. 136.

³ А. ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 40.

⁴ А. ф. 335, хартије двора, фасцикла 6.

⁵ *Herceg R.* Op. cit. S. 34.

ванная» кардинально отличалась от прежнего «ига фараонова»: «Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов... а эти — весь народ: „Пускай идет и бьется... И весь народ должен был слушаться“». Новое государство должно было превратиться в «культурно-хозяйственную организацию. Власть в нем осуществляется снизу вверх. Решения принимает народ, а чиновники не приказывают, а исполняют народную волю... В монархии (да и в такой республике, где буржуи правят сверху вниз) принимаемые сабором законы вступают в силу, когда их подписывает царь, король или президент господской республики. В республике крестьянской... законы имеют силу... когда большинство народа общим голосованием выскажет за их действие».

Как все утопические проекты, «конституция» рисовала идеальное государство, по определению сербского историка Горана Милорадовича, «настолько хорошо устроенное, что оно раз и навсегда освобождает людей от бед, которые испокон веков приносил им исторический процесс»¹. И как все утопии, реализуемые в межвоенный период XX века, радичевский «шлягер» указывал врагов «человеческой справедливости и морального гуманизма». «Хуже, чем с тягловым скотом, — писал лидер ХРКП, — обращались разнообразие официальные и неофициальные господа с нашим крестьянином — настоящим рабом государства... »²; «Крестьянство в течение тысячелетий давало всем и каждому, и за это принимало... только удары и презрение или только... сладковатое господское сожаление и протекцию...»³

После этого, напомним, «господа» отправили «народ» на войну и, проиграв её, «решили вручить власть над Хорватией Белграду» — «по дешевке продали хорватский народ Сербии»⁴. То, как должна была выглядеть картина «продажи-предательства», Радич в 1923 г. живописал, передавая слова сербского радикала Любы Йовановича, якобы сказанные лидеру ХРКП в доверительной обстановке: «Мы, сербиянцы, не виноваты перед вами. Мы знали, что в Хорватии живет хорватский народ, который не отрекался от своего имени, своего духа, своего прошлого и будущего. Но приехал ваш Трумбич, ваш Дринкович, приехали Смодлаки, приехал

¹ Милорадович Г. Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией // Русский сборник: Исследования по истории России. Том 4. Москва, 2007. С. 190.

² Radić S. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 336.

³ РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 20.

⁴ Самоуправа. 12 јануар. 1924.

Томленович. И они сказали: „Мы, хорваты, хотим быть югославами, хотим быть вашими, а не своими“... Так мы и объединились»¹.

Таким образом, налицо связь внешнего врага «республики» с «местными предателями», такими как Хорватское объединение. Логово первого было в Белграде. Вторые проживали в городах, которые, по психологически точному наблюдению современника, виделись хорватскому крестьянину одновременно и «носителями сербофильства»², и источниками государственного «господского» насилия. Конец последнему обещала положить «конституция»:

- «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы»³. (Херцег: «Крестьянская республика должна быть нейтральной, пацифистской, миротворческой... Ей не нужна регулярной армии. Ибо в республике меньшинство не правит большинством, а народ правит сам собой... Из нейтральности сам по себе вытекает пацифизм, то есть разоружение и упразднение регулярной армии».)
- «Все крупные землевладения, будь то государственные, церковные и частные, упраздняются в принципе. Ни одно землевладение не может быть большим, чем самый крупный крестьянский надел в данной жупании.
- Таможенные пошлины в принципе отменяются. Законом предусматриваются пошлины только на предметы роскоши...» (Херцег: «Когда крестьянский народ обеспечит себе власть, многие вопросы, особенно экономические, будут решены легко, быстро, справедливо, в интересах народа. Речь идет об аграрной реформе, о создании кооперативов вместо капиталистических банков...»)
- «Университет как ложная высшая школа упраздняется... Упраздняются все сегодняшние так называемые средние школы (гимназии, реальные училища, лицеи), а вместо них основываются народные общеобразовательные школы...»

Попыткой, хоть и неудачной, задуть «сербофильские» рассадники были «крестьянская забастовка», объявленная по поводу ареста Радича в Загребе в 1919 г., и крестьянское восстание 1920 г., поводом к которому стала перепись крупного рогатого скота в интересах армии. «Хорватский

¹ Политика, 16 април 1923 г., «Велики Радичев збор у Загребу»; См. также: *Obzor*, 16 travnja 1923; *Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 420.*

² *Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 118.*

³ *Radić S. Op. cit. S. 370.*

крестьянский народ! — гласила партийная листовка — Председатель ХНКП и вождь хорватского крестьянства Степан Радич противозаконно арестован, потому что он бесстрашно защищает хорватские права и права крестьян, а еще бесстрашнее борется за хорватскую крестьянскую республику... Не остается нам ничего другого, как на это нарушение человеческой и политической свободы ответить еще более сильным средством. Скажем своим правящим господам: «Пока вы нарушаете наши права и свободу, не будете есть нашего хлеба». Поэтому объявляем всеобщую крестьянскую забастовку... Пока не отпустят на свободу председателя Степана Радича... ни один крестьянин не смеет 1) привозить в города зерно и живность, 2) продавать на ярмарках рогатый скот и свиней, 3) продавать перекупщикам что-либо, необходимое для продовольственного обеспечения городов... А кто нас предаст — предаст себя и своих детей, а также Хорватскую Республику. Крестьянский мир вынесет таким предателям свой приговор...»¹

Итак, Степан Радич в первые послевоенные годы старался, по словам А. Трумбича, «навязать Хорватии борьбу между мнимыми господами и крестьянским народом, представляя тех господ как старых графов, баронов и богачей, которые пили народную кровь»². Сам же лидер ХРКП преподносил себя как реинкарнацию Матии Губеца, возглавившего в XVI веке антифеодальное крестьянское восстание. Только в отличие от мученически погибшего предшественника Радич лучше распознавал врагов народа: «Матия Губец отправился в Вену к императору, потому что искал у того справедливости. Но он забыл, что справедливости нет ни на императорском престоле, ни в церкви. Справедливость в сердце человеческом и нигде больше»³. Таким образом, третьим врагом республики наряду с «габсбурговщиной» и «большевизмом» Радич называл «клерикализм».

Клир председатель ХРКП видел своим главным идеологическим конкурентом в борьбе за право «интерпретировать» крестьянские фобии: «Клерикалы агитировали, что сербы превратят хорватов во „влахов“⁴, и им почти удалось привлечь народ на свою сторону. А вы знаете, как тяжело потом скинуть клерикальную власть с народа?... Велика была опас-

¹ Цит. по: *Banaš I.* Op. cit. S. 200.

² Цит. по: *Smith Pavelić A. Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa.* München, 1959. S. 293.

³ Изборна кампања г. Радића. Ревизија устава одмах по изборима // Политика. 4 фебруар 1926.

⁴ Презрительное название, данное сербам хорватами.

ность от клерикализма. Вот, пожалуйста, Корошец. Он и патриот, и словенский националист. Но голова у него в Риме...»¹

У хорватов должна была быть только одна голова — голова Радича, который не собирался с кем бы то ни было делить власть над мыслями и чувствами крестьянского народа. Как писал осведомленный современник, «хорватский вождь вел против клерикалов такую кампанию, что они, пока он был жив, и высунуться не могли со своей политической пропагандой»².

Залогом успеха Радича в его борьбе с конкурентами было то, что, выступая с антицерковных, но отнюдь не с атеистических позиций («Слава Иисусу и Марии. Долой попов»³), ему удалось обратить в свою пользу крестьянское восприятие церкви как орудия государства, ответственного за лишения военного времени. Падение авторитета духовной власти, пусть непродолжительное, способствовало усвоению массами утопического радичевского учения. Справедливо мнение Г. Милорадовича: «Духовный вакуум необходим, чтобы одна идейная система пришла на смену другой. Так как эту нишу обычно занимает религия, присущая данной области в данное время, можно говорить, что религиозный кризис есть необходимое условие для появления утопий»⁴.

Для чад своих у Радича была собственная квазирелигия: «Крестьянское движение, требующее справедливого устройства жизни общества, предстает перед нами как та вера, которой следует обновить, вдохнуть жизнь в учение Христа о человеческом равноправии и социальной справедливости»⁵. Как священнодействие описывал Радич свою деятель-

¹ А.Ј. ф. 335, хартије двора, фасцикла 6.

² А.Ј. ф. 74, фасцикла 11-618. (Антиклерикализм характеризовал деятельность ХКП на протяжении всего межвоенного периода. Приведем относящиеся к 1935 и 1938 гг. отрывки донесений правительственных информаторов: «Др. Мачек издал циркуляр, которым запрещается в местные партийные организации выбирать католических священников. Запрет объясняется тем, что священникам место в церкви, а не в политике»; «ХКП начала организационную работу среди женщин. Их следует эмансипировать от католических объединений и на всякий случай привлекать к партии. Не исключено, что в будущем женщины станут решающим политическим фактором, особенно если получат право голоса» (А.Ј. ф. 37 (Милан Стојадиновић), фасцикла 50-24; Ф. 38 (Пресбиро Министарског Савета Краљевине Југославије), фасцикла 16.)

³ Цит. по: *Banac I.* Op. cit. S. 186.

⁴ *Милорадович Г.* Указ. соч. С. 190.

⁵ Цит. по: *Herceg R.* Op. cit. S. 44.

ность в письме московским товарищам: «Все у нас делается самым идеальным образом — апостолатом, то есть... проповедью освобождения крестьянского народа»¹. Таким образом, председателю ХРКП была уготована роль не только принцепса, но и первосвященника Хорватской Республики. Тогда последняя предстает не просто крестьянским государством, а «раем, в который, не сворачивая, идет человеческая пацифистская крестьянская процессия. Крестьянские ряды принимают только тех, кто соединяется добровольно и чьи души чисты»².

Забегая вперед, отметим, что после смерти ересиарха Радича в 1928 г. осиротевшие «апостолы» сняли с его чела тиару и водрузили терновый венец спасителя. Партийная резолюция гласила: «Степан Радич — Богом данный Вождь хорватского народа — после телесной смерти не перестал быть народным вождем. Он стоял во главе хорватского народа, будучи председателем Хорватской крестьянской партии со дня ее основания. Разумеется, он и после смерти остается ее председателем»³. Воистину «в белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Новый глава партии Владко Мачек был провозглашен резолюцией только «исполняющим председательские обязанности».

Возвращаясь к началу «похода за синей птицей», приведем результаты участия ХРКП и прочих хорватских партий в парламентских выборах суть количественное выражение роста праведности электората, а также подтверждение обоснованности оценки Радича его адептами: «Степан Радич не является шефом некоей партии, какие существуют в Западной Европе. Он вождь, чьи решения выполняются беспрекословно... даже тогда, когда он кого-нибудь исключает из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершит свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. Он наставляет, грозит, карает, хвалит, но при этом всегда остается в душе добрым отцом...»⁴

¹ РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 19.

² Цит. по: *Herceg R.* Op. cit. S. 47.

³ Цит. по: *Boban, Ljubo.* Маček i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. S. 4.

⁴ Цит. по: *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 249.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕПУТАТСКИХ МЕСТ ПО ВЫБОРАМ¹

ПАРТИЯ	1920	1923	1925
Хорватская народная (республиканская) крестьянская партия	50 мандатов (230 590 голосов)	70 (473 733)	67 (545 466)
Хорватская земледельческая	7	—	—
Хорватское объединение (ХО)	4	—	—
Хорватская партия права (ХПП)	2	—	—
Партия буневцев и шокцев и Хорватская народная партия (ХНП)	13	3	—
Список Трумбич-Дринкович	1	2	—

Таким образом, в 1924 г. при вступлении в Крестьянский интернационал Радич с полным правом описывал собственные достижения на хорватской политической арене: «Мы, хорваты, работаем совсем независимо от своих старых и своих новых властителей... Римский папа не имеет у нас ни малейшего влияния на ход нашей общественной жизни. То же наши владыки и священники... Габсбурги не имеют в Хорватии про себя ни одного ценка»²

Сколь самоуверенной была вышеприведенная риторика, столь неожиданной была так называемая «капитуляция» лидера ХРКП, состоявшаяся в марте 1925 г. Ей предшествовал очередной арест Радича, произошедший в январе того же года после его возвращения из Москвы. Радичу инкриминировали вступление в Крестинтерн и контакты с македонскими сепаратистами. Из тюрьмы в июле Радич вышел «другим человеком».

За несколько месяцев до освобождения он устами своего племянника Павла отрекся от всех своих прежних убеждений, признал и Королевство СХС, и централистскую Видовданскую конституцию, и «народное единство сербов, хорватов и словенцев». «Некогда пламенный республиканец, вождь хорватского народа... стал таким же пламенным монархистом».

¹ Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 309, 408, 455.

² РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 20.

Александр Карагеоргиевич при ближайшем рассмотрении оказался вовсе «не балканским, а высококультурным европейским правителем, по-европейски понимающим свое положение и свои обязанности. Он мог бы стать английским королем»¹.

Николе Пашичу Радич направил телеграмму следующего содержания: «Через всю густую мглу взаимного незнания и недоверия и через еще более густую сеть лжи и сплетен Вы глубиной своего ума прозрели весь масштаб и всю тяжесть народного согласия. Тихо и почти незаметно Вы этот великий почин утвердили и развили с тем, чтобы мы, сербы и хорваты — сердцевина нашего народа и стержень нашего государства, — постепенно выстроили образцовое крестьянское государство»².

В один из припадков проснувшихся «братских» чувств Степан Радич выдвинул фантастический проект «создания хорватской национальной, не зависимой от Рима церкви, которая со временем могла бы легко объединиться с сербской православной церковью». Основанием для этого служило то, что «полное народное объединение невозможно без объединения религиозного... Поэтому мы, создавая условия для полного духовного хорватско-сербского единства, должны основать новую единую веру»³.

Возглавляемая С. Радичем Хорватская крестьянская партия образовала с сербскими радикалами Н. Пашича правительственную коалицию. Новый министр просвещения каждому коллеге по кабинету нанес визит вежливости, сопровождаемый ритуалом братания — распиванием вина и лобызанием в губы. «Вообще для каждого в Белграде он имел ласковое слово. Столица приняла его радушно, как какого-то блудного сына»⁴.

«Капитуляция» ХРКП и создание союза радикалов и радичевцев многими современниками, особенно в Сербии, воспринимались как эпохальное событие. «Оптимисты» — радикалы М. Стоядинович и Л. Маркович, фаворит короля, газетный магнат Тони Шлегел — говорили о решении злосчастного «хорватского вопроса». «Пессимист», сербский республиканец Л. Стоянович, шаг Радича расценивал как «моральное убийство себя, своей партии и всего хорватского народа»⁵.

¹ Цит. по: *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Књига друга. Крагујевац, 1995. С. 510.

² АЈ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

³ АЈ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6.

⁴ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 201–202.

⁵ *Stojanović Lj.* Још о српском питању // *NE.* Књ. XII, број 14, с. 415. 11. Новембра 1925.

В то же время произошедшая метаморфоза не оказала судьбоносного влияния на политическую карьеру Радича. Он по-прежнему до смерти оставался самым популярным хорватским политиком. Кроме того, он не перестал быть главным публичным антагонистом белградских властей, будучи при этом членом правительства и депутатом парламента. Свидетельством служит отчет британского посла Кеннарда руководству Foreign Office за 1926 г.: «Господин Степан Радич безответственный демагог, который нарушает все без исключения обещания лояльно сотрудничать с радикалами. Он беспрестанно создает угрозу положению кабинета, жестоко критикуя зарубежные страны, как, например, Италию, и своих коллег... Весьма непросто определить, какова его конечная цель, если таковая вообще имеется. Можно было бы предположить, что это распад Королевства. Но все же, несмотря на брань, адресуемую им всем и каждому в Белграде, Радич почти регулярно в публичных выступлениях выказывает преданность королю...»¹.

Переместившись из конспиративных квартир и с тюремных нар в министерскую канцелярию, Радич лишь незначительно уменьшил остроту своих выступлений. Пожертвовав республиканизмом, Радич оставил на вооружении стереотип о культурном превосходстве хорватов над сербами: «Сербия отстает в плане современного сегодняшнего знания... Сербский крестьянин не верит в плуг. Он верит в меч и пистолет. Он не уважает плуг и не знает, что плуг сильнее пистолета»². С высоты своего официального статуса председатель ХКП продолжил осуществление прежних экспансионистских намерений. В ходе парламентской избирательной кампании сентября 1927 г. он «похвалялся, что после выборов возьмет власть в свои руки. Заручившись поддержкой большей части хорватских масс, Радич решил попытать счастья в Македонии и даже в Сербии. Радич искал способ внедриться в Сербию, слал своих людей в Македонию и Воеводину...»³. Как писал орган НРП «Самоуправа», «в своих выступлениях в Боснии г. Степан Радич... вышел из узких рамок партийной идеологии. Вместо того, чтобы говорить с хорватами, он в Сараево в первую очередь обратился к мусульманам... Призвал их определиться как хорватов и вступать в ряды ХКП... Он утверждал, что мусульманам в Боснии не добиться равноправия

¹ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. I. Zagreb, 1986. S. 387.

² Политика, 2 февруар 1926 г., «Изборна кампања г. Радића».

³ *Јовановић Н.* Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974. С. 234.

до тех пор, пока они... с хорватами не образуют единый фронт против сербов»¹.

Только националистическая и антигосударственная пропаганда позволила сохранить достаточный запас популярности, необходимой единственному полномочному «представителю» хорватского народа. Тем не менее немалой части хорватского крестьянства сложные тактические соображения, по которым ХРКП превратилась в ХКП, были непонятны. Результаты областных выборов января 1927 г. выявили сокращение числа сторонников партии: «Хорватская крестьянская партия вышла из этих выборов во всей Хорватии и Славонии со значительно уменьшенным количеством голосов. Так, например, в загребской области... партия Радича на выборах от 8.II.1925 г. получила 165 906 голосов, на выборах же от 23.I.1927 г. она получила только 104 702 голоса, т. е. на 61 204 голоса меньше, или на 36,90 %. Это падение влияния партии Радича наблюдается и в других областях Хорватии и Славонии. В общем же, на выборах от 8.II.1925 г., несмотря на жесточайший террор, партия Радича получила около 530 000 голосов. На этих выборах от 23.I.1927 г., которые проводились правительством, в котором сидели и министры партии Радича, она получила всего около 300 000 голосов, т. е. на около 40 % меньше»². Немедленной реакцией на тревожный сигнал стал разрыв (уже 28 января 1927 г.) радикало-радичевского сотрудничества, отказ от соглашения от 14 июля 1925 г. и переход ХКП в оппозицию³. События июня 1928 г. стали для руководства ХКП предлогом для возвращения к своей первоначальной позиции — отказу от признания Видовданской конституции, «которая была использована для утверждения гегемонии бывшего Королевства Сербия над остальными странами и народами», «не отрехшимися от своей историко-государственной индивидуальности»⁴.

Таким образом, очевидно, что борьба с Белградом, то есть с сербами, — единственная константа деятельности Радича. Строительство «небесного Иерусалима» — «Нейтральной крестьянской республики Хорватия» — и, тем более, «реформация» на хорватский манер не входили в его планы. Цену собственным политическим декларациям Радич определил

¹ Самоуправа, 3 јануар 1926 г.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 69, д. 220, л. 15.

³ Јовановић Н. Политички сукоби... С. 189.

⁴ АЈ, ф. 14 (Министарство унутрашњих послова), фасцикла 21 (Rezolucija članova kluba Seljačko-Demokratske koalicije povodom događaja od 20 juna 1928. u Narodnoj skupštini); См. также: Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. S. 100.

сам, ответив своему бывшему стороннику, упрекнувшему его в предательстве республиканского дела: «Молчи, дурак! Ты ничего не понимаешь! Лучшая республика та, в которой король президент»¹. Подлинный смысл политики крестьянского вождя открывается через изучение взаимоотношений с режимом.

§ 2. СМЫСЛ ПОЛИТИКИ СТЕПАНА РАДИЧА

В 1919 г. и в начале 1920-х годов, в течение которых шел сложный процесс послевоенного урегулирования, Радич прилагал усилия к тому, чтобы Королевство СХС не получило международного признания. Добиться этого он стремился путем так называемой интернационализации «хорватского вопроса». Участников Парижской, а позднее и Генуэзской конференций он забрасывал посланиями, в которых «во имя мировой свободы, за которую и я столько боролся... молил Антанту об освобождении». Богатое воображение Радича рисовало картины его участия в послевоенном обустройстве Европы в качестве специально приглашенного представителя хорватского народа, введения миротворческого контингента во главе с американцами вместо сербских «оккупационных» войск, превращения Хорватии в «протекторат» Франции, создания «Дунайской федерации» вместе с Австрией и Венгрией и т. п. «Достижение подлинного хорватского суверенитета или признание хорватского государства... становится потребностью всей Европы»², — полагал Радич. Вмешательства великих держав в конфликт Белграда и Загреба, разумеется, на стороне последнего, он рассчитывал добиться, не только посылая международной общественности непрерывные сигналы SOS, но и намеренно дестабилизируя внутреннюю обстановку в стране и провоцируя сербов на применение жестких мер в отношении свободолюбивых хорватов.

Провокацией были вышеупомянутый продовольственный «бойкот городов» («Всеобщая крестьянская забастовка»), крестьянское восстание в сентябре 1920 г., саботаж зачисления хорватов на военную службу³.

¹ Цит. по: *Stojadinović M.* Op. cit. S. 201.

² АЖ, ф. 305 (Ђура Поповић), фасцикла 40.

³ Проиллюстрируем вышесказанное выдержкой из донесения военного министерства «Первому Адъютанту Его Королевского Величества»: «Сегодня около 8 часов утра в жандармское отделение пришли крестьяне Мато Бенько из села Дийани и Тома Абрамович. Оба из общины Врбовац, Крижевацкого уезда. Они заявили: «Наши сыновья, Яков Хабиянац и Тома Абрамович», рядовые 1 роты 2 батальона 37 пехотного полка, еще 6 месяцев назад убежали

Как пишет И. Банац, «результатом агитации против призыва стал поток дезертиров. Уже служившие юноши бежали из армии. Дезертиров было так много, что военное руководство в Белграде начало собирать о них документацию, арестовывать и подвергать следствию»¹. Тот факт, что главным объектом агитации были части, воевавшие с албанскими «качками», «получившими оружие и обмундирование от итальянцев и даже возглавляемыми итальянскими офицерами», позволяет Д. Станковичу утверждать, что именно тогда «хорватская пропаганда первой открыла «албанский вопрос»².

Впоследствии использование и поддержка сепаратизма национальных меньшинств, проживавших в Сербии, стали излюбленным методом борьбы хорватов и словенцев против сербов. Наибольшую эффективность он продемонстрировал в конце XX века. В начале 20-х гг. Радич еще только налаживал связи с центробежными элементами королевской Югославии. «От Суботицы до Прилепа и от Солуна до Марибора мы разошлем своих агитаторов. Не двух, а двенадцать или тысячу двести, а если надо, то и двенадцать тысяч. Мы это можем. Можем и в Македонию, и в Сербию, и в Воеводину послать людей, которые там служили и все знают... С нами пойдут Македония, Черногория. Братья увидят наше республиканское предложение...»³

Открытым вызовом всем сербам и лично принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу было переименование ХНКП в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП): «Никогда не будет в Загребе королевского правительства. Республиканский народ не хочет и не может признать королевское правительство». «Монархия — это старый плуг... старая политика. Республика — это новый строй, новая школа ужасной мировой войны»⁴. Провокационным выглядело и лицемерное предложе-

из своей части домой. Они скрывались в лесах и окрестных селах в ожидании государственного переворота, в результате которого наступит Республика, и армии больше не будет. Этому их научил Степан Радич, к которому они лично явились и спросили, что им дальше делать и обязательна ли для них служба в теперешней армии. Тот им сказал, что служба в армии для них необязательна... что он как депутат призывает всех солдат из Хорватии и Славонии дезертировать и не повиноваться военным властям. Чем больше будет таких неповиновующихся, тем благоприятней будут условия для завоевания Хорватской крестьянской республики...» (АЖ, ф. 74, (Двор) фасцикла 438).

¹ *Ванас I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 202.*

² *Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 47.*

³ *Политика, 16 април 1923 г., «Велики Радичев збор у Загребу»; См. также: Obzor, 16 travnja 1923; Čulinović F. Op. cit. S. 421.*

⁴ *Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 260.*

ние С. Радича о преобразовании Югославии в «федеративную республику сербов, хорватов и словенцев, и болгар». «Первый шаг к этому — возвращение болгарам того, что у них было отнято Бухарестским договором»¹.

Подобные выходки, впрочем, не произвели почти никакого впечатления на флегматичных «белградских правителей». Для более успешного разжигания конфликта Радич прибегал к тактике нанесения личных оскорблений династии и наиболее авторитетным политикам Сербии. Л. Йованович был назван «политическим ослом», Пашич — «политическим дураком». Обращаясь к сербам, лидер ХРКП говорил: «Вы франковцы, но вы глупее их, потому что вы выглядите франковцами перед всей Европой... О вашем вожде Пашиче лондонская печать пишет, что он балканец и насильник, что ему верить нельзя. Вы виноваты в том, что ваш первый государственный деятель не имеет авторитета»². Королеву Марию во время одного из митингов Радич обозвал «помпадуркой», а короля, по воспоминаниям М. Стоядиновича, предложил «выпроводить из страны со всеми почестями»³.

Увы, расчет на то, что «заграница нам поможет», не оправдался. Сколько Роланд-Радич ни трубил в свой рог Олифан, он не дождался помощи ни в 1919 г., ни в 1922 г., ни в 1924–25 гг., в течение которых он совершил известное европейское турне по маршруту «Вена — Лондон — Москва». Если в Хорватии сербофобия была «неразменным рублем»⁴ в кармане Радича, то в Западной Европе она котиновалась в 20-е гг. XX в. совсем невысоко. Сочувствия главе ХРКП не выразили даже старые английские оппоненты сербского руководства. «Радич оказал Хорватии медвежьё услугу своим отказом от сотрудничества с Белградом. Еще больший вред он ей наносит тем, что не перестает излагать свою избитую конституционную теорию и делать принципиально ложные исторические аналогии»⁵.

Из всех держав-победительниц только Италия снизошла до Радича. В преддверии возможной войны Рима с Белградом председатель ХНКП и итальянцы имели друг к другу взаимный интерес, аналогичный тому, что был у В.И. Ленина и Германии в 1917 г. Именно с помощью «итальянской военной миссии в Любляне» Радич слал в Париж различные телеграммы

¹ Obzor, 15 travnja 1924 г., «Unija ili federacija balkanskih država».

² Цит. по: Horvat J. Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 228, 259, 260.

³ Цит. по: Stojadinović M. Op. cit. S. 184.

⁴ «Неразменный рубль никогда не истощается; сколько не меняй и не издерживай его, он всегда при хозяине». (Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981. С. 533.)

⁵ Seton-Watson R. W. Политичке индикреције // NE. Knj. IV, broj 7, s. 209. 1 Marta 1922.

и «меморандумы». Как пишет М. Беляц, для врагов Королевства СХС письма Радича были сильным «аргументом для оспаривания югославянских требований»¹. Действия главы крестьянской партии на внутреннем фронте также были на руку Италии. Вождь хорватского народа был готов и к подписанию «Брестского мира». По словам Ивана Мужича, «...учитывая то, что не во всех хорватских областях избиратели высказались в его поддержку (имеются в виду выборы в Уставотворную скупщину в ноябре 1920 г. — А. С.), Радич имел в запасе комбинацию по созданию малой банской Хорватии — полностью самостоятельного государства. Он это объяснял тем, что свободное и народное государство легче создать на малой территории, как в Бельгии и в Швейцарии...»².

По нашему мнению, «комбинация» основывалась не столько на холодном расчете, сколько на сербофобии, в которой Радич черпал «вдохновение», особенно в переходный период, когда были свежи военные воспоминания. Показательно свидетельство некоего Гаetano Салвемини о его разговоре с Радичем, состоявшемся в Лондоне в доме Х. В. Стида: «С большой симпатией говорил мне об итальянских националистах, которые в то время поддерживали Радича, т. к. его политика была направлена против Сербии и соответственно вела к распаду вашего государства. Я ему задал следующий вопрос: «Не думаете ли вы, господин Радич, что итальянские националисты сначала помогли бы вам отделиться от Сербии, а затем отобрали у вас Далмацию?» ...Он от моего вопроса пришел в сильное замешательство. Настолько, что вид у него был ошарашенный. Несколько минут он не находил, что сказать в ответ. Потом опять принялся тараторить о страшном терроре, который творится на Балканах. Итак, из разговора с ним я вынес заключение, что он, должно быть, сильно ненавидит и презирает сербов и все сербское и что он любым путем хотел бы от них отделиться»³.

Отметим, что заигрывание с итальянцами, как ни странно, вовсе не угрожало репутации Радича в глазах его сторонников⁴. Он не только предугадывал настроения масс, но и имел общий с ними менталитет, руководствовался теми же эмоциями. Одним словом, в своей всеобъемлющей не-

¹ *Bjelajac M. Vojska Kraljevine SHS 1918–1921*, Beograd, 1988. S. 241.

² Цит. по: *Mužić I. Op. cit.* S. 70.

³ РГВА, ф. 579/К, оп. 1, д. 45, лл. 7–8.

⁴ «В первый момент представители югославского правительства (в Париже) выразили недоумение и сомнение в том, что речь идет о послании Радича, говоря, что никто в здравом уме не стал бы подрывать свою политическую репутацию сотрудничеством с Италией, которая стремится поработить в первую очередь хорватов» (*Bjelajac M. Op. cit.* S. 242).

ненависти к сербам он был порой столь же иррационален, как и хорватская чернь. Радичу полностью подходит характеристика, которую дал Милорад Экмечич Ф. Супило, «оставшемся в истории примером самоубийственной склонности хорватского национализма в процессе борьбы с Сербией, не задумываясь, вступать в соглашения с противником, четко осознавая, что придется дорого заплатить своим моральным авторитетом и частью собственной территории в Далмации»¹.

Отвергнутый Западом («Хорватам нечего ожидать от западных демократий... Они на пути к своему полному краху. Только благодаря им великосербы угнетают хорватский народ»²) лидер ХРКП обратился на Восток, где антиверсальские настроения Радича вызвали живое сочувствие. «Советская Россия считается единственным солнцем крестьянского народа», — писал он в мае 1924 «товарищам Домбалю и Красному»³. «Я в Москву приезжаю... сговориться о том, как бы нам вместе... работать на Балканах и в Подунайской Европе. Наша цель: союз крестьянских (или крестьянско-рабочих) республик... сперва только в духовной, а потом и в экономической связи с СССР». 27 июля 1924 г. в письме, адресованном Президиуму Крестьянского Интернационала в Москве, Радич писал: «Как Председатель Хорватской Республиканской Крестьянской Партии (ХРСС) и Хорватского Народного Представительства по уполномочению Пленума всех Хорватских депутатов 1-го мая с. г. уведомляю Вас, что Хорватская Республиканская Крестьянская Партия вступает в Крестьянский Интернационал, т. е. в Международный Союз всего организованного крестьянства. Само собой разумеется, что Хорватская республиканская крестьянская партия остаёт и дальше на своей программе и при своей тактике, тем более что одна и другая вполне согласна с главной целью Крестьянского Интернационала, которая состоит в том, чтобы крестьянство и рабочий класс дружными силами раньше всего прекратили навсегда империалистические войны и чтобы, с другой стороны, сплоченными рядами и в одном духе социальной справедливости во всех странах дружно взяли власть в свои руки для улучшения судьбы всех трудящихся и для нового строительства крестьянского и рабочего государства»⁴.

С большевиками «дружными силами» и «сплоченными рядами» С. Радич шел недолго. Однако повторим, что последовавшее вскоре по возвращении из Москвы признание Радичем югославянского государства и

¹ *Экмечич М.* Стварање Југославије. 1790–1918. II. Београд, 1989. С. 751.

² Цит. по: *Mužić I.* Op. cit. S. 213.

³ РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 20.

⁴ РГАСПИ, ф. 535, оп. 2, д. 190, л. 32.

конституции не было вызвано изменением его политического мировоззрения. Так называемая «капитуляция» свидетельствовала о том, что в обстановке, сложившейся к 1925 г., Радичем был сделан выбор в пользу политических приемов более тонких и эффективных, чем открытая борьба с Белградом.

Следует отметить, что тактика Радича и ранее не была только лишь конфронтационной. ХРКП, как и остальные антигосударственные силы (коммунисты и франковцы), не собиралась отказываться от преимуществ и возможностей, которые предоставляла политическая система Королевства СХС. Не будет лишним напомнить, что только после распространения на новоприсоединенные территории действия либерального сербского избирательного законодательства основная масса сторонников Радича получила право голоса. Партия, не признавая легитимности белградских властей, трижды принимала участие в организуемых ими парламентских выборах — в 1920, 1923 и 1925 гг. Отказавшиеся от работы в Уставотворной скупщине члены ХРКП провозгласили себя «Хорватским народным представительством» (оно же «Крестьянское республиканское представительское большинство»). Ну, а весной 1924 г., когда на горизонте маячила возможность отправить в отставку Н. Пашича с поста премьера, радичевцы засобирались в Белград, не испугавшись обязательной для депутатов скупщины присяги на верность королю¹. Кстати, первыми «бить врага на его территории» стали коммунисты, присягнувшие Александру Карагеоргиевичу еще в начале работы Уставотворной скупщины².

«La Resistance» в разные периоды времени не был одинаково результативен как политический метод. Руководство ХРКП с конца переходного периода к применению иных, не столь прямолинейных подталкивало сложившееся в противостоянии с властью относительное равновесие, предопределенное двумя обстоятельствами. Во-первых, ослаблением волны «революционного психоза»³, на которой С. Радич вознесся на политический Олимп и которая, к его сожалению, не смогла помешать стабилизации внутреннего и международного положения провозглашенного 1 декабря 1918 г. государства. Во-вторых, незлобивостью Белграда. Попытки ХРКП спровоцировать его на масштабную карательную акцию, которая могла бы пробудить сочувствие индифферентного Запада, не увенчались успехом. Наоборот, государственная политика явила пример редкостной

¹ АЖ, ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона), фасцикла 29, (Привремени пословник за Уставотворну скупштину. Београд, 1920).

² Čulinović F. Op. cit. S. 314.

³ Matković H. Hrvatska zajednica... S. 53.

терпимости. Дважды арестованный Радич так и не был осужден. Партия была допущена к выборам. И если относительно лояльные коммунисты стали жертвой Закона о защите государства, то против радичевцев были выдвинуты только упреки в нежелании работать в Уставотворной скупщине и «разделить ответственность за судьбу государства». Н. Пашич бойкот Радичем парламента осторожно назвал «непродуманным шагом»¹. Марко Трифкович, отвечавший в правительстве за работу Конституанты, заявил: «Депутаты г. Радича посчитали, что нашему народному делу не будет большого вреда, если они воздержатся от участия в нем»².

Непротивленчество хорватскому сепаратизму приобрело широкий размах после принятия Видовданской конституции. Почти всем измотанным многолетней междоусобной борьбой «сербским» политикам — от членов распадавшегося «централистско-унитаристского фронта» до вечных оппозиционеров — едва ли не одновременно пришла в голову мысль использовать для достижения собственных целей хорватского «джокера». По воспоминаниям деятеля сербской Республиканской партии Яши Продановича, Степан Радич «принимал политиков из Сербии, приехавших заключить с ним соглашение, как Александр Македонский — покоренных князей или Цезарь — вождей побежденных племен»³. Демократы Л. Давидовича хотели от Радича, чтобы он приехал в Белград и помог им в парламенте свергнуть радикалов и сформировать правительственное большинство. Радикалам во главе с Пашичем, само собой, хотелось ровно обратного — чтобы Радич в скупщине не появлялся. Александр Карагеоргиевич с его помощью рассчитывал добиться ослабления представительной власти. Политические карлики, вроде Республиканской партии, мечтали иметь сильного, в 52 депутатских места, союзника по «общему делу». В обмен на сотрудничество первые предлагали Радичу поспособствовать в ревизии конституции, вторые — приостановление ее реализации и даже министерские посты⁴. Республиканцы ничего не могли предложить и уехали несолоно хлебавши.

Разумеется, движение навстречу Загребу не было самопроизвольным. В потоке провокационных выпадов и оскорблений, которые адресовал Белграду Радич, пытливые око могло разглядеть знаки его готовности к достижению «согласия с сербами и словенцами»⁵. Например, в произнесенной в

¹ Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 206.

² Стенографске белешке Уставотворне скупштини Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XIV редовни састанак. С. 7.

³ Цит. по: *Mužić I.* Op. cit. S. 201.

⁴ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 170.

⁵ Време, 28 март 1923 г., «Проглас Хрватске републиканске сељачке странке».

апреле 1923 г. и неоднократно процитированной нами речи Радича, в которой он обещал во все концы страны разослать агентов, а Л. Йовановича назвал «политическим ослом», не отрицалась вероятность того, что в будущем «король может быть символом нашего международного союза». Ранее, в «Меморандуме Хорватского блока» от 14 января 1922 г., в котором шла речь о «чистом этническом уничтожении хорватов» сербскими политиками, содержалось и признание «общих границ международного союза сербов, хорватов и словенцев»¹. То же самое обнаруживаем и в наполненном, по словам Р. У. Сетона-Уотсона, «ложными историческими аналогиями» послании участникам Генуэзской конференции². Как ни странно, и сам факт создания Хорватского блока, по мнению Р. Херцега, следовало трактовать как «добрый знак» для Белграда: «Если с ХРКП может сотрудничать Хорватское объединение... то, очевидно, что она не большевистская»³.

У человека, мало знакомого с нравами югославского мира политики, вышеописанные взаимоотношения сербских и хорватских деятелей могут вызвать только недоумение. Казалось бы, первые ни в коем случае не могли пойти на контакт с противником из-за этических и государственных соображений, вторые — в силу всего сказанного и совершенного ими с момента создания Королевства СХС. Показательна относящаяся к 1924 г. оценка британского посла, полагавшего, что С. Радич «своей враждебной и открыто республиканской позицией и многочисленными разговорами с иностранными корреспондентами сделал невозможным какое-либо сотрудничество партии с королем»⁴.

Как показала история, посол был не прав. В 20-е гг. «посотрудничать» с Радичем не побрезговали не только король, воскликнувший когда-то: «либо я, либо он», но и многие члены некогда единого «централистско-унитаристского фронта». Как ни странно, в их глазах лидер ХРКП вовсе не был столь одиозной фигурой, какой он представляется сегодня. Проще говоря, он не делал ничего такого, чего бы не делали в разное время они сами. Участие в заговорах, организация бунтов, грубые провокации, шантаж власти, сотрудничество с враждебными зарубежными государствами — инструментарий едва ли не всех ведущих сербских политиков, как и Радич, неоднократно оказывавшихся за решеткой. Таким образом, чем

¹ Цит. по: Čulinović F. Op. cit. S. 376–377.

² Hrvatski narod i konferencija u Đenovi (25. februar 1922.) // Станковић Ђ. Никола Пашић... С. 439.

³ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923. S. 41.

⁴ Avramovski Ž. Op. cit. S. 251.

большую агрессивность и напористость проявлял Радич, тем больше было оснований, что в Белграде его будут принимать всерьез, как равню. Воспользуемся еще раз работой Д. Станковича для того, чтобы понять, какое представление о Радиче сложилось у сербского политического бомонда, в частности у радикалов, к концу 1922 г.: «Руководство радикалов осознавало тот факт, что Радич все активнее выходит на политическую сцену страны. Но они никак не могли определить его силу. Поэтому иногда для радикалов Радич был предателем и сепаратистом, а иногда политиком, с которым надо серьезно считаться»; «Радикалы находились под впечатлением от политической мощи Хорватского блока и были готовы пойти на компромисс при условии сохранения правящих позиций партии»¹.

В подтверждение слов Б. Глигориевича и Д. Станковича приведем еще одно наблюдение Чичерина: «Надо заметить, что сербы до последней степени напуганы пребыванием Радича в Москве. Мы имеем с разных сторон вполне точные сведения о том, что правительство Пашича... под влиянием сближения Радича с нами... решило воздержаться от репрессий против партии Радича... Узнав об этом, Радич был в восторге... По-видимому, он считает, что пребывание его в Москве уже одно увеличивает его вес»².

Вообще, следует отметить, что в межвоенной Югославии любому взаимодействию различных политических сил, а тем более созданию каких-либо альянсов, предшествовало жестокое единоборство, в котором будущие партнеры стремились показать свою силу, загнать друг друга в угол (в том числе с помощью угроз, погромов, стрельбы и поножовщины) и в конце концов продиктовать свои условия. На поверхности лежит пример взаимоотношений двух «заклятых друзей» — Радикальной и Демократической партий. Разумеется, больше всех «обработке» подвергались руководители «пречанских» партий. В частности, А. Корошец, многократно входивший в качестве министра в состав правительства и даже ставший последним премьером Королевства СХС, делался особенно сговорчивым после угроз со стороны радикалов и двора произвести «ампутацию» Словении и Хорватии и, таким образом, отдать их на растерзание хищным соседям.

Многие шаги Радича также надлежит рассматривать в том числе и через призму его желания произвести впечатление на Пашича и короля Александра, с которыми волей-неволей приходилось вести диалог. В частности, по мнению Б. Глигориевича, контакты лидера ХРКП с Москвой и союз с давидовичевскими демократами в рамках Блока народного согла-

¹ Станковић Ђ. Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 205, 239.

² Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Часть 2. С. 49.

сия и крестьянской демократии были «трамплином, который должен был позволить с сильных позиций начать сближение с радикалами»¹.

Трудно сказать, что конкретно ожидал от «белградских правителей» Радич, вступая в Крестинтерн. Однако предыдущие эскапады вызывали у власти стандартную реакцию каждого политического субъекта, подвергшегося «наезду» и задававшегося вопросом, чего же от него хотят и на какие уступки можно пойти. Так, Пашич после «генуэзской инициативы» Радича послал к нему эмиссаров с предложениями занять определенное количество министерских кресел. Выборы 1923 г., ставшие триумфом ХРКП и «поражением» НРП², привели к подписанию пресловутого Маркова протокола, согласно которому предполагалось приостановление «осуществления Видовданской конституции» на территории Хорватии.

Внешняя противоречивость тактики С. Радича ставит перед исследователем вопрос о задачах, которые он решал, устанавливая взаимоотношения с Белградом. Разумеется, поиск пресловутого «согласия с сербами и словенцами» никогда его не интересовал. Неслучайно Движение общественных работников было названо Радичем «простым господским обманом», а единственным результатом его контактов с сербскими оппозиционерами становилось увеличивающееся отчуждение «переговаривающихся сторон». Республиканская партия оказалась «недостаточно социальной». Союз земледельцев — «недостаточно республиканским». Стоян Протич — «недостаточно интеллигентным»: «У него негибкий ум. Он опытен, но плохой политик»³. Давидовичевцы были людьми «хорошими, но трусливыми»⁴.

Для Д. Станковича очевидно стремление «привести в замешательство сплоченные ряды „сербиянских“ партий, расколоть их в надежде извлечь из этого выгоду»⁵.

И. Мужич «приближение к радикалам и королю» считал частью стратегического плана по «полному разрушению этого объединения (Королевства СХС. — А. С.) ради создания хорватского государства»⁶.

¹ *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. S. 201; см. также: *Он же.* Kominternu, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. S. 166.

² Так результат выборов оценивало руководство НРП, которой не удалось завоевать абсолютного большинства в парламенте.

³ Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 140, 182.

⁴ Цит. по: *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 282.

⁵ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 205.

⁶ *Mužić I.* Op. cit. S. 54.

Б. Глигориевич полагает, что Радич, «сделав выбор в пользу парламентской борьбы, имел перед собой ясную цель: пользуясь разобщенностью... сербских партий, с одной стороны, и объединяя оппозиционные партии вне Сербии, с другой, осуществить план по „окружению и изолированию Сербии“ как политического фактора»¹. Ход событий подтверждает обоснованность точки зрения, объединяющей сербских и хорватских историков. Одной из главных причин распада «централистско-унитаристского фронта» стало сотрудничество его членов с Хорватским блоком. Создание коалиции НРП и ХКП привело к расколу первой, а затем вообще к краху югославянского парламентаризма. Й. Хорват в 1926 и 1927 гг. насчитал пять правительственных кризисов, произошедших по вине ХКП². В то же время было бы ошибочным полагать, что «священная война» с Белградом была единственным мотивом радикального поворота, предпринятого Радичем в 1925 г. Уж слишком высокой была цена, заплаченная за возможность «приближения» к врагу.

Признание в 1925 г. лидером ХРКП Королевства СХС и Видовданской конституции было наиболее перспективным шагом с точки зрения его личной политической карьеры. Именно столпы видовданского режима, а не сербские ревизионисты и не «заграница», способствовали приближению лидера ХРКП к поставленной цели, предопределенной той ролью, которую он отводил себе и своей партии: «Хорватская республиканская крестьянская партия не просто политическая партия, а „всестороннее политическое, хозяйственное и культурное движение всего хорватского народа“³. При этом, как докладывал в 1923 г. Марко Джуричич руководству радикалов о ходе переговоров с ХРКП, «они никогда не думали всерьез о построении республики», принципиальным было «требование суверенитета народа»⁴. Проще говоря, «в своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин».

Кто должен был быть в Хорватии «хозяином», иллюстрирует получивший широкую огласку случай из периода «Соглашения Р-Р». В октябре 1926 г. во время торжественной встречи на загребском вокзале официальной чехословацкой делегации «подвыпивший Радич пробился в первые ряды и прервал приветственные речи встречающих и гостей, вопя, что

¹ *Глигоријевић Б.* Стварање пречанског фронта у Хрватској и политичке последице (1927–1941) // Југословенски историјски часопис. 1997. № 1. С. 94.

² *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 320–330.

³ *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд, 1995. С. 129, 197.

⁴ АЈ, ф. 138 (Министарски савет и предсједништво министарског савета Краљевине Југославије), фасцикла 21–221.

визит одобрили хорваты, а не югославы. Когда его попросили успокоиться, он ответил: «Кто меня может остановить? Я здесь хозяин!»¹.

Радичу в условиях безучастности Запада и относительной стабильности югославского государства пропасть от подпольщика и «агента Коминтерна» до «хозяина Хорватии» мог помочь преодолеть только союз с реальной силой — королем и радикалами. В Европе даже доброжелатели называли Радича лишь «агитатором», неспособным стать «государственным деятелем»². В Белграде — провозгласили «вождем хорватского народа»³.

Кроме того, в качестве легального политика Радич получил возможность артикулировать не только крестьянский «гнев и разочарования», но и устремления не менее значимой части третьего сословия — крупной хорватской буржуазии, без поддержки которой «хозяйничать» в Хорватии было невозможно. Меркантильную подоплеку метаморфозы Радича подробно раскрывали югославские коммунисты: «Вплоть до 1924 г. мы имеем налицо определенные попытки со стороны буржуазии из национальных областей (Хорватия и др.) к образованию самостоятельных независимых государств. В настоящее время буржуазия национальных областей, в общем, пошла на соглашение, отказалась от освободительной борьбы и добивается лишь „должного участия“ в правительстве...»⁴

«Политика „соглашения“, в том виде, в каком ее проводит партия Радича, в основном инспирирована интересами крупной хорватской буржуазии. Ее материальное и идейное влияние в радичевской партии становилось все более сильным. Утомленная многолетней гегемонистской политикой правящей сербской буржуазии, которая ущемляла интересы хорватского капитала, хорватская буржуазия под давлением последнего продолжительного промышленного кризиса стала проявлять все большую готовность к политической капитуляции. Союз промышленников для выхода из тяжелого кризиса всеми возможными способами добивался получения за рубежом займа... Однако все попытки натолкнулись на тот факт, что без государственных гарантий получение за рубежом займов и больших кредитов невозможно. Отсюда неодолимое желание хорватской буржуазии приобщиться к государственной власти. Несомненно, все это в

¹ *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 391.

² R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London; Zagreb, 1976. P. 115, 120 (Р. У. Сетон-Уотсон восклицал: «Если бы только Хорватия могла пойти за нормальным лидером!»).

³ *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje. Beograd, 1991. S. 273.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 69, д. 229, л. 20.

значительной степени ускорило окончательную капитуляцию хорватской буржуазии, выразившейся в „соглашении“ радикалов и радичевцев»¹.

Утверждение, что «капитуляция радичевской партии» стала «победой крупной хорватской буржуазии, которой удалось поставить партию Радича на службу своих классовых интересов», выглядит несколько односторонним. Однако несомненно то, что «капитуляция» оформила союз ХКП не только с радикалами и королем, но и с хорватским капиталом. Новая политика ХКП продемонстрировала ее желание установить влияние на «хозяйственных работников», не оказывая, как раньше, грубого давления, а предлагая услуги респектабельного политического лоббиста их экономических интересов. Проиллюстрируем вышесказанное фрагментом интервью Радича газете «Вестник торговли»:

— Согласны ли Вы, господин председатель, с тем, что более активное участие капитала в делах государства есть условие его быстрой консолидации? И будете ли Вы и дальше настаивать на учреждении Экономического совета, предназначенного для демонстрации воли капитала?

— Грех, что Экономического совета до сих пор нет... Лично я считаю, что новое развитие нашего общества должно было бы осуществляться в направлении все большего участия хозяйственных работников во всех общественных делах. Без этого нет прогресса².

Установление партнерских отношений с хорватским бизнесом свидетельствовало о понимании Радичем того, что условием получения политического контроля над Хорватией является способность его самого и его партии оказывать влияние на ее экономическое развитие. Следует отметить, что создания Экономического совета Радич требовал и после перехода в оппозицию и создания Крестьянско-демократической коалиции. Кроме того, неизменным условием возможного, но так и не состоявшегося вхождения КДК в коалиционное правительство был портфель министра финансов, правом и обязанностью которого было распределение крупных иностранных кредитов. Не получив желаемый пост, руководство КДК заявило о своем протесте «против заключения займов со стороны белградского режима, который против желания хорватского народа заключает все новые займы... мы обращаем внимание иностранных кредиторов, что хорватские предприниматели эти обязательства не могут считать своими, и поэтому кредиторы могут оценить ценность этих обязательств»³.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 70, д. 32, л. 92.

² Трговински гласник, 23 август 1925 г. «Значајне изјаве г. Степана Радића о привредно-социјалним и политичким питањима».

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 69, д. 226, лл. 114.

Что касается самого хорватского капитала, то степень привлекательности негласного альянса с ХКП выражалась цифрой 67. Именно столько было депутатских мест у партии после парламентских выборов 1925 г. Перспективы использования такого потенциала не могли быть омрачены даже издержками, связанными с одиозностью фигуры Степана Радича. «Следующие слова «Обзор» как нельзя лучше характеризуют отношение кроатской буржуазии к партии Радича: «С Радичем трудно, без него труднее, но против него труднее всего...»¹.

«Без него» было «труднее» примерно в три раза. Ведь у прежнего союзника хорватского бизнеса — Самостоятельной демократической партии — в скупщине было всего 21 место. Неудивительно, что финансово-промышленные группировки, стоявшие за Светозаром Прибичевичем, приложили максимум усилий к скорейшему созданию «коалиции Р-Р». Посредником в переговорах между находившимся под арестом Радичем и королем Александром выступил бывший соратник Прибичевича Тони Шлегел — глава «консорциума» («газетного издательского предприятия») Югоштампа, ранее служившего «связующим звеном между Самостоятельной демократической партией и финансовыми институтами (Первой хорватской сберегательной кассой, Славянским банком (Prva hrvatska štedionica, Slavenska banka)»².

§ 3. С. РАДИЧ И С. ПРИБИЧЕВИЧ: БОРЬБА И ЕДИНСТВО «ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ»

В целом суть событий весны-лета 1925 г. состояла в отчуждении властных полномочий Самостоятельной демократической партии в пользу Хорватской крестьянской партии. Упомянутые загребские банки, прежде финансировавшие СДП, в наступившую «эпоху сербскохорватской кооперации» предпочли Радича. В Хорватии под контроль бывших республиканцев перешло местное чиновничество, «очищенное» от сторонников С. Прибичевича. В правительстве вместо четырех самостоятельных демократов появились пять радичевцев, помимо прочего унаследовавших от своих предшественников министерства промышленности и торговли, лесов и руд. Радичу достался прибичевичевский портфель министра просвещения.

«Рокировка», в которой участвовали С. Прибичевич и Радич (фигуры на первый взгляд столь разные), ставит перед исследователем проблему

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 33, д. 586, л. 51.

² Matković H. Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 92.

определения роли, которую играл первый в политической жизни Королевства СХС до тех пор, пока ему не нашли замену.

С первых дней существования Королевства СХС С. Прибичевич в правительстве и в скупшине предстал в образе гоголевского «врага взяточников и всего, что зовется неправдой». Особое усердие он демонстрировал, защищая «государственное и народное единство» от главного врага — хорватского сепаратизма. Как уже было сказано ранее, из-за сопротивления С. Прибичевича хорватский сабор не смог ратифицировать создание Королевства СХС. По свидетельству С. Протича, на заседании правительства глава МВД, стуча кулаком по столу, заявил, что, пока он жив, хорватского сабора не будет. В 1922 г. наместником в Хорватии Й. Деметровичем были распущены националистические организации: «Хорватская женщина», «Хорватский сокол», «Общество графини Катарины Зринской». Оппонентам «господина министра» запрещалось выезжать за границу, неблагонадежная профессура изгонялась из Загребского университета.

Следует отметить, что, устраняя племенные рудименты, бывший лидер Хорватско-сербской коалиции ни в коей мере не являл собой пример надплеменного югославистского мышления. Принцип «клин клином вышибают» был ему гораздо ближе. Проще говоря, национализму хорватскому С. Прибичевич противопоставил национализм проживавших в Хорватии сербов. Или, как сказал брат Светозара Милан Прибичевич, бороться с «хорватской Ирландией в Югославии» следовало, создавая «сербскую Ирландию в Хорватии». «По инициативе Милана Прибичевича... в течение 1920 г. в Лике, Бании, Славонии и западной Боснии была создана сеть «крестьянских вече». Их целью была политизация масс сербов, которых нужно было настроить против крестьянского движения Радича»¹.

Главным инструментом политики С. Прибичевича стала Организация югославянских националистов (Орюна). Первой ее мишенью стало Хорватское объединение. В марте 1921 г. в Сплите ура-патриоты сожгли тираж газеты, которую пытался издавать Мате Дринкович. В Загребе Орюна предприняла атаки на редакции газет «Обзор», «Хорват», «Утренняя газета». С выходом на политическую арену ХРКП врагом номер один был провозглашен С. Радич. На С. Прибичевича, как красная тряпка на быка, подействовал Меморандум ХРКП Генуэзской конференции. «В середине 1922 г. драки, настоящие сражения с применением оружия между члена-

¹ Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 122.

ми Оруны и хорватскими националистами в Загребе, Осиеке, Госпиче и в других местах... создавали атмосферу гражданской войны»¹.

На протяжении первой половины 20-х гг. для искоренения крамолы С. Прибичевич несколько раз предлагал послать в Хорватию военную экспедицию: «Радичевская республика не может быть создана до тех пор, пока у этого государства есть пушки и снаряды»². Будучи главой МВД, он неоднократно сажал Радича в тюрьму. При этом арестованный почему-то так и не подвергся ни серьезному следствию, ни суду³. Это парадоксальное обстоятельство показательно в плане общих результатов деятельности Прибичевича в качестве члена кабинета и одного из лидеров правительственного большинства. Преступной деятельности ХРКП министром внутренних дел не было поставлено ни единой значительной преграды. За границу Радич выезжал, не спрашивая разрешения у полиции. Непродолжительные аресты только прибавили ему популярности. Подтверждением служат следующие слова члена руководства ХРКП Ивана Пернара: «Мы со спокойствием ожидаем преследований. Они нам только на пользу. Нам запретили агитировать, но это больше и не нужно. Полиция своим насилием будет агитировать от имени правительства за каждого, кого она арестует»⁴.

Несмотря на все это, карьера С. Прибичевича вовсе не страдала. При отсутствии у «белградских правителей» четкого представления о целях и методах политики в отношении новоприсоединенных территорий преданности нескольких сотен тысяч проживавших в Хорватии сербов было достаточно для того, чтобы в течение длительного времени носить титул «специалиста по Хорватии». «Великая потребность защищать народное и государственное единство продиктовала образование коалиции радикалов и самостоятельных демократов»⁵, — слова Н. Пашича характеризуют, какой репутацией пользовался Прибичевич в Белграде. На распределение полномочий в «Национальном блоке» НРП и СДП проливал свет деятель Оппозиционного блока Л. Давидович: «Наше централистское правительство поделило страну на две сферы влияния. В сферу влияния господина премьер-министра вошла южная и северная Сербия, Босния и Герцеговина, Воеводина, Черногория, Срем и часть южной Далмации.

¹ *Gligorijević B.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 254.

² Цит. по: *Gligorijević B.* Demokratska stranka... S. 350.

³ *Matković H.* Svetozar Pribičević... S. 50.

⁴ Цит. по: *Димитријевић М.* Ми и хрвати. Хрватско питање. Споразум са хрватима 1914–1939. Београд, 1939. С. 154.

⁵ АЈ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

В дахилук господина министра просвещения вошла Хорватия, Словения и остальные части нашей страны, мной не упомянутые»¹.

Сам собой встает вопрос о причинах кардинального расхождения государственнического имиджа С. Прибичевича с плачевными результатами его правления в Хорватии. Уже став политэмигрантом, Прибичевич признался И. Мештровичу, что «как и все мы, был безумен и обуреваем страстями»². Усомнимся в покаянных словах неопита-республиканца. В бытность министром-унитаристом он действовал весьма рационально. Прибичевичем двигало понимание того, что его положение напрямую зависит от остроты хорватского вопроса. По словам Б. Глигориевича, «стремящимся удержаться у власти демократам (ставшим в 1924 г. «самостоятельными») на руку была накаленная политическая атмосфера в Хорватии, которую они сами и создавали»³. При этом Прибичевич — первый югославский министр внутренних дел — преследовал основную цель, типичную, в принципе, для всех служб полиции и государственной безопасности, — подтверждение любыми средствами собственной незаменимости и безальтернативности политики «твердой руки». Говоря словами С. Протића, «политические негодяи, которых называют и политическими виртуозами, пользуются страхом... для осуществления собственных замыслов...»⁴. Нелишним будет процитировать еще несколько высказываний современников — идеологических оппонентов, но единомышленников во взгляде на главу СДП.

По относящимся к 1920 г. словам одного из лидеров ХО Д. Шурмина: «Вместо того чтобы следовать законам, власть начала говорить, а потом и действовать, как будто мы в самом разгаре революции»⁵.

М. Дринкович раскрывал подноготную Прибичевича, сравнивая его с Н. Пашичем: «Ясно, что Пашича в отличие от Прибичевича интересовало что-то совсем другое. Первый думал об интересах государства и государственной власти. Второй — о том, чтобы быть всевластным пашой в Хорватии. Первый был воплощением осторожности и умеренности. Второй — бесцеремонного насилия. И перед кровью не остановился бы,

¹ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Ванредан сазив за 1925. годину. Од I претходног састанка 7 марта 1925. до III редовног састанка 31 марта 1925. Београд, 1925. С. 99.

² Цит. по: *Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje.* Zagreb, 1969. S. 205.

³ *Gligorijević B. Demokratska stranka...* S. 254.

⁴ *Протић С.* Три докумената или један лист из историје наших дана. Београд, 1921. С. 27.

⁵ *Шурмин Ђ.* Хрватска заједница // Нови живот. Књига I. Белград, 1920. С. 36.

решая „несуществующий“ хорватский вопрос единого народа и единого государства»¹.

Томислав Томленович делился безрадостными соображениями со своим партийным шефом Л. Давидовичем в письме от 15 июня 1922 г.: «Думаю о выходе из Демократической партии и начале открытой борьбы против ее теперешней политики, которая, по-моему, вскоре приведет к кровопролитию в Хорватии, если не к гражданской войне... Распаленные до такой степени страсти позволят окончательно утвердиться „политике железной руки“... Прибичевич сегодня определяет всю внутреннюю политику и от имени государства творит такие вещи, которые оскорбляют первостепенные чувства хорватов... Прибичевичу хочется крови. Только так он может удержаться...»²

Член Радикальной партии хорват Иван Франич писал Н. Пашичу: «Политическая ситуация в Хорватии стала отчаянной. Сторонники государственного и народного единства, если они не члены Самостоятельной демократической партии, подвергаются преследованиям с двух сторон — и жандармерии, и радичевских террористов... Прошу господина министра-председателя вмешаться и защитить от государственных органов жизнь и здоровье тех хорватов, которые являются сторонниками монархии, не являясь членами СДП»³.

Как всегда проницательным было мнение С. Радича: «Цель всей акции Прибичевича состоит в том, чтобы разверзнуть пропасть между королем и нами, хорватами»⁴.

До 1925 г. С. Прибичевич успешно выступал в амплуа «представителя Хорватии». Появление какого-либо другого «представителя» не ожидалось. Из всего разнообразия хорватских партий, существовавших в первые годы после объединения, на политической арене остался только «агент Коминтерна» С. Радич. К тому, чтобы сделать настроения в непокорной провинции столь экстремистскими, глава СДП приложил максимум усилий. Проиллюстрируем вышесказанное отрывком отчета королевского наместника Эрнеста Чимича Н. Пашичу о положении в Хорватии после выборов 1923 г.: «Как известно, в Хорватии большинство мандатов получили радичевцы. Причиной тому — четырехлетнее правление демократов, не гнушавшихся насилием и коррупцией. Они ввели дурную администрацию, основали Орюну, которая была настоящим ужасом... Все это они

¹ Drinković M. Hrvatska i državna politika. Zagreb, 1928. S. 95.

² АЖ, ф. 323 (zbirka Lj. Davidovića), nova sig. 72.

³ АЖ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

⁴ АЖ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6.

устроили, руководствуясь своими партийными интересами... Демократы насильственно насаждали югославизм... Все это вызывало ответную реакцию хорватов»¹.

Однако подобная ситуация, которая вроде бы была на руку С. Прибичевичу, вызывала все большее раздражение у «белградских правителей» и загребских капиталистов. Во-первых, лидеру сербского национального меньшинства невозможно было бесконечно выступать от имени всей Хорватии. Поэтому радикалам и королю «для приличия» пришлось ввести в состав предпоследнего третьего правительства Национального блока (6.11.1924 – 29.04.1925) двух лидеров распавшегося Хорватского объединения — Д. Шурмина и М. Дринковича. Во-вторых, перманентная «атмосфера гражданской войны», которую, по словам Б. Глигориевича, создавал Прибичевич, была слишком дорогой ценой за его услуги. В условиях бурного роста экономики послевоенной Югославии «союзу хорватской и сербской буржуазии под эгидой монархии», говоря языком КПЮ, хотелось прежде всего политической стабильности, которую, как казалось, могла принести замена Прибичевича на Радича.

Время, отделявшее распад Национального блока от создания Крестьянско-демократической коалиции, Прибичевич потратил на поиск своего нового места в политической системе Королевства. «Изгнание из рая», воспринятое как предательство со стороны радикалов и короля, тяжело подействовало на главу СДП, но не уменьшило его политиканского запала. По свидетельству Й. Хорвата, «Прибичевич и в оппозиции сохранил манеры всемогущего министра. Время от времени под воздействием невротизма, носивших гротескный характер, он выступал с бесконечными наставительными монологами... В оппозиции, как и у власти, Прибичевич оставался фанатиком и догматиком»². Он по-прежнему продолжал играть роль последнего защитника монархии и «югославянства» от двух зол: «крайнего хорватства Радича и великосербства Пашича». В этом качестве Прибичевич заявлял о необходимости роспуска всех партий и создания «одной большой партии, которая могла бы сама нести ответственность за дела в государстве» и начать под его чутким руководством «дело народного возрождения». «Одержимый своей миссией Прибичевич преподносил себя единственным политиком, способным спасти народ и государство»³.

Сколь амбициозной была подобная цель, столь радикальным был отказ Прибичевича от прежней политики, всех своих убеждений и создание вме-

¹ АЖ, ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.

² *Horvat J. Živjeti u Hrvatskoj...* S. 279.

³ *Matković H. Svetozar Pribičević...* S. 189, 192.

сте с С. Радичем «Пречанского фронта» против Сербии. Как сопредседатель Крестьянско-демократической коалиции он заговорил о «сербийской гегемонии», «завоевательных великосербских устремлениях», «солидарности сербов-пречан с хорватством», а после ранения и смерти С. Радича заявил о непризнании Видовданской конституции и решений, принимаемых «белградским парламентом», требовал сохранения «историко-государственных и народно-политических индивидуальностей»¹.

Союз Радича и Прибичевича, неожиданный для современников, не выглядит таким для сегодняшнего исследователя. С момента образования Королевства СХС политические «антиподы» сознательно дестабилизировали обстановку в стране и таким образом объективно способствовали взаимному усилению. Политический дуэт слаженно играл спектакль по сценарию «Я убегаю, ты догоняешь». При этом оба партнера выдерживали мизансцену. Иван Рибар в своих воспоминаниях приписывал главе ХРКП следующие слова, сказанные в ответ на призывы поучаствовать в работе Уставотворной скупщины и помешать принятию централистской конституции: «Зачем мне и моей партии ехать в Белград и разрушать творение Светозара. Пускай он это сделает сам... Придет время, когда он окажется на моей стороне»².

Признание публики было главной наградой исполнителям, подтверждавшим незаменимость друг друга. Радича — в глазах хорватских крестьян, Прибичевича — «сербийцев». Однако подобная гармония взаимоотношений была возможна только в первые годы существования Югославии. И Радич, и Прибичевич стремились к тому, чтобы быть монопольными «хозяевами Хорватии». Этот почти официальный статус не просто подразумевал участие в правительстве и контроль над местной администрацией, а значит, и над экономикой одной из богатейших областей страны. Быть «хозяином» («специалистом», «представителем») значило иметь возможность перед лицом Сербии, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». От способности им спекулировать, от умения шантажировать Белград зависел политический вес «специалиста по Хорватии».

В 1925 г. Радич оказался удачливее Прибичевича, политическая жизнь которого, казалось бы, сразу потеряла свой смысл. Показательно мнение, высказанное Т. Шлегелом во время состоявшихся в мае 1925 г.

¹ *Pribičević S.* Op. cit. S. 100.

² *Ribar I.* Politički spisi. Beograd, 1948. S. 30.

бесед с Радичем: «Я сказал ему, что было бы весьма кстати, если бы Самостоятельная демократическая партия распустилась как совершенно излишняя»¹.

Однако в Белграде Радич задержался ненамного дольше своего земляка-предшественника. Настроения избирателей и позиция короля, стремившегося к ослаблению всех партий, вытолкнули Радича обратно в оппозицию, где уже два года обретался Прибичевич. Распад Национального блока перевел бывшего «сербского Тису» в разряд третьесортных скупщинских деятелей, чей удел безденежье и мелкий торг с властью. Союз с Радичем был для него шансом вернуться в число вершителей судеб страны. Причины своего вступления в КДК Прибичевич описывал своим словенским сторонником: «Наша партия уже несколько лет не у власти, поэтому, разумеется, наши фонды иссякли. Вы все знаете, что без денег работать нельзя, и это один из мотивов нашего сотрудничества с радичевцами. Именно они дали нам денег для агитации. Взамен я должен оказывать им многие политические услуги...»²

Жажда отмщения «сербиянцам», необходимость поиска своего места в условиях наступающего краха видовданского парламентаризма и постепенной узурпации Александром Карагеоргиевичем власти в стране объединили «волну и камень, стихи и прозу, лед и пламень»: «Слово „никогда“ не должно произноситься политиком, — продолжал объяснение Прибичевич, — вчерашний антагонизм завтра обернется согласием... Каждая перемена... должна вести к достижению партией преимуществ»³. Крестьянско-демократической коалиции предстояло стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии» и, следовательно, сделать ее создателей независимыми от капризов и изменчивых предпочтений двора. «Фронтом» было сподручнее, чем поодиночке, сохранять контроль над обстановкой внутри Хорватии и, следовательно, иметь возможность оказывать давление на Белград. Инструментом подобного давления была политика «социального бойкота» Сербии, который, по замыслу руководства КДК, должен был состоять в прекращении «всех общественных связей» с представителями правящих партий и всеми поддерживающими режим. Бойкот следовало осуществлять на политическом, экономическом и культурном уровнях...»⁴. Как и в случае с давнишним радичевским «продовольственным бойкотом городов», неприсоединившиеся назывались

¹ АЈ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6.

² АЈ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18.

³ Там же.

⁴ *Глигоријевић Б.* Стварање пречанског фронта у Хрватској... С. 98.

предателями¹. Коллективный «дахия», «всевластный паша» не мог допустить не санкционированной им интеграции своей провинции с остальными территориями, а тем более усиления центральной власти.

В процитированном нами высказывании А. Корошца от 1921 г. сербофобия хорватов названа ценной «валютой» в кармане у Радича, умевшего потакать массам. Очевидно, что и в первой, и во второй Югославии межнациональные, межобластные, «межплеменные» противоречия всегда были источником политического капитала. «Объем денежной массы» был особенно высок в смутное межвоенное время, в которое «валюты» хватило и для двух «политических негодяев». «В обычных условиях они едва ли играли бы важную роль, — писал Т. Шлегел министру двора Д. Янковичу, — Но хаос войны и послевоенных лет вынесли их на поверхность. Так, наверное, и должно быть, что в ненормальные времена ненормальные люди встают во главе народных движений...»²

¹ Показательна резолюция инспирированной КДК «конференции хорватских предпринимателей», заклеившая Белград и его прислужника предпринимателя из Хорватии Владимира Арко: «С отвращением мы осуждаем интриги белградского режима... режим производил сделки с разными ненациональными элементами в Хорватии, с помощью которых... интригует против законного хорватского представительства, надеясь получить санкцию за свою деятельность, состоящую в уничтожении хорватского народного имущества... В частности, конференция осуждает противозакономическую и спекулянтскую деятельность Владимира Арка, на службе режима, которого конференция призывает сделать выводы из своей деятельности во всех предпринимательских объединениях в Загребе... мы призываем его ставленников, которых он своевременно поставил во главе некоторых из этих объединений... чтобы покинули свои места... во главе этих объединений вместо них следует поставить национально и нравственно твердых людей, которые пользуются полным доверием народных вождей... вся хорватская национальная экономика ныне находится в таком положении, что всякий уход от хорватской национальной политики или пассивность в борьбе за суверенитет хорватского народа означает ее гибель. Чтобы последнего избежать необходимо обеспечить постоянный контакт между хорватской экономикой и руководителями народа...». (РГАСПИ, ф. 495, оп. 69, д. 226, лл. 115–116).

² АЈ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 6.

Глава IV

ХАРАКТЕР ЮГОСЛАВСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Статья № 1 Видовданской конституции гласила: «Государство сербов, хорватов и словенцев — конституционная, парламентская и наследственная монархия» (*«Народная скупщина первый фактор законодательства, а король второй. Членов Народной скупщины определяют выборы, а личность короля заранее указана в конституции... Король не может быть ни обвинен, ни подвергнут суду за совершенные им преступления. Он обязан подчиняться конституции и законам... Хотя король подчиняется правовому порядку и не стоит над законом, совершенные им нарушения правового порядка остаются без оговоренного законом наказания»*).

«№ 46: Законодательную власть совместно осуществляют король и Народная скупщина (*«Право законодательной инициативы принадлежит им обоим. Всякий закон вступает в силу в результате их обоюдного согласия»*). *«Король имеет право отказать в утверждении любого законопроекта... Скупщина не в состоянии заставить короля утвердить законопроект. Король имеет абсолютное, а не ограниченное право вето... но для короля существуют известные ограничения... если король решил утвердить законопроект, он должен утвердить его таким, каким он вышел из скупщины»*).

№ 47: Исполнительную власть осуществляет король через ответственных министров...

№ 52: Король созывает Народную скупщину на регулярный или внеочередной созыв... Король имеет право распустить Народную скупщину.

Однако указ о роспуске одновременно должен назначить новые выборы, которые должны состояться самое позднее через три месяца...

№ 54: Ни один акт королевской власти не имеет силы и не подлежит осуществлению, если его не заверил соответствующий министр...

№ 75: Заседания Народной скупщины регулярного созыва открываются каждый год 20 октября в том случае, если ранее скупщина не была созвана королем на внеочередной созыв... (*«Открытие сессии скупщины есть акт королевской власти, которым король уполномочивает скупщину приступить к исполнению своих обязанностей... Закрытие скупщины есть акт королевской власти, которым король констатирует, что созыв завершен, т. к. скупщина выполнила задачу этого созыва... Во время регулярного созыва обсуждается не один определенный предмет, а все законопроекты, которые правительство или отдельные народные депутаты выносят на суд скупщины... Но все-таки существует один предмет, ради которого необходим ежегодный созыв скупщины.»*) Регулярный созыв не может быть завершен до тех пор, пока не принят бюджет... (*«Проект бюджета составляет правительство, а утверждает народная скупщина. По своему содержанию это акт финансового правления, а по форме это закон». «Без одобрения скупщины бюджет не может быть продлен больше чем на три месяца». «Действие бюджета длится с 1 января по 31 декабря одного года. Бюджетный год совпадает с календарным»¹.)*

№ 80: Законы провозглашает король своим указом, который содержит текст самого закона, принятый скупщиной. Указ заверяется министрами...

№ 82: Каждый член Народной скупщины имеет право направлять министрам вопросы и интерpellации. Министры обязаны дать на них ответ в течение того же созыва...

№ 90: Все министры составляют министерский совет, который подчиняется непосредственно королю. Король назначает председателя и членов министерского совета.

№ 91: Министры несут ответственность перед королем и Народной скупщиной. Король и Народная скупщина могут предъявить министрам обвинения в нарушении конституции и законов страны...

№ 94: Исполнительная власть может издавать распоряжения, необходимые для исполнения законов... Распоряжения не могут противоречить конституции или закону, для применения которого они были изданы...

¹ *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 369, 386, 113, 398, 196, 202, 322.

Народная скупщина может приостанавливать действие распоряжений целиком или отдельных их частей»¹.

Авторство вышеописанной системы государственной власти принадлежало руководству демократов и, в первую очередь, радикалов, приложивших летом 1921 г. значительные усилия для принятия Основного закона страны. Стоит напомнить, что у «уставотворцев» принципиальных разногласий с оппозицией по вопросу о государственном строе, в отличие от проблемы административного территориального разграничения, не возникало. В программных документах и заявлениях всех политических партий, от ХРКП до НРП, можно найти признания приверженности идеалам парламентаризма. Югославянская мусульманская организация требовала «полной ответственности правительства перед народным представительством»². Радич с 1924 г. выступал за «монархию английского типа». Народная радикальная партия декларировала принцип «Le Roi regne mais il ne gouverne pas — король правит, но не управляет»³. «Народная радикальная партия — политическая парламентская партия. Поэтому она противостоит всем партиям и направлениям, не занимающим парламентские позиции... Без парламентаризма нет свободы и самоуправления. Партия боролась за него с самого начала своей деятельности...»⁴ Примером подобного рвения служило упоминание парламентского характера Королевства СХС, отличавшее Видовданскую конституцию как от сербской конституции 1903 г., так и от законодательства Великобритании, чьи политические традиции почитались образцовыми.

Действительность диссонировала с «западнической» риторикой югославских политиков. Л. Димич пишет: «Королевство СХС не было страной, в которой Народная скупщина была бы суверенным органом власти»⁵. По мнению сербской политической элиты, главным проявлением «кризиса парламентаризма» была неподконтрольность исполнительной власти депутатам. Яша Проданович констатировал: «Народное представительство не имело сил ни защитить правительство от непарламентской отставки, ни устранить его от государственных дел в случае утраты доверия скуп-

¹ Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд 28 јуна 1921 // Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Београд, 1987. С. 129.

² Цит. по: Purivatra A. Jugoslavenska muslimanska organizacija u političkom životu Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Сарајево, 1977. С. 413.

³ Самоуправа. 24 јануар 1924. «Атавизам интриганата».

⁴ Цит. по: Petranović B., Zečević M. Op. cit. С. 217.

⁵ Димић Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 121.

щинского большинства»¹. «Никто не в состоянии ни определить причины отставок кабинетов, ни установить какие-нибудь четкие правила... Такой парламентаризм неизвестен европейским парламентским странам, хотя в их конституциях не указано, что они парламентские»².

Анализируя годы спустя причины умаления роли представительной власти, большая часть югославских политических и общественных деятелей главным и в большинстве случаев единственным его виновником называла короля Александра.

- Теоретик Видовданского парламентаризма Слободан Йованович писал, что «офицерская среда, наложившая отпечаток на Александра в молодости, воспитала его не только в военном, но и в политическом отношении. Ни в грош не ставя политиков, Александр считал, что все зло — от партий и что дела государства совершались бы лучше и быстрее, если бы в политике, как в армии, знали, „кто командует“. Постоянно планировал государственный переворот, но решился на него после долгих колебаний»³.
- Деятель Демократической партии Милан Грол отметил в дневнике: «Политическая коррупция короля Александра... отравила нормальное политическое брожение в стране, остановила здоровую ферментацию идей»⁴.
- Радикалы припоминали слова Пашича, сказанные им еще зимой 1918/19 гг. по поводу отказа принца-регента утвердить его первым премьером Югославии: «Он демонстрирует склонность править самовластно... Интриган и очень амбициозен»⁵. Л. Маркович в мемуарах вторил своему покойному шефу: «Александр не хотел оставаться в роли парламентского правителя, но не мог и не смел открыто выступить против конституции 1921 г. Поэтому он шел обходным путем для осуществления своих желаний и потребностей, несовместимых с признанными принципами парламентской системы правления»⁶.

¹ Продановић Ј. Изван парламентаризма // Српски књижевни гласник (далее — СКГ). Књига 18. Број 6. С. 29. Београд. 1 јул 1926.

² Продановић Ј. Криза нашега парламентаризма // СКГ. Књ. 13. Број 6. С. 445. 16 новембар 1924.

³ АСАНУ. 14387/8351.

⁴ Цит. по: Радојевић, Мира. Удружена опозиција 1935-1939. Београд, 1994. С. 47.

⁵ Цит. по: Gligoriјевић В. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Београд, 1970. С. 25.

⁶ Марковић Л. Одломци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 350.

- Стравливая и ослабляя партии, шантажируя крупнейших политиков, Александр, по выражению М. Стоядиновича, пробивал «бреши в общественной жизни»¹. «Как регент и как король, он часто торпедировал правительства», узурпировал право назначения военного министра и министра иностранных дел, вводил в состав кабинетов действующих офицеров, игнорируя мнение парламента.
- «Из 23 министерских кризисов скупщина вызвала всего два... Все прочие вызвал король или люди из его окружения и по его приказу. Чем дальше от 1918 г., тем чаще происходило вмешательство короля, тем больше все это походило на режим личной королевской власти. Диктатура 6 января 1929 г. всего лишь кульминация этой политики»², — делал вывод С. Прибичевич.

Не ставя под сомнение справедливость вышеприведенных обличительных выводов, отметим, что о собственной ответственности за итог двадцатых годов крупные партийные функционеры вспоминали нечасто. Между тем главная обусловившая «кризис парламентаризма» характеристика Народной скупщины не имела прямого касательства к взаимоотношениям «первого и второго конституционных факторов», к отсутствию контроля представительной власти над исполнительной, а была предопределена состоянием самого депутатского корпуса. В первую очередь следует отметить, что и в скупщине, и в правительстве, которое на протяжении изучаемого периода формировалось из депутатов крупнейших парламентских фракций, он демонстрировал более чем скромную работоспособность. Показательным примером служит то обстоятельство, что с 1918 г. по 1929 г. было принято всего пять «финансовых законов» (1922/23, 1924/25, 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг.). Все остальное время государство жило, деля на двенадцать абстрактную сумму прошлогодних доходов и расходов, часто существовавшую только в умах работников министерства финансов³. Кроме того, как пишет сербский историк И. Беич, «хотя по закону о государственных финансах бюджетный год должен был совпадать с календарным и эта норма была отменена только в 1924 г., в период до ее отмены закон не соблюдался. Бюджетные года 1919/20, 1920/21 и 1921/22 начинались 1 июня. 1921/22 финансовый год примечателен тем, что он продолжался полных 14 месяцев. Послед-

¹ *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 234.*

² *Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. S. 117.*

³ *Зборник Југославије, њених бановина, градова, срезова и општина. Београд, 1931. С. 148.*

ний финансовый год пятилетнего послевоенного цикла начался 1 августа 1922 г. и закончился 30 июня 1923 г.»¹.

Число всех остальных законов, принятых народными избранниками, также было весьма невелико. Из-за их нерадивости десять лет спустя после создания Королевства СХС продолжала существовать юридическая «раздробленность» шести так называемых «правовых областей». «Отсутствие правового единообразия вызывало политические потрясения, служило причиной экономической отсталости. Многочисленные системы гражданского, торгового, вексельного и имущественного права создавали условия нестабильности для людей, занимавшихся торговлей и производством. Неупорядоченность законодательства препятствовала получению иностранных кредитов и притоку капитала из-за границы...»²

- В **1919 г.** было принято всего 9 законопроектов, из которых ни один не был направлен на правовое оформление молодого государства.
- В **1920 г.** — 2, один из них — «о курортах и водах».
- В **1921 г.** — 18, из которых только 5 имели отношение к государственному строительству.
- В **1922 г.** была продемонстрирована неожиданная «фертильность». Было принято 113 законопроектов. В 1920–22 гг. работа парламента была организована следующим образом:
 1. *Уставотворная Народная скупщина: 12.XII.1920 – 2.VII.1921 г.;*
 2. *Внеочередной созыв: 2.VII – 19.X.1921 г.;*
 3. *Регулярный созыв: 20.X.1921 – 19.X.1922 г.;*
 4. *Регулярный созыв: 20.X – 21.XII.1922 г.*
- В **1923 г.** силы оставили «народных посланников» — 6 законопроектов.
 5. *Внеочередной созыв: 16.IV – 19.X.1923 г.;*
 6. *Регулярный созыв: 20.X.1923 – 27.V.1924 г.*
- **1924 г.** принес 3. Один — «о защите и наказании молодежи».
 7. *Внеочередной созыв: 6.VIII – 19.X.1924 г.;*
 8. *Регулярный созыв: 20.X – 10.XI.1924 г.*
- **1925 г.** — 6.
 9. *Внеочередной созыв: 7.III – 19.X.1925 г.;*
 10. *Регулярный созыв: 20.X.1925 – 19.X.1926 г.*

¹ *Весић. I. Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923.* (магистерская диссертация, защищенная на Философском факультете Белградского университета в 2002 г.). С. 39.

² *Пасаруков Н. Д. Изједначење закона // Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928.* I. Београд, 1928. С. 382.

- **1926 г.** — 9.
11. *Регулярный созыв: 19.X.1926 – 15.VI.1927 г.*
- **1927 г.** — 6.
14. *Внеочередной созыв: 5 – 19.X.1927 г.;*
13. *Регулярный созыв: 20.X.1927 – 19.X.1928 г.*
- **1928 г.** занял второе место — 19 законопроектов. В том числе «Закон о почтовых голубях» и «Закон о предотвращении эпидемических заболеваний скота». Наконец-то был принят «Закон о прямых налогах», способствовавший «выравниванию налогообложения»¹.
14. *Регулярный созыв: 20.X.1928 – 6.I.1929 г.*²

Придать жизненность сухой статистике и продемонстрировать работу скупщины в «реальном времени» позволяют выдержки из парламентских обзоров Б. Влаича, написанных им с 1922 по 1928 г. Полезен также взгляд со стороны на югославскую политику. С этой целью приведем отрывки из ежегодных отчетов британского посольства.

- **16 января 1922 г.:** «Парламент проголосовал за «дванаестины» (1/12 прошлогоднего бюджета. — А. С.) и отправился на каникулы, на весьма продолжительные каникулы».
- **16 августа 1922 г.:** «Заседания Народной скупщины отложены. Отсрочка утверждена постфактум: не дожидаясь решения, народные депутаты разъехались по домам. До тех пор, пока не были приняты законы о бюджете и займе, правительству еще удавалось удерживать свои фракции в сборе. Но после этого правительство было не в состоянии... задерживать своих депутатов в скупщине. Народные депутаты в оправдание своего поступка приводят как смягчающее обстоятельство усталость от долгой работы и невыносимую белградскую жару. Но, если это можно по-человечески понять, то остается одно отягчающее обстоятельство, и довольно значительное, — важность вопросов, стоявших в повестке дня скупщины. Это Закон о компенсации за ущерб, нанесенный войной, и Закон о гражданских чиновниках. Тягостное впечатление от поступка депутатов усугубляется тем, что... трудолюбие им изменило только тогда, когда от законов, непосредственно

¹ Сагадин С. Народна скупштина // Јубиларни зборник живота и рада... С. 92–96. (С. Сагадин называет число принятых законов без учета бюджетов и прочих финансовых законопроектов. В связи с этим вышеприведенная статистика отличается от данных других источников. См., например, *Avramovski Ž. Op. cit. S. 590.*)

² *Митриновић Ч., Брашић М.Н.* Југословенске Народне скупштине и сабори. Београд, 1937.

интересовавших правительство — бюджет и заем. — они перешли к законам, затрагивающим интересы подданных. ...3 и 4 августа работа Народной скупщины была прервана из-за отсутствия кворума. Председателю парламента не оставалось ничего другого, как сказать, что о следующем заседании будет объявлено в письменном виде. Это, по видимому, будет после 20 сентября».

- **1 сентября 1922 г.:** «Когда народные депутаты отправились отдыхать, не выполнив повестку дня скупщины..., правительственные газеты написали, что одна из причин, по которым правительство хочет отложить работу парламента, — потребность... получить время для подготовки дальнейшей работы парламента. Однако оказалось, что правительством руководили более простые желания: каникулы парламента дали возможность отдохнуть и самим министрам. Вслед за депутатами из Белграда стали разъезжаться и министры — на отдых или в свои избирательные округа. Во второй половине августа были такие дни, когда в столице было не больше 2–3 министров. И речь идет о правительстве, которое, по причине пребывания короля за границей... вершит и королевскую власть. Из-за отсутствия большинства министров заседания кабинета отложены до 5 сентября. Эти обстоятельства объясняют, почему неизвестна дата начала ни работы парламента, ни созыва законодательного комитета».
- **16 сентября 1922 г.:** «Чтобы сгладить тягостное впечатление от перерыва в работе Скупщины в начале августа, когда депутаты разъехались из Белграда, несмотря на важность обсуждаемых вопросов, правительство сообщило, что каникулы закончатся не позднее 20 сентября. Исходя из этого ожидалось, что Законодательный комитет соберется еще в первой половине сентября, чтобы успеть до пленарного заседания подготовить закон о чиновниках. Однако первая половина сентября прошла, а Законодательный комитет не приступил к работе...

После долгого перерыва, вызванного отсутствием большинства министров, правительство стало снова собираться на заседания. Но и сейчас не все члены кабинета в Белграде. Главное, председатель правительства господин Пашич будет отсутствовать дольше, чем предполагалось. ... При том положении, в котором находится правительство, нет оправдания долгому пребыванию председателя правительства за границей.

Кажется, все умерло: премьер-министр за границей; парламента не собирается, чтобы скрытый правительственный кризис не стал явным; правительство не в состоянии держать в сборе достаточное для проведения заседаний количество министров...»

- **1 августа 1923 г.:** «Летняя сессия Народной скупщины закончена, и заседания отложены до 20 сентября. От состоящей из 19 пунктов законодательной программы, которой так гордится правительство Пашича и которую оно представило 1 июня... скупщина приняла всего три законопроекта...»
- **1 октября 1923 г.:** «20 сентября после почти двухмесячного отдыха Скупщина возобновила свои заседания. ...Дома даже официальные лица с их обязательным оптимизмом едва осмеливаются утверждать, что страна обустроивается. Конституционный вопрос остался нерешенным и после принятия Видовданского устава, который даже правительство господина Пашича... не в состоянии провести в жизнь. Скупщина неспособна к плодотворной законодательной деятельности. Администрация в расстройстве...»
- **16 ноября 1923 г.:** «Только начав работу в рамках регулярного созыва, уже 29 октября Народная скупщина прервала свои заседания до 20 ноября. Причина — отсутствие готового законодательного материала для обсуждения на пленарном заседании Скупщины.

В своей программе, которая была представлена парламенту, однопартийное радикальное правительство господина Пашича определило свою главную задачу: обустройство государства в результате быстрого и решительного установления нового правового порядка. (...) Что для этого сделало правительство господина Пашича? (...) Правительство образовано шесть с половиной месяцев назад. Срок короткий для обещанных результатов (программа состоит из 19 законов), но не короткий для результатов, которые удалось достичь. Для них, напротив, это слишком длинный срок. За все время своей работы правительству удалось провести через Скупщину незначительное количество законопроектов...»

- **1 декабря 1923 г.:** «Когда 29 октября заседания Скупщины были отложены, председатель обещал, что перерыв не затянется дольше чем до 20 ноября. По мере приближения срока становилось все очевидней, что причина перерыва — отсутствие готовых законопроектов для обсуждения на пленарных заседаниях — не будет устранена, а очередное заседание откладывается до 3 декабря. Обсуждение бюджета на 1923/24 г. в Финансовом комитете продвигается медленнее, чем предполагалось. Поэтому Скупщина не сможет принять бюджет к рассмотрению на своих первых заседаниях. Это значит, что бюджет вообще не будет принят до 1 января 1924 г., а правительство еще раз вынуждено будет просить у парламента разрешения продления действия старо-

го бюджета. Т. к. уже в течение первой половины бюджетного года (1 июля – 31 декабря) правительство господина Пашича существовало по дванаестинам, оно и во второе полугодие вступает с дванаестинами. Принятый бюджет 1923/24 гг. будет реально действовать только краткий отрезок отведенного ему законного времени. Если работу Финансового комитета нельзя одобрить, то работа Законодательного комитета заслуживает осуждения. Хотя на рассмотрении в комитете находятся два закона, касающиеся не политических, а специальных проблем (закон об устройстве судов и закон о судьях), Законодательный комитет не соберется для их обсуждения 3 декабря. Другими законопроектами комитет за все время перерыва в работе парламента вообще не занимался. И, когда Скупщина соберется, вскоре опять наступит дефицит материала для пленарного обсуждения».

- **1923 г.:** *Хотя для унификации различных юридических и налоговых систем присоединенных к старой Сербии областей в стране ощущалась насущная потребность в принятии многих законов, Скупщине было предложено совсем немного мер¹.*
- **16 января 1924 г.:** «О политической ситуации накануне Рождества газеты пишут: «Затишье». (...) В правительстве, за исключением Министерства иностранных дел, которое готовит белградскую встречу Малой Антанты, все спокойно. По случаю праздника, парламент на каникулах...»
- **1 апреля 1924 г.:** «Об отставке своего правительства господин Пашич заявил, как только первые депутаты от партии господина Радича приняли депутатскую присягу. Пашич не стал дожидаться, пока его правительству выразят недоверие в парламенте. ...Эта неожиданная отставка правительства, произошедшая на последнем этапе обсуждения бюджета, стала объектом критики оппозиции. Критика вызвана тем обстоятельством, что раньше руководители фракций договорились о своевременном принятии бюджета. Было ясно, что оппозиционный блок и после присоединения к нему голосов ХРКП не будет препятствовать принятию бюджета. Отставка правительства прервала обсуждение бюджета. Всего шесть дней отделяло срок действия последней бюджетной дванаестины от того момента, когда государственная администрация могла остаться без бюджетного финансирования».
- **1 января 1925 г.:** «1924 год был полон правительственных кризисов. За 12 месяцев страной по очереди управляло пять кабинетов... Понят-

¹ *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 1. Zagreb, 1986. S. 189.*

но, что с такими недолговечными правительствами должно было остановиться и простое административное управление государственными делами, а тем более процесс организации государства. В 1924 г. в процессе организации нового государства ни в законодательном отношении, ни в области администрации, ни в судебном деле не было сделано ни единого шага вперед».

- **16 апреля 1925 г.:** «Как только правительству удалось провести через парламент „дванаестины“ на апрель, май, июнь, июль, г. Пашич, чтобы дать себе передышку, отложил заседания Скупщины на целый месяц».
- **1 июня 1925 г.:** «Занятая историей с мандатами членов ХКП общественность с меньшим вниманием следит за законодательной работой Скупщины. Впрочем, эта работа продвигается медленно и не дает материала для привлечения общественного внимания. Заседания Народной скупщины постоянно откладываются. До сих пор принят всего один закон — о жилище. На обсуждение на пленарном заседании только что вынесен второй закон — о сельскохозяйственном кредите».
- **16 июня 1925 г.:** «Этот созыв длится не первый день, а работа Скупщины не становится интенсивней. Наоборот, она только замедляется. Заседания короткие. И только в исключительных случаях продолжаются после обеда. Скупщина постоянно откладывается. Перед выборами и после них правительство обещало плодотворную законодательную деятельность в парламенте. Однако Скупщина до сих пор, хотя и заседает уже больше трех месяцев, приняла всего два закона... В середине этого месяца... заседания опять прерваны и возобновятся только через пять дней. Этот перерыв правительство объясняет... отсутствием готовых законопроектов для обсуждения...»

В этом бюджетном году хозяйственная деятельность будет и дальше осуществляться в соответствии с „дванаестинами“. В министерстве финансов и дальше готовят „дванаестины“ на август, сентябрь, октябрь,... ноябрь. Эта система финансирования помимо чисто финансовых недостатков имеет и один крупный политический. Она лишает парламент наиболее удачной возможности всесторонней критики правительства».

Правительство до сих пор не представило Скупщине свою декларацию...»

- **16 августа 1925 г.:** «Скупщина отправилась на отдых. Внеочередной созыв... хотя и не официально, завершен. Заседания парламента не прекращены указом, а отложены с согласия Скупщины на неопределенный срок... Это конституционно-правовое различие — между закрытием указом и откладыванием — не лишено практического смысла. Оно

позволяет депутатам и дальше получать зарплату... В плане законодательной деятельности этот созыв принес скудные результаты... Из законов, необходимых для осуществления организации нашего государства, не принято ни одного. Также не выполнены неотложные обязательства государства — не принят Закон об инвалидах. Но если этот созыв обошелся без принятия важных законов, то он был исключительно богат на политические события».

- **1925 г.:** *«Время тратится на мелкие межпартийные и личные интриги, вместо того чтобы уделить внимание строительству административной системы, которая бы объединила различные части королевства»; «Очевидно, в 1925 г. Скупщина сделала очень мало. На внутривполитические маневры было потрачено больше времени, чем на общественно-полезные дела»¹.*
- **1 января 1926 г.:** *«Законодательная работа в 1925 г. не оправдала надежд. В этом отношении нет никакой разницы между режимами „Пашич–Прибичевич“ и „Пашич–Радич“. В процессе организации государства не сделано ни единого шага вперед. Из крупных законов принято всего четыре: о жилище, о сельскохозяйственном кредите, о печати, об инвалидах. Качество законов критикуется еще сильнее, чем их количество. Государственные финансы в конце 1925 г. в еще худшем состоянии, чем были год назад. Целый год хозяйственная деятельность осуществлялась без бюджета, по дванаестинам».*
- **1 июля 1926 г.:** *«Законодательная деятельность скупщины не приносит результатов. Обсуждение закона о центральной администрации даже и не начиналось. Работа над так называемыми судебными законами полностью остановилась. Законопроекты о выравнивании прямых налогов внесены правительством в комитет, но не видно воли довести их до обсуждения на пленарном заседании. Скупщина принимает только то, от чего, по мнению правительства, не удастся уклониться».*
- **16 июля 1926 г.:** *«Скупщина отложена на неопределенное время... нет готового материала для обсуждения».*
- **16 ноября 1927 г.:** *«Из-за отсутствия готовых законопроектов для обсуждения на пленарном заседании Скупщина отложена».*
- **1 декабря 1927 г.:** *«В ноябре состоялось мало заседаний Скупщины... в конце месяца их опять отложили на неопределенное время. Обоснование гласит: „Комитеты готовят материал для пленарного заседания“. На вторую половину декабря и первую половину января следующего*

¹ *Auramovski Ž. Op. cit. S. 310, 315.*

года приходится католическое и православное Рождество. Февраль и март пойдут на обсуждение бюджета. Следственно шансы на начало интенсивной законодательной работы не слишком высоки».

- **16 декабря 1927 г.:** «Скупщина снова собралась уже 14 декабря. Только из-за того, что и на этот раз нет готового материала для обсуждения на пленарных заседаниях, работа парламента сведется к рассмотрению правительственных законопроектов и их переадресации в соответствующие комитеты».
- **1 апреля 1928 г.:** «После заявления Крестьянско-демократической фракции, что данный бюджет „ни к чему не обязывает ни ее, ни области, ни население, которое она представляет“, депутаты из партий г. Радича и г. Прибичевича больше не участвовали в обсуждении бюджета (с начала марта). Но тем не менее они отнимали большую часть времени заседаний. ...предложения срочных проектов резолюций, замечания по регламенту и инциденты, вызванные таким поведением оппозиции, день за днем препятствовали соблюдению повестки дня — обсуждению бюджета. В Скупщине доходило до перебранок, тяжелых личных оскорблений. Происходили сцены, которых раньше не было в югославском парламенте. В отдельные моменты скупщина походила на сборище, в котором две противоборствующие группы готовы от слов перейти к драке»¹.

Последняя цитата дает понять, что при всей скудости плодов законотворчества в апатичности югославских парламентариев обвинить нельзя. Просто вышеприведенные показатели не могут служить отражением бывшей ключом политической жизни. Для этого существует иная статистика: только Уставотворная скупщина проработала положенный четырехлетний срок (собрания, избранные в 1923 г., 1925 г. и, разумеется, в 1927 г., были распущены досрочно).

¹ *Влајих Б.* (Привремени) Унутрашња политика — преглед // СКГ. Књ. 5. Бр. 2. С. 148. 16 јануар 1922; Књ. 6. Бр. 8. С. 630. 16 август 1922; Књ. 7. Бр. 1. С. 64–65. 1 септембар 1922; Књ. 7. Бр. 2. С. 149. 16 септембар 1922; Књ. 9. Бр. 7. С. 552. 1 август 1923; Књ. 10. Бр. 3. С. 233. 1 октобар 1923; Књ. 10. Бр. 6. С. 468. 16 новембар 1923; Књ. 10. Бр. 7. С. 541. 1 децембар 1923; Књ. 11. Бр. 2. С. 148. 16 јануар 1924; Књ. 11. Бр. 7. С. 545–546. 1 април 1924; Књ. 14. Бр. 1. С. 63–64. 1 јануар 1925; Књ. 14. Бр. 8. С. 632. 16 април 1925; Књ. 15. Бр. 3. С. 227. 1 јун 1925; Књ. 15. Бр. 4. С. 632. 16 јун 1925; Књ. 15. Бр. 4. С. 312. 16 јун 1925; Књ. 15. Бр. 6. С. 623–625. 16 август 1925; Књ. 17. Бр. 1. С. 71. 1 јануар 1926; Књ. 18. Бр. 5. С. 394. 1 јул 1926; Књ. 18. Бр. 6. С. 474. 16 јул 1926; Књ. 22. Бр. 6. С. 472, 16 новембар 1927; Бр. 8. С. 635. 16 децембар 1927; Књ. 22. Бр. 7. С. 554. 1 децембар 1927; Књ. 23. Бр. 7. С. 543. 1 април 1928.

	Выборы в Уставо-творную скупщину 28.XI.1920 г.	Выборы 18.III.1923 г.	Выборы 8.II.1925 г.	Выборы 11.IX.1927 г.
Демократическая партия	92 мандата	51 мандат	37 мандатов	61 мандат
Радикальная партия	91	108	143	112
Коммунистическая партия Югославии	58	—	—	—
Хорватская республиканская крестьянская партия	50	70	67	61
Словенская народная партия	27	24	21	21
Союз земледельцев	39	11	3	9
Югославянская мусульманская организация	24	18	15	18
Самостоятельная демократическая партия			21	22

За десять лет страной управляли 24 состава правительства¹, 7 человек попеременно занимали пост премьер-министра, по 13 — министра внутренних дел и министра по проведению аграрной реформы, 14 — министра, ответственного за злосчастное «выравнивание законодательства», 12 — министра финансов, 16 — министра юстиции² и т. д.

- I. (7.XII.1918 – 16.VIII.1919 г.): первое правительство Стояна Протича (НРП)
- II. (16.VIII – 18.X.1919 г.): первое правительство Любомира Давидовича (ДП)
- III. (18.X.1919 – 19.II.1920 г.): второе правительство Любомира Давидовича (ДП)

¹ Сагадин С. Државна Управа // Јубиларни зборник живота и рада... С. 97–111.

² Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. II. Zagreb, 1961. S. 287.

- IV. (19.II – 17.V.1920 г.): второе правительство Стояна Протича (НРП)
- V. (17.V – 18.VIII.1920 г.): первое правительство Миленко Веснича (НРП)
- VI. (18.VIII.1920 – 1.I.1921 г.): второе правительство Миленко Веснича (НРП)
- VII. (1.I – 26.III.1921): первое правительство Николы Пашича (НРП)
- VIII. (26.III – 24.XII.1921 г.): второе правительство Николы Пашича (НРП)
- IX. (24.XII.1921 – 5.I.1922 г.): третье правительство Николы Пашича (НРП)
- X. (5.I – 16.XII.1922 г.): четвертое правительство Николы Пашича (НРП)
- XI. (16.XII.1922 – 2.V.1923 г.): пятое правительство Николы Пашича (НРП)
- XII. (2.V.1923 – 27.III.1924 г.): шестое правительство Николы Пашича (НРП)
- XIII. (27.III – 21.V.1924 г.): седьмое правительство Николы Пашича (НРП)
- XIV. (21.V – 27.VII.1924 г.): правительство Николы Пашича (НРП)
- XV. (27.VII – 6.11.1924 г.): правительство Любомира Давидовича (ДП)
- XVI. (6.XI.1924 – 29.4.1925 г.): правительство Николы Пашича (НРП)
- XVII. (29.IV – 18.VII.1925 г.): правительство Николы Пашича (НРП)
- XVIII. (18.VII.1925 – 8.IV.1926 г.): правительство Николы Пашича (НРП)
- XIX. (8.IV – 24.XII.1926 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)
- XX. (24.XII.1926 – 1.II.1927 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)
- XXI. (1.II – 17.IV.1927 г.): правительство Николы Узуновича (НРП)
- XXII. (17.IV.1927 – 23.II.1928 г.): правительство Велимира Вукичевича (НРП)
- XXIII. (23.II – 30.VIII.1928 г.): правительство Велимира Вукичевича (НРП)
- XXIV. (30.VIII.1928 – 6.I.1929 г.): правительство Антона Корошеца (СНП)

Подобный калейдоскоп людей и цифр бывшие партийные руководители относили исключительно на счет «интриганства» Александра Карагеоргиевича. Нам же, в отличие от С. Прибичевича, Л. Марковича, М. Стоядиновича и проч., кажется, что не только король, но и «народные избранники» были инициаторами роспусков Скупщины и виновниками наиболее значимых правительственных кризисов.

Восемь кабинетов переходного периода, двухлетнее ожидание выборов в конституционное собрание и, по выражению Б. Глигориевича, «скудный

законодательный баланс»¹ были отражением ожесточенной борьбы радикалов с Демократической партией, объединившей югославистских фундаменталистов из Загреба и старую сербскую оппозицию.

После временного перемирия, заключенного НРП и ДП на время принятия конституции, противостояние возобновилось с прежней остротой. Отставки кабинетов Н. Пашича в декабре 1921 и 1922 гг. — два этапа наступления радикалов на позиции своих постылых союзников. Целью первого было отчуждение у ДП портфеля министра внутренних дел и изменение в свою пользу пропорции распределения чиновничьих постов². Второй закончился распадом радикально-демократической коалиции и вытеснением ДП из правительства. Накануне выборов радикалы получили полный контроль над исполнительной властью (*Следует отметить, что способ усиления своих позиций путем «раскачивания государственной лодки» был весьма популярен. Однако не все пользовались им так тонко и умело, как Пашич. Пример — попытка Л. Давидовича отправить в отставку последнее правительство Королевства СХС, возглавляемое А. Корошецем. «В начале декабря 1928 г. г. Давидович приходит к премьеру Корошецу и заявляет, что заставит членов Демократической партии подать в отставку и что вызовет кризис правительства, если крестьянам наличными не компенсируют ущерб, причиненный недородом последних лет... Узнав об этом, король позвал Давидовича и предложил ему вместо раздачи наличности — демагогической меры — ...разработать систему сельскохозяйственного кредита и, во всяком случае, отложить кризис до принятия бюджета. Отвергая предложение, г. Давидович заявил, что на самом деле смысл его акции в том, чтобы провоцированием кризиса кабинета снискать симпатии отсутствующих хорватских депутатов, которые начали бы с ним переговоры о формировании совместного правительства»³.)*

Смысл событий 1923 г., 1924 г. и половины 1925 г. сводится к отражению Национальным блоком (НРП и СДП) наскоков разношерстной оппозиции, объединившейся в Оппозиционный блок, переименованный позднее в Блок народного согласия и крестьянской демократии. Очередной пик политической борьбы пришелся на лето—осень 1924 г., когда за

¹ *Gljoričević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd. S. 63.*

² До этого она была 9:7 в пользу ДП. Получить в свои руки МВД НРП не удалось. С. Прибичевича сменил его товарищ В. Маринкович.

³ АЖ, ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18.

временным отступлением союза Пашича и Прибичевича (трехмесячное правительство Л. Давидовича) последовал контрудар — роспуск Скупщины и формирование нового так называемого «избирательного правительства». Внеочередные выборы февраля 1925 г., как и кампания 1923 г., расценивались членами Национального блока не только как возможность остаться у власти, но и, опираясь на «административный ресурс», получить решающее преимущество перед конкурентами.

Четыре правительственных кризиса периода «сербскохорватской кооперации» (с июля 1925 г. по 1 февраля 1927 г.) — на совести С. Радича, разлагавшего «белградский режим» изнутри.

Два последних года существования Королевства СХС традиционно считаются периодом наиболее активного вмешательства короля во внутрипартийные дела. Однако чехарда бесчисленных правительств Н. Узуновича и В. Вукичевича и хаос в Скупщине не только результат этого вмешательства, но и, в не меньшей степени, его причина, благоприятное условие. Суть происходившего в 1927–1928 гг. можно описать формулой «борьба всех против всех». Крестьянско-демократическая коалиция образовала «Пречанский фронт» против Сербии. Демократы и радикалы продолжали воевать друг с другом и, объединившись, с КДК. Одновременно соратники Л. Давидовича и покойного Н. Пашича боролись со своими *Parteigenossen* — министрами правительства Его Величества, забывшими о партийной дисциплине, но помнящими о своем верноподданническом долге.

Во всех политических баталиях парламент, не соответствуя своему основному утилитарному предназначению, тем не менее играл немаловажную роль. По образному выражению И. Бецича, Народная скупщина была «полигоном для политических перестрелок противников»¹. Наибольшую активность, само собой, проявляли партии, не удовлетворенные своим положением во власти. При этом депутаты умело пользовались прописанными в законе процедурами и почерпнутыми из западноевропейской традиции приемами. «Абстиненция» (бойкот заседаний скупщины), «интерпелляция» (письменный запрос министрам) и «обструкция» были тремя главными средствами саботажа инициатив правительства и правительственных фракций в скупщине.

В переходный период к «абстиненции» активно и успешно прибегали радикалы и демократы. Оказываясь поочередно в оппозиции, они полагали, что отсутствие кворума будет служить демонстрацией того, что вражеское правительство не располагает большинством в парализованной

¹ *Becić. I. Op. cit.*

ими скупшине. Способность воспрепятствовать работе совета министров не только подтверждала «непарламентский» характер кабинета, но и служила «интересам сохранения достоинства и прав парламента». Никаких дивидендов не принесла «абстиненция» хорватским и словенским депутатам, отказавшимся участвовать в принятии Видовданской конституции. Зато ХРКП (ХКП) и до, и после «капитуляции» прибегала к бойкоту парламента с большой для себя выгодой. Одинаково эффективным средством шантажа «сербиянцев» были как угрозы «навсегда» покинуть «белградский парламента», так и обещания приехать в столицу: «Ноги нашей не будет в белградской скупшине, если только не потребуете свергнуть тиранию»¹.

«Обструкция» была самым радикальным средством: «В мае-июне 1928 г. фракция Радича и Прибичевича с помощью нескольких депутатов Земледельческой партии устроили бешеную обструкцию в Народной скупшине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу или даже дерутся»². Как минимум «обструкция» должна была вызвать тот же эффект, что и «абстиненция». Но лидерам Крестьянско-демократической коалиции она позволила не только парализовать работу парламента, но и спровоцировать острейший государственный кризис.

«Интерпелляция» позволяла ее автору ставить палки в колеса тому или иному министру и при этом представлять перед публикой радетелем за интересы государства, борцом с коррупцией. В 1926 г. такая «черная метка» была вручена Н. Пашичу, обвиненному в покровительстве афер сына. Важно отметить, что количество запросов правительству намного превышало число принимаемых депутатами законопроектов. Так в «неурожайные» 1923 и 1924 гг. депутаты вынесли на рассмотрение Скупщины 26 предложений³. За тот же период они сумели адресовать министрам 72 «интерпелляции» (письменных запроса). В 1925–1927 гг. «интерпелляций» было 153. Плюс 180 «требований предать суду». Законопроектов — 113⁴.

Использование парламентской трибуны в качестве «полигона» не могло не вызвать ответной реакции со стороны тех, кто, с одной стороны, был мишенью оппозиционно настроенных депутатов, а с другой, чувствовал, по крайней мере временно, ответственность за положение дел в стране и

¹ Политика, 16 апрель 1923 г., «Велики Радичев збор у Загребу».

² АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.

³ Правительство вносило свои законопроекты отдельно.

⁴ *Glorigijević B. Parlament i političke stranke...* S. 395, 227.

был заинтересован в политической стабильности. Поэтому роспуск скупщины в 1925 г. и в 1927 г. можно считать защитной реакцией¹. Кроме того, в рассматриваемое десятилетие сокращались полномочия парламента, а, следовательно, и «угол обстрела» — число вопросов, могущих стать предметом спекуляций «посланцев». В этом отношении иллюстративны два эпизода. Первый относится к ноябрю 1922 г. и связан с отказом Н. Пашича информировать парламентариев о закупке оружия за границей: «Господа, вы обвиняете правительство, что оно не представило детальный список того, что оно собирается купить... Если бы мы из-за любопытства наших депутатов работали открыто, это только пошло бы на пользу нашим врагам»². Во втором случае король Александр в конце декабря 1926 г. наставляет свеженазначенного министра транспорта генерала Светислава Милосавлевича: «Влияние народных депутатов на работу министерств огромно и чрезвычайно вредно. Вы в этом скоро убедитесь сами. Это влияние следует быстро и решительно устранить, так, чтобы депутаты больше никогда не появлялись в вашем министерстве»³.

Первым шагом в вышеуказанном антипарламентском направлении было инициированное министром внутренних дел С. Прибичевичем наделение правительства законодательными функциями. Как уже было сказано в первой главе, в течение переходного периода было издано около восьмисот правительственных «распоряжений, обладавших силой закона». В дальнейшем решением правительства были осуществлены запрет деятельности коммунистов⁴ и разделение страны на области.

Широкий резонанс в свое время вызвало нарушение «суверенитета» Уставотворной скупщины, заключавшееся как в утверждении коалиционным правительством М. Веснича регламента ее работы, так и в его поло-

¹ «На Балканах чаще всего бывает так, что, заручившись доверием короны и не имея доверия Скупщины, правительство добивается ее роспуска. Дальше ему известными способами удается из скупщинского меньшинства сделать подавляющее большинство» (*Продановић Ј. Умртљавање парламентаризма // СКГ. Књ. 21, Бр. 3. С. 195. 1 јуни 1927*).

² Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 266.

³ АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 12, 81. (Об исполнении королевского указания С. Милосавлевич записал в дневнике: «Из опасения, что народные депутаты будут устраивать свои дела в министерстве, минуя меня, непосредственно с моими подчиненными, я распорядился, что принимать депутатов вправе только сам министр и только в определенные дни. Король это одобрил словами: «Очень хорошо! Так вы не дадите им болтаться по министерству и будете знать, что у этих господ на уме».)

⁴ *Јовановић С. Нестајање закона // СКГ. Књ. 2, Бр. 7. С. 513. 1 април 1921.*

жении об обязательной присяге депутатов королю¹. После превращения конституционного собрания в обычное «сужение его компетенции» выразилось в создании по предложению радикалов и демократов Законодательного комитета внутри Скупщины. Задачей «Скупщины в миниатюре» было узаконение правительственных «распоряжений» и «выравнивание законодательства». В результате уменьшалось значение пленарного заседания парламента и росла роль комитетов.

Во всех вышеописанных событиях Александр принимал самое живое участие, предопределенное помимо его личных мотивов стремлением политических партий иметь союзника, способного обеспечить превосходство над конкурентами. При этом политиков мало волновал тот факт, что активность короля выходила за рамки его конституционных прерогатив или их собственных идеологических установок и нарушала писанные и неписанные нормы парламентаризма. Соблюдение прав «первого конституционного фактора» не интересовало тех, чьи позиции в Скупщине, в правительстве или в местной администрации сиюминутно усиливались после той или иной «интриги двора». Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы терпящие поражение в какой-нибудь политической битве не требовали от Александра вмешательства на их стороне.

Патерналистский тон был вообще присущ партийным вождям в их взаимоотношениях с королем. В частности, каждый из них претендовал на роль защитника монархии. Радикалы и демократы, руководимые в начале десятилетия Прибичевичем², «защищали» престол как от коммунистов и хорватских республиканцев, так и друг от друга. Прибичевич обвинял НРП в пособничестве Радичу: «Г. Пашич силой государства хочет защищать радичевскую республиканскую и антигосударственную пропаганду... На радичевских собраниях развеваются республиканские знамена... оскорбляется достоинство короля... По мнению Пашича, акция за независимую хорватскую республику и против монархии легальна... Мы должны бороться против официального террора Пашича сверху и террора Радича снизу»³.

Радикалы в то же самое время адресовывали аналогичное обвинение Демократической партии, чей формальный лидер Давидович вел с ХРКП

¹ АЈ, ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона), фасцикла 29 (Привремени пословник за Уставотворну скупштину. Београд, 1920).

² По словам Милана Прибичевича, его брат полагал, что будет «держат над головой Александра хорватскую корону», которую он ему «принес» в конце 1918 г. (Meštrović I. Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969. S. 122.)

³ Прибичевић С. Терор у Хрватској // Правда. 10 март 1923.

переговоры о «ревизии конституции» и призывал приехать в Белград радикальских кандидатов, открыто выкрикивавших на митингах лозунги «Долой короля, долой монархию!»¹. В конце 1920-х гг. все перевернулось с ног на голову. Уже Радич оправдывал проталкиваемую двором идею о назначении председателем правительства «беспартийного генерала», который был бы «против крупных сербских партий, поставивших себя вне парламента, вне государства и воли народа»².

Следует отметить, что способность и право артикулировать «волю народа» были главным аргументом деятелей, стремившихся к особо доверительным отношениям с Его Величеством. Радич, чья партия вне Хорватии участвовала в выборах 1927 г. под именем Народной крестьянской, как мы уже видели, не признавал «сербские» партии «представителями народа». На то, кто им был, намекает памятная радикальская фраза: «Остались только король и народ». Смысл сказанных в 1928 г. после отъезда из «белградского парламента» слов состоял в следующем: в сложившейся ситуации Александр должен предпринимать только те действия, которые будут устраивать руководство Крестьянско-демократической коалиции. Глава Радикальной партии придерживался той же логики взаимоотношений с двором. По воспоминаниям М. Антича, «Пашич однажды сказал королю: „До тех пор, пока существует народ, существует и король. Народ это мы. Не будет народа — не будет и короля“. Этими словами Пашич выразил монархистское кредо Радикальной партии, собравшей вокруг своей программы большую часть нашего народа»³. В случае расхождения «народа» и короля Н. Пашич предрекал Александру «путь Милана Обреновича»⁴.

Картина десятилетних бурных политических баталий при абсолютном небрежении к «нуждам низкой жизни» ставит перед исследователем вопрос о причинах столкновений югославских политиков и о задачах, которые они определяли для себя. Очевидно, предметом существенных разногласий не были правовые и социально-экономические проблемы. Внимание к ним ограничивалось стандартными предвыборными обещаниями «позаботиться о производящих сословиях». «А так как в нашем государстве самым главным производителем является крестьянин, то наша

¹ Никола Пашич у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998. С. 328.

² Цит. по: *Glorigjević B.* Parlament i političke stranke... S. 251.

³ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

⁴ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9436.

партия, прежде всего крестьянская»¹ — под этими словами могли подписаться не только члены Главного комитета Радикальной партии, но и Давидович, и Прибичевич, и, разумеется, Радич.

Ключ к пониманию характера югославского парламентаризма — озвученный Пашичем принцип «народ это мы». Национальные и историко-территориальные вопросы были сферой постоянных интересов партийных руководителей. Большая их часть стремилась единолично вершить судьбы всей страны и населявших ее народов («племен»). В первые послевоенные годы амбиции радикалов основывались на их представлении о собственной роли в югославянском Рисорджименто: «Народная радикальная партия подготовила почву для осуществления всей народной программы, а когда пришло время, она первая подняла знамя освобождения и объединения всего нашего народа»². Члены НРП считали себя партией не только «сербянцев», но и всего «сербства»³. А представление интересов самого многочисленного и победоносного «племени» давало право на гегемонию не только в довоенной Сербии, но и во всем Королевстве. Показателем самооценки радикалов служит их разочарование от «неожиданного поражения» на выборах 1923 г., не принесших им абсолютного большинства в Скупшине.

Югославистские фундаменталисты демократы руководствовались лозунгом: «Один народ — одно государство — одна партия».

Радич видел себя «хозяином» республики Хорватия («авангарда Запада на Балканах») и в качестве такового хотел разрушить Югославию («азиатскую деспотию»).

Довольно быстро стало видно, что последовательная приверженность интеграционным и дезинтеграционным идеям не приближает к высокой цели. Большую отдачу сулила безыдейная комбинаторика: каждого из югославских политиков связывали со всеми прочими и узы союзничества, и в то же самое время смертельная вражда. Участвуя в вакханалии союзов и коалиций, одни стремились занять такое положение в Белграде, чтобы диктовать условия регионам, а другие хотели получить полную власть в «исторических областях», чтобы шантажировать столицу.

¹ «Самоуправа» 21 июня 1922 г.; Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Op.cit. S. 217.

² Закључци радикалне земаљске конференције о програму. (28 септембар 1920.) // Станковић. Ђ. Никола Пашић... С. 409.

³ После войны руководство радикалов полагало, что все пречанские сербские организации войдут в состав НРП. По мнению Протича, Пашича и др., создание ДП, инициированное королем и С. Прибичевичем, раскололо «сербский фронт».

Радикалы создавали Национальный блок, строили планы «окружения Хорватии», периодически грозили ХРКП и СНП картами «ампутации» несербских областей, а затем, как «ревизионист» Давидович, подписывали с «пречанами» соглашения, согласно которым уступали власть в Любляне и Загребе в обмен на контроль над центральным правительством и Скупщиной.

Радич вместо разрушения Королевства СХС принялся за покорение его своим «крестьянским» учением. Для этого нужно было «окружить Сербию» (ведь период «сербскохорватской кооперации» показал невозможность «мирного» проникновения в нее). Этой цели служили Федералистский блок (с ЮМО и СНП), Оппозиционный блок и Блок народного согласия и крестьянской демократии (те же и Давидович) и, наконец, «Пречанский фронт» (с Прибичевичем). Последний же решил, что раз не получилось играть первую скрипку в государстве в качестве главного унитариста, то получится, если стать главным «(кон)федералистом».

Отождествление себя с народом, служившее мировоззренческой предпосылкой политического максимализма, свидетельствовало об экстраполировании на югославский уровень опыта, полученного в отдельных «исторических областях». Пашичу в конце XIX в. и Радичу после мировой войны рекордной популярности позволили добиться эгалитарно-коллективистские лозунги построения «государства — народного дома» и «нейтральной крестьянской республики» («без банков и капиталистов, без железной дороги... с небольшими налогами и широким народным самоуправлением, со скромным государством, где крестьянина уважают и слушают»). Народная радикальная партия и Хорватская республиканская крестьянская партия брались защитить патриархальный уклад жизни от «господских», пользуясь лексиконом Радича, партий, воплощавших разрушительное влияние «капитализма с присущим ему культом индивидуалистического начала и тенденцией к расслоению общества на враждебные классы»¹.

В Сербии события парламентской жизни преподносились руководством НРП как борьба «антинародного» меньшинства (либералы и напредняки) с подлинным представителем народа, или с «современным выразителем сербского гения», как в 1889 г. назвал свою партию Пашич. Радикалы собственное «парламентское правительство понимали как неограниченную власть большинства. Это означало, что воля партии ставилась выше закона и конституции, что стиралось различие между партийным правительством и партийным государством. Представление о парламент-

¹ Шемакин А.Л. Обреченная конституция: Сербский устав 1888 г. // Новая и новейшая история». 2002. № 4. С. 69.

ском правительстве как о неограниченной власти большинства... было связано с самооценкой партии как единственной „народной“, а, следовательно, и единственной легитимной»¹.

В условиях национальной, социальной, культурной и религиозной однородности довоенной Сербии, единства интересов всего ее населения реализация «народнических» амбиций крупнейшей партии не только не наносила вреда интересам государства, но и способствовала его внутреннему и внешнеполитическому усилению. Однако в полиэтническом Королевстве СХС использование сразу несколькими «племенными» партиями, присягнувшими на верность западным политическим идеалам, шкалы «народности — антинародности» в качестве единственного критерия самоидентификации и оценки окружающих могло быть только фактором государственной нестабильности и обострения многовековых противоречий.

Несоответствие политической этики государственных деятелей 20-х гг. уровню стоявших перед ними задач проявилось в облике государственных институтов, ранее, по выражению А. Л. Шемякина, служивших «квазипарламентским фасадом» монополии НРП. Конкретнее, слабое, мягко говоря, укоренение в умах либеральных идейных ценностей — отсутствие «политического плюрализма, толерантности и уважительного отношения к меньшинству»² — лишило «парламентский механизм» в Королевстве СХС его имманентного свойства — способности нивелировать общественные противоречия и вырабатывать внятный государственный курс. В ноябре 1927 г. соратник покойного С. Протича Драголюб Аранджелович констатировал: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны...

Хочется бережливости и бездефицитного бюджета, но никак не принимаются законы о центральной администрации и налогах. Хочется выравнивания законодательства, но Скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается...

¹ Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998. С. 424.

² Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији... С. 422.

Таким образом, нужно наконец выяснить, как надо управлять страной... Но, если не хочется парламентаризма, нужно определиться в пользу других методов правления...»¹

Как писал неизвестный автор статьи «Королевская диктатура в Югославии», процитированной нами в начале работы, ответственность за будущее страны взял на себя Александр Карагеоргиевич. Оценка последствий принятого им решения — предмет следующих исследований.

¹ Аранђеловић Д. Наша политичка криза // СКГ. Књ. 22. Број 6. С. 449–450. 16 новембар 1927.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1928 г. проницательный западный наблюдатель подводил итоги существования Королевства СХС: «Центральное правительство скандальным образом оставило без внимания необходимость установления отношений между составными частями королевства. За десять лет это привело к пониманию того, что ничто, кроме коренной ревизии этих отношений, не может спасти страну от распада. Во всех областях звучит требование равноправия с Сербией. Общеизвестно, что белградским властям совсем не легко было вести переговоры с безответственными демагогами, контролирующими крестьянские массы в Хорватии. В то же время... бесплодные партийные интриги, которым предаются белградские политики, сделали невозможным проведение каких-либо законодательных или административных реформ... Мы имеем дело не с конфликтом высококультурного западного народа и отсталой византийской расы, как пытаются представить дело в Загребе (большинство жителей Сербии и Хорватии крестьяне, которых, кроме веры, мало что разделяет), а с заменой австро-венгерского порядка с его работоспособным бюрократическим аппаратом на неэффективную и коррумпированную администрацию, которая ничего не сделала для унификации различных систем налогообложения и местного управления... За десять лет в Белграде было образовано двадцать пять кабинетов, и все они занимались мелким политиканством — главным развлечением на Балканах, — вместо того чтобы решать срочные проблемы государственного обустройства... Таким образом, стало ясно, что необходимо провести ревизию конституции... Считается, что только король может найти выход из сложившегося тупика... Вся администрация настолько коррумпирована, что мы задаемся вопросом, не пришло ли вре-

мя еще одного Пилсудского, который бы с ней разобрался... и поставил бы государство на здоровые основания...»¹

С автором данных строк — британским послом Кеннардом — трудно не согласиться в оценке деятельности «белградских политиков» и возможных перспектив выхода из сложившегося положения. Именно высшие партийные круги Сербии, внесшие главный вклад в югославянское объединение и настоявшие на собственном видении административно-правового облика новосозданного государства, в первую очередь были ответственными за его плачевное состояние спустя десять лет. Главным же мотивом внутривосточного курса короля Александра Карагеоргиевича в период его личного авторитарного правления можно назвать стремление компенсировать провал интеграционной политики Белграда 20-х гг.² В результате, применительно к первой половине 30-х гг. едва ли возможно говорить о неравноправии населения отдельных исторически сложившихся областей или о предпочтительном положении Сербии. Тем более в ситуации, когда новое территориальное устройство разделило её на пять бановин, а Хорватию, к примеру, на две.

Однако правовая унификация и государственная централизация, направленные на объединение югославян *de facto*, а не только на страницах международных договоров и Видовданской конституции, не остановили разрушительных для Югославии внутривосточных процессов, приведших после смерти короля Александра к её разделу. Данное обстоятельство позволяет сделать два вывода. Во-первых, повторим сказанное во введении: в конце 20-х гг. налицо был кризис югославского государства и его идеологии в целом, а не только внутренней политики сербского истеблишмента. Во-вторых, наряду с «мелким политиканством» сербянцев сепаратистские устремления хорватов и их вождей могут считаться столь же весомой причиной вышеуказанного кризиса.

В 1922 г. один из авторов Сербского литературного вестника Урош Десница сетовал: «За отчуждение между сербами и хорватами... сербы несут ответственность в наименьшей степени... У сербов нет партийных организаций, которые были бы образованы согласно племенной или религиозной принадлежности, которые носили бы сербское племенное имя. У хорватов все совсем наоборот. У них отчуждение — по большей части не только какое-то фактическое положение вещей, но и сознательная и

¹ Цит. по: *Avramovski Ž. Op. cit. S. 499.*

² Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931 (Приредили Љубодраг Димић, Никола Жутић, Благоје Исаиловић). Београд, 2002.

общественно проповедуемая политическая тенденция...»¹. Неудивительно, поражение в войне, обманутые надежды на образование единой Хорватии под скипетром Габсбургов, оккупация «домовины», угроза аннексии различных её частей, экономический кризис — все это неблагоприятный фон для восприятия массами идеи братского родства «высокоразвитого западного народа и отсталой византийской расы». Высоким мобилизационным, в политическом отношении, потенциалом в Хорватии, как и в прочих осколках распавшихся империй, обладала националистическая, популистская социально-эгалитарная пропаганда. Взлет Степана Радича, стоявшего во главе Хорватской республиканской крестьянской партии, был обусловлен его последовательной апелляцией к этническим и социальным фобиям наиболее многочисленного хорватского сословия.

Особую разрушительную силу «хорватскому вопросу» придавало его столкновение с центростремительными, интеграционными устремлениями сербов, в первую очередь проживавших в Хорватии. Претендовавший на их монопольное представительство Светозар Прибичевич — один из лидеров Демократической партии, позднее глава Самостоятельной демократической партии — свое политическое влияние, как и С. Радич, поставил в зависимость сначала от остроты сербско-хорватских, а в конце десятилетия — сербьянско-пречанских противоречий. По словам хорватского политика Д. Шурмина, «в обстановке нестабильности... политическая история новейшего времени извергла на поверхность двух политических монстров, двух фатальных людей. У сербов этот фатальный человек Светозар Прибичевич, а у нас Степан Радич... Светозара Прибичевича создал Степан Радич, а Степана Радича — Светозар Прибичевич»².

Сначала порознь, а затем вместе, меняя убеждения и попутчиков, Радич с Прибичевичем были постоянными в следовании принципу «чем хуже, тем лучше». Шантажировать Белград, выступая в роли «представителей Хорватии», «специалистов по Хорватии», командующих «Пречанским фронтом», можно было только тогда, когда степень противоречий Сербии и новоприсоединенных территорий столь высока, что угрожает существованию государства.

Согласно многочисленным свидетельствам, приведенным в нашем исследовании, современникам Радич и Прибичевич казались людьми «патологическими», «фатальными». Однако едва ли их значимая роль в истории Королевства СХС была предопределена уникальной психической

¹ Десница У. Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. 6. Бр. 2. С. 118–119. 2–16 мај 1922.

² Цит. по: Matković H. Svetozar Pribićević... S. 167.

ненормальностью или, тем более, фатумом. Экстремизм лидеров ХКП и СДП соответствовал политическим нравам всего югославского общества. Их характер в полной мере проявился еще в «провизорный период», когда стало очевидным несоответствие представлений сербского истеблишмента и пречанских деятелей, принимавших решение присоединиться к Сербии, о смысле объединения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Надвигающаяся необходимость принятия конституции не только не побудила к сближению позиций, но подтолкнула обе стороны к отказу от принятых перед прежними партнерами обязательств, пересмотру положений собственных программ. Увеличивающееся отчуждение между сербскими и пречанскими иллистрирует фрагмент парламентского обсуждения конституционного проекта Стояна Протица, пытавшегося найти «среднюю линию» между национальными амбициями «освобожденных братьев» и стремлением защитить суверенитет государственной власти. Деятели Радикальной партии Велизар Янкович в ответ на вопрос хорвата Степана Барича — «Почему вы не примете протичевскую конституцию? Мы бы пошли на эту уступку» — отвечал: «Вы сами не приняли проект Протица. Вместо него вы предложили нам конституцию совсем другого рода...»¹

По прошествии первых двух с половиной лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все участники политической жизни в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого коллективного или индивидуального политического субъекта существовала собственная, определявшая его действия мораль — «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т. д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность.

Особенности политической этики сербов, хорватов и словенцев определили облик, а в конце концов и судьбу югославского парламентаризма. Его институты, призванные нивелировать общественные противоречия и вырабатывать внятный государственный курс, стали ареной бескомпромиссной межпартийной борьбы, в которой каждая из сторон считала себя «подлинным представителем народа», а всех остальных — «врагами пар-

¹ Стенографские белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXI редовни састанак. С. 5.

ламенты, государства и народной воли». Со временем война всех против всех, разворачивавшаяся на заседаниях скупщины, привела к ситуации, точно описанной 6 января 1929 г. Александром Карагеоргиевичем: «Согласие и даже обычные отношения между партиями... стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность...»¹ Королевский манифест, неоднократно процитированный нами, предлагал единственно возможный выход из тупика: «Мой святой долг сохранить... единство государства любой ценой... Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути».

В заключение заглянем в ближайшее будущее, ожидавшее участников описанных нами событий. Предпринятый монархом государственный переворот был с воодушевлением воспринят во всех частях королевства. В 30-е гг. югославские политики искали формулу сосуществования, не прибегая к парламентским средствам. Однако их единственным солидарным решением стал фактический раздел страны, не устранивший, к слову, причин общественных и межэтнических противоречий. Это обстоятельство дает нам повод еще раз предположить: характерные черты югославских политиков и создаваемых ими государственных институтов были факторами, обусловившими кризис парламентаризма и установление диктатуры в конце 20-х гг. Спустя десять лет те же причины предопределили и разрушение Югославии.

¹ АЖ, ф. 335 фасцикла 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6817 (Русский военно-морской агент в Королевстве СХС 1920–1923), оп. 1, д. 89.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), ф. 144, год 1929, оп. 1, папка 2, д. 39.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495 (Исполком Коминтерна), оп. 33 (Документы Информационного отдела ИККИ, созданного в 1920 г. для сбора и анализа международной информации (в основном по опубликованным материалам); оп. 69 (материалы Балканского лендерсекретариата ИККИ (1926–1935), курировавшего компартии Албании, Греции, Болгарии, Румынии, Югославии); оп. 70 (материалы Компартии Югославии);
ф. 535 (Крестьянский интернационал — Международный крестьянский совет), оп. 2 (переписка Генерального секретариата Международного крестьянского совета с секциями в разных странах), д. 190 (письма Степана Радича «московским товарищам» и оригинал его заявления о приеме Хорватской республиканской крестьянской партии в Крестинтерн);
ф. 509 (Исполнительного бюро Балканской коммунистической федерации ИККИ (1920–1934)).
4. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 579/К («Нова Европа»).

5. Архив Југославије, ф. 72 (Народна скупштина Краљевине Југославије); ф. 138 (Министарски савет и председништво министарског савета Краљевине Југославије); ф. 74 (Двор); ф. 14 (Министарство унутрашњих послова); ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо); ф. 305 (Ђуга Поповић); ф. 37 (Милан Стојадиновић); ф. 80 (Јован Јовановић-Пижон); ф. 323 (Љубомир Давидовић); ф. 143 (Nikola Pašić).
6. Архив Српске Академије Наука и Уметности. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. Бр. 13607; Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447, 14387/9436.

Опубликованне источници

7. *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 1. Zagreb, 1986.
8. Закони, уредбе и остали прописи Краљевине Југославије издани од 1. децембра 1918. до 31. децембра 1936 Београд, 1936.
9. Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931. (Приредили Љубодраг Димић, Никола Жутић, Благоје Исаиловић) Београд, 2002.
10. Зборник Југославије, њених бановина, градова, срезова и општина. Београд, 1931.
11. Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928. Београд, 1928.
12. *Митриновић Ч., Брашић М.Н.* Југословенске Народне скупштине и сабори. Београд, 1937.
13. *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929) Beograd, 1991.
14. *Krizman B.* Dva pisma T. Schlegela o razgovorima sa Stjepanom Radićem u zatvoru 1925. godine // Časopis za suvremenu povijest. 1974. № 2.
15. Национални проблем на Балкану кроз призму светске револуције: У документима централних руских архива почетка-средине 1920-их година. (одговорни уредник Гришина Р. П.). Део 1. М., 2000; Део 2 (јуни 1924 г. – децембар 1926 г.). М., 2003.
16. Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998.
17. *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Beograd, 1987.
18. Привремени пословник за Уставотворну скупштину. Београд, 1920.
19. Прилози // Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати. 1918–1923. Београд, 1995.

20. *Radić Stjepan*. Politički spisi. Zagreb, 1971.
21. Korespondencija Stjepana Radića, izabrao Bogdan Krizman, Zagreb, 1972–1973.
22. R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London; Zagreb, 1976.
23. Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1921.
24. Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1922–1928.
25. *Franjo Supilo*. Politički spisi. Zagreb, 1970.
26. *Trumbić Ante*. Izabrani spisi. Split, 1986.
27. *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920.

Свидетелства современников

28. *Bičanić R.* Ekonomska podloga hrvatskog pitanja. Zagreb, 1938.
29. *Димитријевић М.* Ми и хрвати. Хрватско питање. Споразум са хрватима 1914–1939. Београд, 1939.
30. *Drinković М.* Hrvatska i državna politika. Zagreb, 1928.
31. *Јовановић Д.* Људи, људи... Медаљони 94 политичких, јавних и других савременика. (Приредила Др. Надежда Јовановић) Београд, 2002 (в производстве).
32. *Марковић Л.* Из Уставотворне у законодавну скупштину // Нови живот. VI књига. Београд, 1921.
33. *Он же.* Срби и Хрвати. 1914–1944. Београд, 1993.
34. *Он же.* Одломци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4. Београд, 1998.
35. *Maček V.* In the struggle for freedom. New York, 1957.
36. Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990.
37. *Меštrović I.* Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969.
38. *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952.
39. *Протић Ст.М.* Наша спољна и унутрашња ситуација (конференција одржана у клубу београдских радикала 2-Х-1919.) Београд, 1920.
40. *Он же С.* Три докумената или један лист из историје наших дана. Београд, 1921.
41. *Он же.* Владин предлог устава. Једна критика од Стојана Протића. Београд, 1921.
42. *Он же.* Око устава. Критика и полемика од Стојана Протића. Београд, 1921.

43. *Ribar I.* Politički spisi. Beograd, 1948.
44. *Он же.* Iz moje političke suradnje (1901–1963). Zagreb, 1965.
45. *Smodlaka J.* Zapisi Dra Josipa Smodlake. Zagreb, 1972.
46. *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970.
47. *Herceg R.* Seljački pokret u Hrvatskoj. Zagreb, 1923.
48. *Horvat J.* Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984.

Периодические издания

49. Klasna borba. Marksistički časopis. Organ Komunističke partije Jugoslavije 1926–1929. I. Beograd, 1984.
50. Време. — Белград.
51. Nova Evropa. — Zagreb
52. Нови живот. — Белград.
53. Obzog. — Загреб.
54. Политика. — Белград.
55. Правда. — Белград.
56. Радикал. — Белград.
57. Реч. — Белград.
58. Riječ Srba-Hrvata-Slovenaca. — Загреб.
59. Самоуправа. — Белград.
60. Српски књижевни гласник. Нова Серија. — Београд.
61. Slobodni dom. — Загреб.
62. Службене новине Краљевине СХС.
63. Трговински гласник.
64. Hrvat. — Загреб, 1919–1923.

Монографические исследования

65. *Ванас I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995.
66. *Вјелажас М.* Vojska Kraljevine SHS 1918–1921. Beograd, 1988.
67. *Он же.* Vojska Kraljevine SHS / Jugoslavije 1922–1935. Beograd, 1994.
68. *Его же.* Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918–1991. Beograd, 1999.
69. *Вобан. Лј.* Svetozar Pribičević u opoziciji 1928–1936. Zagreb, 1973.
70. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
71. *Глигорјевић В.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970.

72. *Он же*. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979.
73. *Он же*. Kominterna, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992.
74. *Он же*. Краљ Александар Карађорђевић: српско-хрватски спор. Београд, 2002.
75. *Dedijer V.* Jugoslavija između centralizma i federalizma // Istorija Jugoslavije. Beograd, 1973.
76. *Đimić Lj., Žutić N.* Rimokatolički klerikalizam u Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941. Beograd, 1992.
77. *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије. 1918–1941 Београд, 1996.
78. *Он же*. Срби и Југославија. Београд, 1998.
79. *Он же*. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.
80. *Djilas A.* The Contested Country. Yugoslav Unity and Communist Revolution 1919–1953. London, 1991.
81. *Ђуровић С.* Са Теслом у Нови век. Нова синтеза историје. Изабрани чланци из економске историје Србије и Југославије 1918–1941. Београд, 1997.
82. *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989.
83. *Zečević Momčilo.* Na istorijskoj prekretnici. Slovenci u politici Jugoslovenske države. Knj. 1. Beograd, 1985.
84. *Зечевић Миодраг.* Југославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994.
85. Istorija građanskih stranaka u Jugoslaviji. 2 т. Beograd, 1952.
86. Историја Југославије. Т. II. М., 1963.
87. Iz istorije Jugoslavije 1918–1945. Zbornik predavanja. Beograd, 1958.
88. Janjatović B. Politički teror u Hrvatskoj 1918–1935. Zagreb, 2002.
89. *Ее же*. Stjepan Radić — progoni, zatvori, suđenja, ubojstvo — 1889–1928. Zagreb, 2003.
90. *Janjetović Z.* Deca careva, pastoračad kraljeva: Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918–1941. Beograd, 2005.
91. *Janковић Д., Мирковић М.* Државноправна историја Југославије. Београд, 1982.
92. *Јовановић Н.* Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974.
93. *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1924, 1995.

94. Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999.
95. *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. Београд, 1990.
96. *Он же.* Србија и Југославија: 1914 — 1945. Књига друга. Крагујевац, 1995.
97. *Keršovani O.* Povijest Hrvata. Rijeka, 1971.
98. *Кривокапић-Јовић Г.С.* Оклоп без витеза: о социјалним основама и организационој структури Народне радикалне странке у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2002.
99. *Lampe, John R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge, 1997.
100. *Matković H.* Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972.
101. *Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958.
102. *Mužić I.* Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Ljubljana, 1987.
103. *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918-1988. I. Beograd, 1988.
104. *Он же.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993.
105. *Petrinović I.* Ante Trumbić. Politička shvaćanja i djelovanje. Zagreb, 1986.
106. *Петровић Љ.* Југословенска држава и друштво у периодици 1920–1941. Београд, 2000.
107. *Писарев Ю.А.* Образование югославского государства. М., 1975.
108. Politički život Jugoslavije 1914–1945. Zbornik radova. Beograd, 1973.
109. *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. С. 76.
110. *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003
111. *Она же.* Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998.
112. *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija u političkom životu Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Sarajevo, 1977.
113. *Романенко С.А.* «Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств». М., 1999.
114. *Rothschild J.* East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle & London, 1974.
115. *Seton-Watson, Hugh.* Eastern Europe Between the Wars 1918–1941. New York, 1967.
116. *Singleton, Fred.* Twentieth Century — Yugoslavia. New York, 1976.

117. *Smith Pavelić A.* Dr Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa. Munchen, 1959.
118. *Станковић Ђ.* Изазов нове историје. Београд, 1992.
119. *Он же.* Никола Пашић и Хрвати (1918-1923). Београд, 1995.
120. *Stojkov T.* Opozicija u vreme Šestojanuarske diktature. 1929–1935. Beograd, 1969.
121. *Tomasevich J.* Peasants, Politics and Economic Change in Yugoslavia. Stanford, London, 1955.
122. *Тошић Д.* Демократска странка: 1920-1941. Београд, 2006.
123. *Фрејдзон В. И.* Историја Хорватији. Санкт-Петербург, 2001.
124. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. 1918–1929. Zagreb, 1938.
125. *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990.
126. *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961.

Научне студије и дисертације

127. *Bajagić D.* Stjepan Radić kao ministar prosvete Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca // Tokovi istorije. № 4. Beograd, 2006.
128. *Banas I.* Bosnian Muslims: From Religious Community to Socialist Nationhood and Postcommunist Statehood // in Mark Pinson, ed. The Muslims of Bosnia-Herzegovina: Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia. Cambridge, Massachusetts, 1993.
129. *Он же.* Zašto liberalna Hrvatska kasni: glavni pravci hrvatske povijesti u dvadesetom stoleću // Liberalna misao u Hrvatskoj. Prilozi povijesti liberalizma od kraja 18. do sredine 20. stoleća. Zagreb, 2000.
130. *Vesić I.* Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923 (магистерска дисертација, заштитена на Филозофском факултету Белградског универзитета у 2002 г.)
131. *Vjelajac M.* Vojni činici kao dio okolnosti u vrijeme ministrowanja Dr. Ante Trumbića 1918–1920 // Život i djelo Ante Trumbića. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991.
132. *Он же.* Војска као чинилац интеграције и дезинтеграције југословенске државе 1918–1998 // Југословенска држава. 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999.
133. *Voban Lj.* Ante Trumbić: Život i djelo // Život i djelo Ante Trumbića. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991.
134. *Городњански А.В.* Степан Радич 1871–1928 // Пленници националној идеји. Сб. статей. М., 1993.

135. *Он же*. Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта // Славяноведение, 1997, № 3.
136. *Gligorijević B.* Organizacija jugoslovenskih nacionalista (Orjuna) // Istorija XX veka. Zb radova. V. Beograd, 1963.
137. *Он же*. Neki aspekti na odnose između Demokratske i Hrvatske republikanske seljačke stranke (1919–1925) // Istorija XX veka. 1972, № 12.
138. *Он же*. Jugoslovenstvo između dva rata // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1986. Broj 1–4.
139. *Он же*. Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића // Српска политичка мисао. 1, 1995.
140. *Он же*. Стварање пречанског фронта у Хрватској и политичке последице (1927–1941) // Југословенски историјски часопис. 1997. № 1.
141. *Он же*. King Aleksandar I Karađorđević // The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Hampshire, England. 1997.
142. *Он же*. Краљ Александар Карађорђевић и Никола Пашић // Никола Пашић. Живот и дело. Зборник радова са научног скупа. Београд, 1997.
143. *Ђуровић С.* Основне тенденције привредног развоја Југославије // Југословенска држава 1918-1998. Зб. радова са научног скупа. Београд, 1999.
144. *Žutić N.* Ministarski savet Kraljevine Jugoslavije // Istorija XX veka. 1998. № 1.
145. *Зеленин В.В.* Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.
146. *Он же*. Король Александр Карагеоргиевич 1888–1934 // Пленники национальной идеи. Сб. статей. М., 1993.
147. *Зечевић Момчило*. Словенци и Никола Пашић у југословенској политици // Никола Пашић. Живот и дело. Зборник радова са научног скупа. Београд, 1997.
148. *Janjatović B.* Karađorđevićevska centralizacija i položaj Hrvatske u Kraljevstvu (Kraljevini) SHS // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1995. № 1.
149. *Она же*. Izborni teror u Hrvatskoj 1923–1927 // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1996. № 1–2.
150. *Она же*. Državne uze, post i samica: suđenje Stjepanu Radiću 1920 // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1997. № 1.

151. *Janković D.* Društveni i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca uoči stvaranja Socijalističke radničke partije Jugoslavije (komunista) // Istorija XX veka, Zb. Radova . I. Beograd, 1959.
152. *Ježić M.* Problems of understanding XX-th century history of Croatia. University of Zagreb. (<http://www.dalmatia.net/croatia/history/jezic.htm>).
153. *Jovanović N.* O jednom nenaučnom metodu. Povodom monografije dra Hrvoja Matkovića — Svetozar Pribičević i Samostalna demokratska stranka do šestojanuarske diktature // Časopis za suvremenu povijest. 1973. № 1.
154. *Јовичић М.* Србија и српство у југословенским уставима // Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999.
155. *Koštunica V.* Istorija u službi politike // Theoria, časopis Filozofskog društva Srbije. Beograd, 1988, № 3–4.
156. *Krizman B.* Hrvatski sabor i ujedinjenje 1918. godine // Стварање Југословенске државе 1918. године. Зборник радова. Београд, 1989.
157. *Лековић Д.* Југословенска размеђа // Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999.
158. *Марковић М.* Смисао стварања Југославије // Југословенска држава 1918–1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999.
159. *Matković H.* Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji // Istorija XX veka. Zb radova. V. Beograd, 1963.
160. *Она же.* Šurminova akcija za osnivanje Hrvatske narodne stranke // Historijski zbornik. 1966–1967.
161. *Она же.* Stjepan Radić i Svetozar Pribičević u jugoslavenskoj politici od ujedinjenja do Šestojanuarske diktature // Jugoslovenski istorijski časopis. 1969. № 4.
162. *Он же.* Odnos Aleksandra Karadorđevića prema političkom djelovanju Matka Laginje // Časopis za suvremenu povijest. 1974. № 3.
163. *Milenković T.* Stav Radikalne stranke prema agrarnoj reformi (1918 — 1929) // Istorija XX veka. Zb radova. 1972. № 11.
164. *Милорадовић Г.* Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией // Русский сборник: Исследования по истории России. Том 4. Москва, 2007.
165. *Petranović B.* Britanski izvori o unutrašnjem uređenju Jugoslavije (1920–1938) // Jugoslovenski istorijski časopis. 1986. № 1–4.
166. *Он же.* Modernizacija u uslovima nacionalno nestabilnog društva // Србија у модернизацијским процесима XX века. Београд, 1994.

167. *Radojević M.* Politička opozicija u Kraljevini (SHS) Jugoslaviji // Istorija XX veka. 1997. № 2.
168. *Станковић Ђ.* Никола Пашић и избор Председништва Народне Скупштине 1922. године // Историјски гласник. 1–2. Београд, 1993.
169. *Он же.* Nikola Pašić i parlamentarizam u Srbiji i Jugoslaviji. Teorijske osnove i istorijska praksa 1914–1926 // Istorija XX veka. 1996. № 2.
170. *Stipetić Z.* Obmane i samoobmane: jugoslavenska integralistička inteligencija u Hrvatskoj 1918–1941 // Spomenica Ljube Bobana (1933–1944). Zagreb, 1996.
171. *Stojkov T.* O spoljnopolitičkoj aktivnosti vodstva SDK uoči Šestoja-nuarske diktature // Istorija XX veka. 1968. № 9.
172. *Сумарокова М. М.* Становление единого югославянского государства; Формирование политической системы Королевства СХС; Политические отношения в Королевстве СХС 1921–1928 // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1917–1929. М., 1988.
173. *Храбак Б.* Двојна Југословенска држава — идеал хрватске буржоазије 1914–1935 // Стварање Југословенске државе 1918. године. Зборник радова. Београд, 1989.
174. *Он же.* Баук федерализма у Краљевини СХС // Југословенска држава 1918–1998. Зб. радова са научног скупа. Београд, 1999.
175. *Шемакин А.Л.* Никола Пашић 1845–1926 // Пленници национал-ной идеи. Сб. статей. М., 1993.
176. *Он же.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1997.
177. *Он же.* Обреченная конституция: Сербский устав 1888 г. // Новая и новейшая история». 2002. № 4.
178. *Šepić D.* Političke koncepcije Frana Supila // Frano Supilo. Politički spisi. Zagreb, 1970.

Прочая литература

179. Песнь о Роланде // Европейский эпос античности и Средних веков. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава I. «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»:</i>	
ПОРАЖЕНИЕ УМЕРЕННОЙ ПОЛИТИКИ	36
§ 1. «Экстремистское» политическое течение в Королевстве СХС	39
§ 2. «Умеренное» политическое течение в Королевстве СХС	44
§ 3. Причины поражения «умеренного» течения	51
<i>Глава II. «СЕРБИЯНСКАЯ» ПОЛИТИКА</i>	<i>74</i>
§ 1. Завершение югославянского «рисорджименто»: югославистские иллюзии и реальность	75
§ 2. Консолидация «централистско-унитаристского фронта»	78
§ 3. Распад «централистско-унитаристского фронта»	91
§ 4. Кризис «централистско-унитаристской» политики Белграда	101
<i>Глава III. ХОРВАТСКАЯ ПОЛИТИКА</i>	<i>113</i>
§ 1. Социальная и религиозная пропаганда Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) в первой половине 1920-х гг.	114
§ 2. Смысл политики Степана Радича	135
§ 3. С. Радич и С. Прибичевич: борьба и единство «противоположностей»	148
<i>Глава IV. ХАРАКТЕР ЮГОСЛАВСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА</i>	<i>157</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
БИБЛИОГРАФИЯ	187

Научное издание

Александр Александрович Силкин
КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ:
НА ПУТИ К ДИКТАТУРЕ. 1918–1929 гг.

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве, М. И. Леньшина*
Оригинал-макет *Л. А. Философова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 05.05.2008. Формат 60×88¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,2. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 05-12.

Отпечатано в типографии «Ренومه»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЈЯ» В СЕРИИ
«BIBLIOTHECA SERBICA»

выпустило в свет

Двести лет новой сербской государственности
К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.
Отв. ред. В. К. Волков

Иеромонах Роман
Там моя Сербия

И. И. Лециловская
Сербский народ и Россия в XVIII в.

Русские о Сербии и сербах
Т. 1: Письма, статьи, мемуары
Составление А. Л. Шемякина;
комментарии А. А. Силкина, А. Л. Шемякина

М. В. Белов
У истоков сербской национальной идеологии
(конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века):
механизмы формирования и специфика развития

А. Ю. Тимофеев
Крест, Кинжал и книга
Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912)

А. Л. Шемякин
Смерть графа Вронского

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ**

МОСКВА

1. «Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
2. Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, корп. 2. Тел. (495) 131-11-38
5. «Паолине», ул. Б. Никитская, 26/2. Тел. (495) 291-50-05
6. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», Миусская пл., 6. Тел. (495) 973-43-01
7. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
8. Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
9. Книжная лавка при Литинституте, Тверской бул., 25. Тел. (495) 202-86-08
10. Магазин «Музыкальный парк», Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
11. Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
12. Магазин «Фаланстер», Малый Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
13. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, 28. Тел. (495) 959-21-03
14. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00
15. «Новое книжное агентство», ул. Покровка, 27. Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ, Университетская наб., 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», ул. Садовая, 18. Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., 28
6. Магазин «Слово», ул. Малая Конюшенная, 9. Тел. (812) 571-20-75
7. Магазин «Русская симфония», 1-я линия В. О., 42. Тел. (812) 328-63-42
8. Магазин «Перемещенные ценности», ул. Колокольная, 1. Тел. (812) 713-21-74
9. Книжная лавка писателей, Невский пр., 66
10. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, 9
11. Книжный клуб «На Австрийской», Каменноостровский пр., 13/2. Тел. (812) 232-33-07

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru>. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

Монография А.А. Силкина «Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг.» посвящена первому десятилетию существования югославского государства — внутриполитическому развитию, приведшему к установлению режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича. Выбор темы и хронологических рамок исследования предопределен важностью 20-х гг. для всей истории Югославии — и до, и после Второй мировой войны. Автор описывает обстоятельства создания Королевства СХС, роль в этом процессе государственных деятелей Королевства Сербия и югославян Австро-Венгрии. Значительное внимание посвящено проблеме выработки первой конституции нового государства — его административно-территориальному и национальному устройству. Политическую жизнь Королевства СХС автор рассматривает через призму десятилетнего противостояния так называемых «сербянских» (из довоенной Сербии) и хорватских политиков. Их борьба предопределила кризисный характер развития страны. Немаловажное место в работе занимает анализ особых черт югославского парламентаризма, отличавших его от западноевропейского «оригинала».